

БОГОСЛОВСКИЕ ТРУДЫ

Выпуск 47–48

Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви
Москва 2018

Рекомендовано к публикации
Издательским Советом Русской Православной Церкви
ИС Р18-718-0683

Председатель редколлегии

Митрополит Волоколамский Иларион, председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, председатель Синодальной Библейско-богословской комиссии, ректор Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия

Члены редколлегии

Митрополит Бориспольский и Броварской Антоний, управляющий делами Украинской Православной Церкви

Архиепископ Верейский Евгений, председатель Учебного комитета, ректор Московской духовной академии

Архиепископ Петергофский Амвросий, ректор Санкт-Петербургской духовной академии

Епископ Бобруйский и Быховский Серафим, первый проректор Института теологии им. св. Мефодия и Кирилла

Епископ Балашихинский Николай, главный редактор Издательства Московской Патриархии

Прот. Валентин Асмус; прот. Владимир Воробьев; прот. Леонид Грилихес; прот. Максим Козлов; прот. Владислав Цыпин; прот. Владимир Шмалый; иерей Михаил Желтов; Д. Е. Афиногенов; А. Ю. Виноградов; Г. М. Кессель; С. Л. Кравец; П. В. Кузенков; А. М. Пентковский; Е. С. Полищук; С. С. Хоружий; Ю. А. Шичалин

Ответственный редактор

Е. С. Полищук

Научные редакторы

М. М. Бернацкий, А. Г. Дунаев

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИКАЦИИ

СВТ. ИОАНН ЗЛАТОУСТ (Dub.). Проповедь на слова «Никто не благ, как только один Бог» (Мф. 19, 17), о гостеприимстве Авраама, об украшающих себя женщинах и о чревоугодии (CPG. 4916, BHG. 2003e) (предисловие, публикация и пер. с древнегреческого С. С. Кима)	11
ПРП. ИСААК СИРИН. Избранные главы <i>Второго слова о знании</i> (предисловие, публикация и пер. с сирийского А. Д. Макарова)	38
ИЕРОМОНАХ АРСЕНИЙ (ТРОЕПОЛЬСКИЙ). Искатель непрестанной молитвы (публикация и примеч. А. М. Пентковского)	54

ИССЛЕДОВАНИЯ

М. И. ВАРФОЛОМЕЕВ. Предкрещальное заклинание в тексте «Завещания Господа нашего Иисуса Христа»: анализ структуры и содержания . . .	221
Г. М. КЕССЕЛЬ. <i>Пятое собрание</i> Исаака Ниневийского: предварительные наблюдения о новонайденной рукописи (<i>olim</i> Diyarbakır / Scher 25) . .	239
М. Г. КАЛИНИН, А. М. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ. Гностические сотницы Иосифа Хаззайи: новое рукописное свидетельство и ранее не идентифицированные главы	258
А. Ю. ВИНОГРАДОВ, Ш. ГУГУШВИЛИ. Очерк истории Абхазского католикосата. Часть 2. XI–XV вв.	290
ПРОТ. МАКСИМ КОЛЕСНИК. Келейные молитвенные правила по рукописям Иосифо-Волоколамского монастыря XV–XVI вв.	321
А. М. ПЕНТКОВСКИЙ. История текста и автор «Откровенных рассказов странника»	343
Ю. В. НЕСТЕРЕНКО. Лунное течение для новоюлианского календаря . .	449

ПЕРЕВОДЫ

МАРИЙ ВИКТОРИН. О рождении божественного Слова (пер. с латинского А. Р. Фокина)	481
ИОСИФ ХАЗЗАЙЯ. О молитве в месте ясности (пер. с сирийского М. Г. Калинина)	526

РЕЦЕНЗИИ

<i>Святитель Фотий, патриарх Константинопольский. Антилатинские сочинения / Пер. с древнегреческого Д. Е. Афиногенов, П. В. Кузенков. М.: Общецерковная аспирантура и докторантура им. свв. Кирилла и Мефодия, 2015. (Патристические исследования и переводы) (ПРОТ. ВАЛЕНТИН АСМУС)</i>	543
<i>Евстратий Никейский. Опровержительные слова / Изд. подг. А. В. Бармин. М.: Издательство Московской Патриархии РПЦ, 2016. (Б-ка сб-ка «Богословские труды») (Р. М. ШУКУРОВ)</i>	552
<i>Мар Исхак Ниневийский (преподобный Исаак Сирий). Книга о восхождении инока: Первое собрание (трактаты I–VI) / [Изд. подг.] А. В. Муравьев. М.: Издательский дом ЯСК, 2016 (А. Г. ДУНАЕВ, И. Е. ЯМПОЛЬСКИЙ) ..</i>	555
Summaries	587
Сокращения	590
Сведения об авторах	592

THEOLOGICAL STUDIES, 47–48

CONTENTS

PUBLICATIONS

ST. JOHN CHRYSOSTOM (Dub.). Homily «In illud: Nemo bonus nisi solus Deus (Matth. 19, 17) et in hospitalitatem Abrahae, et in formosas se facientibus feminas, et de gula» (CPG. 4916, BHG. 2003e) (introd., ed. and transl. from Ancient Greek by S. Kim)	11
ST. ISAAC OF NINEVEH. The Chapters of the Second Treatise on Knowledge (introd., ed. and transl. from Syriac by A. Makarov)	38
HIEROMONK ARSENY (TROEPOLSKY). The Seeker of Unceasing Prayer (ed. and notes by A. Pentkovsky)	54

STUDIES

M. VARFOLOMEEV. Pre-baptismal Exorcism in the «Testament of Our Lord»: Analysis of the Structure and Content	221
G. KESSEL. <i>The Fifth Part</i> of Saint Isaac of Nineveh: Preliminary Observations on a Recently Discovered Manuscript (<i>olim</i> Diyarbakır / Scher 25)	239
M. KALININ, A. PREOBRAZHENSKY. The Gnostic Chapters of Joseph Hazzaya: New Manuscript Evidence and Previously Unidentified Chapters	258
A. VINOGRADOV, Sh. GUGUSHVILI. An Essay on the History of the Catholicosate of Abkhazia. Part 2. 11th — 15th c.	290
ARCHPRIEST MAKSIM KOLESNIK. The Private Prayers in the Manuscripts of the Joseph-Volokolamsk Monastery in the 15th — 16th c.	321
A. PENTKOVSKY. On the History of the Text and the Author of «The Candid Tales of a Pilgrim to His Spiritual Father»	343
Yu. NESTERENKO. The Sequence of Lunar Months for the Revised Julian Calendar	449

TRANSLATIONS

MARIUS VICTORINUS. <i>De generatione divini Verbi</i> (transl. from Latin by A. Fokin)	481
JOSEPH HAZZAYA. On the Prayer in the Place of Lucidity (transl. from Syriac by M. Kalinin)	526

REVIEWS

<i>St. Photios I of Constantinople. Treatises Against the Latins / Transl. from Ancient Greek by D. Afinogenov, P. Kuzenkov. M., 2015 [in Russian] (ARCHPRIEST VALENTIN ASMUS)</i>	543
<i>Eustratius of Nicaea. Λόγοι ἀντιῤῥητικοί / Ed. and transl. by A. Barmin. M., 2016 [in Ancient Greek and Russian] (R. SHUKUROV).</i>	552
<i>Mar Isaac of Nineveh (St. Isaac the Syriac). The Book of the Monk's Ascent. First Part (treatises 1–6) / Ed. by A. Muraviev. M., 2016 [in Syriac and Russian] (A. DUNAEV, I. YAMPOLSKY)</i>	555
Summaries	587
Abbreviations	590
Information about the Authors	592

ИСКАТЕЛЬ НЕПРЕСТАННОЙ МОЛИТВЫ

Иеромонах Арсений (Троепольский)

В настоящем издании воспроизводится текст сводной авторской редакции четырех основных и трех дополнительных рассказов странника, созданной иеромонахом Арсением (Троепольским, далее — АТ) весной 1863 г., с авторскими предисловием и оглавлением (содержанием) в конце текста, которые являются ее неотъемлемыми частями. Текст публикуется по сохранившемуся автографу, который представляет собой десятую часть (Муз-10952) из пятнадцатитомного собрания собственных сочинений и выписок, составленного АТ в конце жизни.

В постраничных примечаниях указаны исправления и изменения, которые были внесены в основной текст в Муз-10952, а также разночтения по списку Пант-141, содержащему текст первоначальной редакции четырех рассказов (подробнее об этой редакции — с. 383–384 в наст. выпуске). В большинстве случаев эти разночтения совпадают с соответствующими чтениями из списка Мух-293, который содержит особую редакцию текста, восходящую к первоначальной авторской редакции (подробнее об этой редакции — с. 389–391). Однако существует немногочисленные случаи, в которых чтение Мух-293 отличается от чтения Пант-141, указанного в примечаниях, и совпадает с чтением сводной редакции (то есть когда чтение Пант-141 не принадлежит первоначальной авторской редакции). В каждом из этих случаев вместе с разночтением из Пант-141 приводится соответствующее чтение Мух-293, подтверждающее вторичность указанного чтения в Пант-141.

Орфография текста приближена к современной, при отсутствии устойчивых написаний орфография унифицирована. В тексте сохранены архаичные словоупотребления и написания, характерные для АТ, в том числе и сокращенные наименования книг Священного Писания, а также особенности написаний, характерные для простонародной речи, которые АТ использовал для придания тексту сходства с записью подлинных рассказов странника крестьянского происхождения. Пунктуация приближена к современной, особенно при передаче прямой речи. Имеющиеся в рукописи авторские добавления и исправления отмечены в постраничных примечаниях, там же отмечены все

случаи зачеркивания, указано количество зачеркнутых слов и, при возможности, зачеркнутые слова. Все подчеркивания в основном тексте сохранены. В угловых скобках помещены цифры и фрагменты слов, отсутствующие в тексте. Нумерация параграфов, добавленная карандашом на полях рукописи и связанная с авторским оглавлением (содержанием), внесена в основной текст. В отсылках к соответствующим параграфам основного текста, находящимся в этом оглавлении, использованы страницы настоящего издания, а не авторская нумерация страниц, имеющаяся в Муз-10952.

В примечаниях, находящихся в конце текста, отмечены имеющиеся в тексте цитаты, в том числе и скрытые, а также указаны фрагменты, заимствованные составителем из собственных текстов, составленных ранее, или же из ранее сделанных выписок. Для печатных изданий преимущественно использовались такие книги, которые были использованы или же могли быть использованы составителем.

Рукописные источники

Воскр-147 — ГИМ. Воскр. бум. 147. Арсений (Троепольский). О молитве четыре книги. Сведения о рукописи: с. 435 в наст. выпуске.

Кол-177/3 — ОР РГБ. Ф. 743 (Коллекция архивных материалов и списков XV — XXI вв.). К. 177. Ед. 3. Сборник сочинений и выписок Арсения (Троепольского). Описание состава рукописи: с. 432–434.

Муз-9265 — ОР РГБ. Ф. 178 (Музейное собрание). № 9265. Сборник сочинений и выписок Арсения (Троепольского). Описание состава рукописи: с. 428–432.

Муз-9561 — ОР РГБ. Ф. 178 (Музейное собрание). № 9561. Сборник писем, составленных Арсением (Троепольским). Описание состава рукописи: с. 422.

Муз-10947 — ОР РГБ. Ф. 178 (Музейное собрание). № 10947. Арсений (Троепольский). Откровенное послание пустынного отшельника к своему старцу и наставнику во внутренней молитве. Описание состава рукописи: с. 421–422.

Муз-10948 — ОР РГБ. Ф. 178 (Музейное собрание). № 10948. Сборник сочинений и выписок Арсения (Троепольского). Описание состава рукописи: с. 422–425.

Муз-10950 — ОР РГБ. Ф. 178 (Музейное собрание). № 10950. Арсений (Троепольский). О христианском наслаждении жизнью на земле. Описание состава рукописи: с. 426.

Муз-10951 — ОР РГБ. Ф. 178 (Музейное собрание). № 10951. Арсений (Троепольский). Цветник, или Ручная книжка. Описание состава рукописи: с. 426–427.

Муз-10952 — ОР РГБ. Ф. 178 (Музейное собрание). № 10952. Арсений (Троепольский). Искатель непрестанной молитвы, или Рассказы странствовавшего, записанные слышавшим по побуждению следующих слов

Священного Писания: «Тайну цареву добро хранить, дела же Божия проповедати славно». Описание состава рукописи: с. 427–428.

Муз-10953 — ОР РГБ. Ф. 178 (Музейное собрание). № 10953. Арсений (Троепольский). Записки при чтении Слова Божия по руководству святых отцов. Описание состава рукописи: с. 428.

Мух-291 — ОПИ ГИМ. Ф. 117 (Мухановы). Ед. хр. 293. Л. 39–105. Искатель непрестанной молитвы, или Откровенный рассказ странника духовному своему отцу. Опубликовано: Искатель непрестанной молитвы, или Откровенный рассказ странника духовному своему отцу: по новообретенной рукописи / Изд. подг. свящ. Георгий Павлович. М., 2014. С. 31–163.

Опт-411 — ОР РГБ. Ф. 214 (Собрание рукописей Оптиной пустыни). № 411. Список сборника писем (Муз-9561), составленного Арсением (Троепольским). Опубликовано: *Троепольский*. 2006: 468–562.

Пант-141 — Библиотека Афонского Пантелеимонова монастыря. № 33141. Л. 1–45 об. Арсений (Троепольский). Искатель непрестанной молитвы, или рассказы странника, записанные слышавшим по побуждению следующих слов Священного Писания: «Тайну цареву добро хранить, дела же Божия открывати славно». Описание рукописи и ее состава см.: Каталог рукописей, печатных книг и архивных материалов Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне. Ч. 1. Славяно-русские рукописи, хранящиеся в библиотеке и в архиве монастыря / Сост. монах Ермолай (Чежия). Святая Гора Афон, 2013. С. 384 (= Русский Афон XIX–XX веков. Т. VII).

Печатные источники

Добротолюбие. 1822 — Добротолюбие, или Словеса и главизны священного трезвения, собранные от писаний святых и богодухновенных отец. Переведено с еллиногреческого языка. Изд. 2-е. М., 1822.

Иоанн Лествичник. 1812 — Преподобного отца нашего Иоанна Лествичника Лествица, возводящая на небо. СПб., 1812.

Исаак Сирий. 1854 — Иже во святых отца нашего аввы Исаака Сириянина, подвижника и отшельника, бывшего епископом христолюбивого града Ниневии, слова подвижнические. М., 1854 (= Творения святых отцов в русском переводе с прибавлениями духовного содержания, издаваемые при Московской духовной академии. Год XII. Кн. 3–4).

Макарий Египетский. 1817 — Слова преподобного отца нашего Макария Египетского. СПб., 1817.

Максим Исповедник. 1853 — Преподобного отца нашего Максима Исповедника, Толкование на молитву «Отче наш» и его же слово постническое по вопросу и ответу. М., 1853.

Паисий Величковский. 1847 — Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского, с присовокуплением предисловий на книги св. Григория Синаита, Филофея Синайского, Исихия Пресвитера и Нила

Сорского, сочиненных другом его и спостником, старцем Василием Поляномерульским, о умном трезвении и молитве. М., 1847.

Паисий Величковский. 1849 — Восторгнутые класы в пищу души, то есть несколько переводов из святых отцов старца Паисия Величковского. М., 1849.

Троепольский. 1846 — *Арс<ений> Тр<оепольский>, иером.* Рассуждение о бессмертии души, или доказательства бессмертия, почерпнутые из разума и Слова Божия, с разрешением возражения против оногo. М., 1846.

Троепольский. 1994 — *<Арсений Троепольский, иером.>* Память о молитвенной жизни старца Василиска, монаха и пустынника Сибирских лесов (послание) / Подг. текста и публикация А. М. Пентковского // Символ. 1994. № 32. С. 279–340.

Троепольский. 2006 — *Арсений Троепольский, иером.* Письма о плодотворности замечания и записывания полезных мыслей / Публ. и предисл. В. А. Котельникова, комментарии Е. В. Гладковой, В. А. Котельникова и О. Л. Фетисенко // Христианство и русская литература. Сб. 5. СПб., 2006. С. 458–578.

А. М. Пентковский

ИСКАТЕЛЬ НЕПРЕСТАННОЙ МОЛИТВЫ
или Рассказы странствовавшего^а, записанные слышавшим,
по побуждению следующих слов Священного Писания: «Тайну
Цареву добро хранить, дела же Божия проповедати^б славно»
(Тов. гл. <12> ст. <7>)

МЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Предлагаемые здесь «Рассказы Странника» не что иное суть, как верные наблюдения над жизнью, произведенные особенными поучительными случаями, кои встречал сей благочестивый муж на пути своего земного странствования, обреченного ему судьбами Промысла в жизненный жребий.

Каждый здравомыслящий должен согласиться, что практическое изучение предметов жизни вернее и убедительнее одних^с теорий, а посему и следует заключить, что события, высказанные сим^д «Странником», сколько были для него самого назидательны и просветительны (чего нельзя было не заметить при каждом с ним свидании), столько же могут быть наставительными^е и полезными и для тех, кои прочтут оные с доверенностью сердца.

Имея единственно сие в виду, записыватель сих «Рассказов» всемерно старался сколько возможно удерживать, как оригинал, подлинные слова «странника» без всяких прикрас, дабы яснее в сем видеть просветительную силу благодати, присущую^ф Имени^г Иисуса Христа.

При сем не излишним считается упомянуть, дабы не представилось сие описание кому-либо измышлением токмо или сбором фантазий, сосредоточенных под фирмою Странника, в роде нравственного романа, нужным полагается сказать, что описанный Странник действительно был и по чистой совести рассказывал свои приключения. Он несколько раз видался с записывателем в 1800-двадцатых годах, где также видали его и многие благочестивые люди, слушавшие его повествование как засвидетельствованное достоверными былевыми фактами.

^а *Пант-141*: странника.

^б *Пант-141*: открывати.

^с *Нет в Пант-141.*

^д *Нет в Пант-141.*

^е *Пант-141*: вразумительными.

^ф *Нет в Пант-141.*

^г *Нет в Пант-141.*

Странник роста был среднего, темперамента сангвинического, сухощав телом от воздержной и суровой жизни, лице имел благообразное, глаза выразительные и небольшую русую бороду, но окладистую. Ко всем был любвеобилен и приветлив со смирением¹.

Лет через^a 15 после описанных свиданий с ним записыватель, случайно встретившись^b в Орловской губернии, в Ливенском уезде, с одним добрым старцем, оказавшимся дядею «Странника», и разговорясь, уведомился, что сей «Странник» скончался во благочестии на своей родине.^c

ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ^d

§ 1. Я, по милости Божией, — человек-христианин, по делам — великий грешник, по званию — бесприютный странник самого низкого сословия, скитающийся с места на место. Имение мое — следующее: за плечами сумка сухарей да под пазухой Библия, вот и все...

§ 2. В двадцать четвертую неделю после Троицына дня² пришел я в церковь к обедне помолиться. Читали Апостол из Послания к Солунянам, зачало 2733, в котором сказано: «Непрестанно молитесь»⁴. Сие изречение особенно вперилось в ум мой, и я начал думать: «Как же можно беспрестанно молиться, когда необходимо нужно каждому человеку и в других делах упражняться для поддержания своей жизни?». Справился в Библии — и там увидел тоже, что надо непрестанно молиться⁵, молиться на всякое время духом⁶, воздевать молитвенные руки на всяком месте⁷...

Думал-думал, не знал, как решить. Спросил дьячка:

— Что значит непрестанно молиться и как?

Он ответил:

— Как сказано, так и молись...

Я опять спросил:

— Да как же непрестанно-то?

— Ну! Еще стал спрашивать... — сказал дьячек и ушел.

Я пошел к попу.

— Как непрестанно молиться? — спросил и^e его. Поп ответил:

— Чаше ходить в церковь, править молебны, ставить свечки, класть больше земных поклонов...

— Да где же об этом сказано в Библии? — спросил я.

^a Пант-141: чрез.

^b Пант-141: встретился.

^c В левом нижнем углу записано: 9 апр<еля>.

^d Название рассказа добавлено позднее другими чернилами. Пант-141: Рассказ крестьянина-христианина. В Мух-293 название рассказа отсутствует.

^e Пант-141: я.

— Где тебе, дураку, читать Библию? Вам^а и читать-то ее не велено, нам только велено ее читать!⁸

Сказавши это^б, поп прогнал меня. Что мне делать, — подумал я, — где сыскать, кто бы растолковал мне? Пойду ходить по церквам, где славятся хорошие проповедники, авось там услышу себе вразумление.

§ 3. Пришел в Собор, в день воскресный, в Неделю о мытаре и фарисее. Сам архиерей говорил проповедь из текста: «Фарисей же, став, сице в себе моляшеся» (Лук. За<ч>. 89)⁹. Вся проповедь состояла из того, что потребно для истинной молитвы и как недостойна молитва без должного к ней приуготовления. Например, он говорил: «Если желаешь, чтоб молитва твоя была истинная, чтобы приносила плод во спасение и была бы не отвергнута, а услышана Богом, стяжи, во-первых, веру твердую, очисти ум от всех помыслов лукавых, отложи всякое житейское попечение, содей сердце твоё^с храмом Духу Святому, изгони из него всякое сластолюбие и обнови его чистотою и усердием, увяди плоть пощением и воздержанием и умертви уды, сущие на земли, со всеми будь мирен, храня^д мир и святыню. И тако утвердившись сими подвигами, приноси дар твой ко алтарю, возноси^е чистую молитву на жертвенник Божий, и молитва твоя будет услышана и спасет тебя. А иначе, если ты, без достодожного приуготовления показанными тебе добродетелями и не предпочистившись прежде покаянною и воздержною жизнью, дерзнешь рассеянно и хладно приступить к молитве, то ты лишишь её крыл, не дашь ей силы действовать. И таковая молитва твоя не только будет безуспешна, но и оскорбительна для Бога, а для тебя пагубна и обратится тебе в грех^ф».

Услышав это, я испугался и думал: как мне быть? Ничего приуготовительного к молитве во мне нет, да и впредь не вижу в себе надежды на многотрудное сие приготовление. И так, с унынием души я вышел из церкви!

Пришедши на квартиру, стал справляться с Библией и поверять ею слышанное. «Стяжи, во-первых, веру твердую...» — как же я ее стяжу, когда «вера не от нас, Божий бо есть дар»¹⁰? Чтобы получить дар, надобно его просить, надобно о нем молиться: «Просите и дастся вам»¹¹. А он сказал: «Стяжи прежде веру, а^г потом уже и молись^h», — это совсем

^а В Пант-141 ошибочно: Вот. Мух-293: Вам.

^б Пант-141: сие.

^с Пант-141: свое.

^д В Пант-141 ошибочно: храняй. Мух-293: храни.

^е Пант-141: вознеси.

^ф В Пант-141 добавлено: как сказано в Псалмах: «и молитва его да будет в грех» (Пс. 108, 7).

^г Нет в Пант-141. Мух-293: а.

^h В Пант-141: помолись. Мух-293: молись.

наоборот! Да еще прибавил и «твердую» (веру), которой и сами апостолы не имели и просили: «Господи, приложи нам веру»¹².

Еще говорил: «Чтоб истинно молиться, очисти ум от помыслов, отвергни житейские попечения». А в Библии сказано: «Належит человеку помышление на злое от юности его»¹³, и «даде Господь человеком помышления^a лукавая, да не в горшая уклонятся^b»¹⁴. И поэтому следует прежде молиться, чтоб очистился неудержимый ум, а если своими силами стараться очистить ум от помыслов да и дожидаться сего очищения^c, то и весь век не будешь молиться!.. И это не так им сказано.

Далее говорил: «Обнови сердце чистотою и усердием для истинной молитвы». Можно ли самому себе вновь переделать сердце, когда сказано в Библии: «Един Бог дает сердце ино, и дух новый дает нам»¹⁵? Да и пророк Давид не прежде очистил сердце, а прежде молился об очищении сердца, «сердце чисто созижди во мне, Боже»¹⁶ вопиял. «Воздержанием умертви уды, сущие на земли». Да и этого без молитвы сделать нельзя, пример сему — апостол Павел, прежде молившийся трижды об отвращении и побеждении искушения¹⁷ и сказавший: «Сам аз умом моим работаю закону Божию, плотию же — закону греховному»¹⁸... Может ли быть оскорбительною для Бога молитва без достодожного приготовления, когда она будет приносима о достодожном приуготовлении? Из всех молитв, изображенных в Библии, видно, что они приносились для очищения от грехов, а не предварительное очищение грехов предшествовало молитве. Манассиина молитва¹⁹ сему свидетель...

И так сличивши все это с Библией, я увидел, что проповедь совсем была без правильного основания и без опыта и все поставлено было в ней вверх ногами или наоборот. Я, успокоившись Библией, перестал о слышанном думать, а сожалел только^d о том, что не слыхал, что значит непрестанно молиться и как? Сия мысль заботливо держалась во мне.

Настала Крестопоклонная неделя²⁰, я пошел к обедне в Академию. Там ученый проповедник сказывал поучение о молитве Иисуса Христа на Кресте, служащей примером для наших молитв, и основался на следующем^e тексте: «Молящеся на всяко время духом»²¹. Услышав сие, обрадовался я, думая, что он при сем непременно растолкует и то, что значит непрестанно молиться и как?

Проповедник кричал-кричал и все доказывал потребность молитвы духом. «Не в наборе слов должна состоять молитва, — говорил он, — не во внешнем предстоянии, не в бегании на общественные словословия для тщеславия, не в многом чтении молитв и не в продолжительности песнопений, но в силе, во внимании, в пламенном усердии, в смиренном возношении ума и сердца к Богу. Словом, молитва должна

^a Над строкой написано карандашом: попечения

^b Пант-141: уклоняется.

^c Нет в Пант-141. Мух-293: очищения.

^d Пант-141: токмо.

^e Нет в Пант-141.

преимущественнее всего приноситься духом; дух человеческий с ревностным порывом и пламенным желанием должен возносить свою молитву. И таковая истинная молитва в одно мгновение пройдет небеса, одним искренним, исполненным теплоты веры и любви вздохом достигнет до Престола Божия, будет услышана и принесет желанный плод. Истинная молитва духом во всем должна быть противоположна наружным тщеславным молитвам, долго продолжаемым без теплоты сердечной, по подобию фарисейскому^а, от чего и Иисус Христос удерживал учеников своих, говоря: «В молитве не лишше глаголите»²²».

Выслушав все это, я не удовлетворил моего желания и опять остался в недоумении: как молиться непрестанно? Пришедши, с горя опять принялся за Библию... Читал-читал, да и начал размышлять: как же так? Проповедник толковал текст «Всякою молитвою молящеся на всяко время духом»²³, и при сем толковании не только не открыл, каким образом можно молиться «на всякое время», то есть всегда, но еще и порицал продолжительные молитвы и советовал молитву хотя краткую, но пламенную²⁴. В этом он сам себе противоречил, да и в Библии говорится, что должно всегда, постоянно молиться, а не кратким вздохом проходить небеса! Пророки учат о сем так: «Приближайся к Богу твоему выну; помни Господа твоего выну; во всех путях твоих памятуй Его»²⁵, — а не только при кратком пламенном вздохе. Да и духа, и сердца самому собою воспламенить нельзя, и сего прежде испрашивал молитвою святой пророк Давид, говоря: «Разжи^б утробы моя и сердце мое»²⁶. Да еще проповедник в подкрепление мысли своей о преимуществе краткой усердной молитвы привел слова Иисуса Христа «в молитве не лишше глаголите»²⁷, — как они совсем не для охудения продолжительной молитвы сказаны, а для того, чтобы не предлагать в молитве многих излишних прошений о жизненных потребностях, подобно язычникам. А молитву не токмо продолжительную, но и всегдашнюю заповедал Господь и изъяснил в притче, «яко всегда подобает молиться и не унывать»²⁸. ... Проверив все это Библией и не получив в слышанных проповедях удовлетворения желанию моему узнать, как непрестанно молиться, я пошел в путь мой далее...

Подхожу еще к одному городу. Спрашиваю: «Есть ли тут духовные, поучительные наставники?». И слышу, что есть протопоп, почтенный старичок, набожной и строгой так, что когда сказывает поучение, то весь народ со страхом и воздыханиями выходят из церкви по окончании обедни. Услышав сие, я возрадовался и нетерпеливо ожидал следующего праздничного дня, чтобы послушать такого мудрого учителя. Может быть, найду у него разрешение недоумения моего и^с о непрестанной молитве...

^а *Пант-141*: фарисеев.

^б *Так в ркп.*

^с *Нет в Пант-141.*

В первый воскресный день я пошел к обедне и нарочито стал поближе к алтарю. Вот и вышел протопоп сказывать проповедь. И что же? По щастию моему, он начал свое поучение из следующего текста: «Просите и дастся вам, ищите и обрящете, толцые и отверзется вам»²⁹... Услышав это, я с восхищением перекрестился и приклонил ухо со вниманием. После многих доказательств о необходимости молитвы он начал показывать способы и средства, посредством которых молитва может быть богоугодною и бывает выполнимою: «Господь для достодождной молитвы такой^а изрек пример: “Толцые и отверзется вам”, — а толкают не словами, а делами. Так и нам должно толкать в дверь милосердия Божия, толкать не одними только словами, но и делами. Не принесет тебе никакой пользы то, хотя бы ты день и ночь молился, но не делал бы дел благочестия, дел веры, дел любви к ближним, дел благотворения и дел отвержения всего греховного! Какая польза будет тебе от молитвы, если ты в церковь ходишь реже, нежели в кабаки? А церковь есть дом молитвы³⁰, дом Божий, где Сам Господь обитает. Подумай, если ты намерен лично просить о^б чем-либо^с царя, то не должен ли часто ходить^д во дворец его, чтобы получить к нему доступ? Какая тебе польза от молитвы, если ты бесчестно^е тратишь деньги на твое сластолюбие, на роскошь и домашнее убранство, а пришедши в церковь на молитву, не поставишь свечи пред иконою, скупись и жалеешь положить побольше в церковное строение или подать на пропитание священнослужителей и нищих братьев? А Писание говорит: “Молитвою и милостынями очищаются грехи”³¹. Без сих дел благочестия, без сих христианских добродетелей и любви ты не можешь стучать в двери милосердия Божия, и молитва твоя будет токмо напрасным и пустым воплем, оскорбляющим слух Божий...»

По окончании проповеди я задумался. Как же он сказал, — подумал я, — что не будет пользы, если бы кто день и ночь молился, но не делал бы дел благочестия? Разве это не дело благочестия — молиться день и ночь? Если бы день и ночь проводились в молитве, то не оставалось бы времени и^ф на дела злочестия. А также и в Библии сказано: «Не услышит ли Господь вопиющих к Нему день и ночь»³²? «Молитва не услышится без отвержения грехов», — да что же способствует к побеждению греха, как не частая всегдашняя молитва? «Молитва не услышится без дел веры, без дел благотворения», — да как же услышана молитва гордого фараона³³, принесла плод молитва утопавшего маловерного Петра³⁴? «Молитва не услышится без частого хождения в церковь», — видно, писавши это, проповедник забыл, что сказал святой

^а В *Пант-141*: таковой.

^б *Пант-141*: от. *Мух-293*: о.

^с *Пант-141*: г-на или. *Мух-293*: чем-либо.

^д В *Пант-141* добавлено: в дом или. В *Мух-293* нет.

^е *Пант-141*: бесчестно.

^ф Нет в *Пант-141*.

пророк Давид: «На всяком месте владычества Его, благослови, душе моя, Господа»³⁵, — и что сказал святой архидиакон Стефан: «Господь не в рукотворенных храмах живет»³⁶!

Чтобы увериться, что все сказанное делается не таким порядком, я раскрыл Библию и прочел у пророка Исаии в 55-й главе следующее наставление: (Прежде всего) «взыщите Господа, и внемлите обрести вам Того, призовите», (потом) «егда же приблизится к вам», (тогда) «да оставит нечестивый пути своя и муж беззаконен советы своя, и да обратится ко Господу и помилован будет, яко попремногу оставит грехи ваша»³⁷. Здесь я увидел совсем противоположную постепенность. Во-первых, надо взыскать Господа и призывать Его в молитве. Потом, когда Он чрез сие приблизится к душе, тогда уже должно стараться оставлять, при помощи Его, дела греха и обратиться ко Господу, то есть к исполнению Его заповедей.

§ 4. И так, по выслушании всех сих проповедей, не получив понятия, как непрестанно молиться, я уже не стал слушать публичных проповедей, а решился при помощи Божией искать опытного и сведущего собеседника, который бы растолковал мне о непрестанной молитве, по неотступному влечению моему к сему познанию.

Долго я странствовал по разным местам, все читал Библию да спрашивал, нет ли где какого духовного наставника или благоговейного знахаря. Наконец, сказали мне, что в одном селе живет уже давно господин и спасается: имеет в доме своем церковь, никуда не выезжает и все Богу молится да беспрестанно читает душеспасительные книги... Услышавши это, я уже не шел, а бежал в сказанное село. Достиг и добрался до помещика.

— Какую ты имеешь до меня нужду? — спросил он меня.

— Я слышал, что Вы человек богомольный и разумный, потому и прошу Вас, ради Бога, растолковать мне, что значит сказанное у Апостола: «Непрестанно молитесь»³⁸, — и каким образом можно непрестанно молиться? Мне это давно хочется узнать, а понять никак не могу...

Барин помолчал, пристально посмотрел на меня, да и говорит:

— Непрестанная внутренняя молитва есть непрерывное стремление духа человеческого ко втеканию в Божественный центр³⁹. Чтоб изучить сие сладостное упражнение, следует наклонить к сему силу воли и чаще просить Господа, чтобы^a научил Он непрестанно молиться.

— Не разумею я сих слов Ваших, — сказал я, — прошу растолковать мне попонятнее!

— Это для тебя высоко, — ответил господин, — ты не поймешь, а молись так, как знаешь, молитва сама собою откроется тебе, каким образом может быть непрестанною. Для всего потребно свое время...

^a *Пант-141*: чтоб.

Сказавши это, велел накормить меня, дал на дорогу и отпустил. Опять я пошел... Думал-думал, читал-читал Библию, размышлял-размышлял, что сказал мне барин, и не мог ничего понять, а хотелось очень уразуметь, так что и ночи не спались. Прошел верст двести, и вот вхожу в большой губернский город. Увидел там монастырь. Остановившись на постоялом дворе, услышал, что в этом монастыре настоятель добрейший, богомольный и странноприимный. Пошел к нему. Он принял меня радушно, посадил и начал угощать.

— Отче святой! — сказал я, — угощение мне не нужно, а я желаю, чтобы Вы дали мне духовное наставление, как спастись!

— Живи^а честно да молись Богу, вот и будешь свят...

— В том-то и дело, что не знаю, как непрестанно молиться, и не могу даже понять, что значит непрестанная молитва. Прошу Вас, отец мой, растолковать мне это...

— Не знаю, любезный брат, как еще растолковать тебе... Э! постой, есть у меня книжка, там растолковано, — он^б вынес святителя Димитрия «Духовное обучение внутреннего человека»⁴⁰. — Вот, читай на этой странице!

Я начал читать следующее: «Обычно есть в Священном Писании дело, часто творимое, нарицати непрестанным, то есть выну (всегда) творимым; яко же и сие: “В первую скинию выну вхождаху священники”⁴⁰, — то есть часто или по вся дни, в установленные на то часы. Подобно и молитва, часто деемая, вменяется яко непрестанно творимая»⁴².

— Вот, понимаешь ли, — сказал настоятель, — что значит непрестанная молитва?

— Не знаю, как это согласить, — говорил я, — что было бы все одно и то же, что «часто» и что «непрестанно»... Да вот, позвольте! Несколько строк пониже сей же святитель вот что пишет: «Еще оная апостольская словеса “непрестанно молитесь” должно разуметь о творимой умом молитве: ум бо может всегда вперен быть в Бога и непрестанно Ему молиться»⁴³. Растолкуйте мне это, каким способом ум всегда может быть вперен в Бога, не отвлекаться и непрестанно молиться; должно быть, святитель знал этот способ?

— Это весьма мудрено, разве кому сам Бог так даст, — сказал настоятель.

Переночевавши у него и наутро поблагодаривши за ласковое странноприятие, я двинулся далее в путь и сам не зная куда. Горевал о своем непонятии да для отрады поминутно читал Библию.

§ 5. Шел так ден пять по большой дороге, наконец под вечер нагнал меня какой-то старичок, по виду как будто из духовных. На вопрос мой он сказал, что он схимонах из пустыни, которая верстах в десяти

^а *Пант-141*: — Ну, как спастись? Живи. *Мух-293*: Живи.

^б *Пант-141*: и.

в сторону от большой дороги, и^а звал меня зайти с ним в их пустынь: «У нас, дескать, странников принимают, успокоивают и кормят вместе с богомольцами на гостинице». Мне что-то не хотелось заходить, и я отвечал на приглашение его так:

— Покой мой зависит не от квартиры, а от духовного наставления, а за пищей я не гонюсь — у меня много сухарей в сумке.

— А какого рода ты ищешь наставления, и в чем недоумеваешь? Зайди, зайди, любезный брат, к нам. У нас есть опытные старцы, могущие дать духовное окормление и наставить на путь истинный при свете Слова Божия и рассуждений святых отцов...

— Вот видите, батюшка, около года тому назад, как я, бывши у обедни, услышал в Апостоле таковую заповедь: «Непрестанно молитесь». Не умея этого понять, я начал читать Библию и там во многих местах нашел повеление Божие, что надо непрестанно молиться — всегда, на всякое время, на всяком месте^б, не только^в в бодрствовании, но даже и во сне^д... Это очень удивило меня, и я не мог понять, как можно сие исполнить. Сильное желание и любопытство возбудилось во мне, как бы узнать, что это значит и какие к тому способы. И день и ночь из ума моего сие не выходило. А посему я стал ходить по церквам, слушать проповеди о молитве, и сколько я их ни выслушал, ни в одной не получил наставления, как непрестанно молиться. Все только говорено было о приготовлении к молитве делами веры, да подвигами, да добродетелями, на точное выполнение коих и сил не станет у греховного человека. Все это меня только утешало и приводило в уныние, а не научало, как непрестанно молиться и что значит таковая молитва... Я часто читал Библию и ею поверял слышанное, но и при сем не находил желаемого познания, а только видел, что в проповедях говорено было не так, как содержится в Библии, все как-то мне казалось навыворот. И так я до сих пор остался в недоумении и беспокойстве.

Старец перекрестился и начал говорить:

— Благодарю Бога, возлюбленный брат, за сие открытое Им в тебе непреодолимое влечение к познанию непрестанной внутренней молитвы. Познай в сем звание Божие и успокойся, уверившись, что до сего времени совершалось над тобою испытание согласия твоей воли на глас Божий и открытие разума, что не мудростию мира сего и не любознательностию внешнею^е достигают небесного света непрестанной внутренней молитвы, но, напротив, нищетою духа и деятельным опытом обретают оное в простоте тайны. А по сему нисколько не удивительно, что ты не мог слышать о существенном деле молитвы и познать науку, как достичь непрестанного действия оной!

^а В Пант-141 добавлено: так.

^б В Пант-141 добавлено: не токмо при всех занятиях.

^в Пант-141: токмо.

^д В Пант-141 добавлено: Аз сплю, а сердце мое бдит (Песн. песн. < 5,2>).

^е В Пант-141: внешних. Мух-293: внешнею.

Да и правду сказать, хотя немало проповедуют о молитве и много есть о ней поучений различных писателей, но поелику все их рассуждения основаны большею частию на умозрениях^а, на соображениях естественного разума, а не на деятельной опытности, то более они и поучают о принадлежностях, нежели о сущности самого предмета, и не понимают внутренней последовательности духа. Иной прекрасно рассуждает о необходимости молитвы, другой — о ее силе и благотворности, третий — о сопутствующих средствах к совершенству молитвы, то есть о том, что для молитвы необходимо нужно усердие, внимание, теплота сердца, чистота мысли, примирение со врагами, смирение, сокрушение и прочее. А что такое молитва, и как научиться молиться, — на сии, хотя и первейшие и самонужнейшие, вопросы весьма редко у проповедников сего времени можно находить обстоятельные объяснения⁴⁴, поелику они для понятия труднее всех вышеисчисленных их рассуждений и требуют таинственного и практического ведения, а не одной токмо школьной научности. Да что еще всего сожальнее, что суетная стихийная мудрость заставляет измерять дело Божие мерилom человеческим.

Многие в деле молитвы рассуждают совсем превращенно, думая, что приуготовительные средства и подвиги производят молитву, а не молитва рождает подвиги и все добродетели, как слышал и ты в поучениях... А по сему и не позволяют^б касаться молитвы, предписывая прежде приуготовить себя подвигами добродетелей и победением страстей к достодолжной молитве. В сем случае они плоды или последствия молитвы неправильно принимают за средства и способы к оной и сим уничтожают силу молитвы⁴⁵.

И это совершенно противно Священному Писанию, ибо святой апостол Павел дает наставление о молитве в таковых словах: «Молю убо прежде всех (прежде всего) творити молитвы»⁴⁶. Здесь первое наставление в изречении апостола о молитве есть то, что он поставляет дело молитвы прежде всего: «Молю прежде всех творити молитвы». Много дел благих, которые требуются от христианина, но дело молитвы должно быть прежде всех дел, потому что без него не может совершиться никакое другое дело благое. Неможно без молитвы найти путь ко Господу, уразуметь истину, распять плоть со страстями и похотьми, просветиться в сердце светом Христовым и спасительно соединиться с Богом. Все сие не может совершиться без предварительной частой молитвы...⁴⁷ Я говорю частой, ибо и совершенство, и правильность молитвы выше нашей возможности, как говорит^с святой апостол Павел: «Не вемы, како или о чесом помолимся»⁴⁸. Следственно, токмо частость, всегдашность оставлена на долю нашей возможности и зависит от нашей воли и силы^д

^а *Пант-141*: умозрении.

^б В *Пант-141* воспевают вместо не позволяют.

^с В *Пант-141* добавлено: и.

^д В *Пант-141* отсутствуют слова: и зависит от нашей воли и силы.

как средство к достижению молитвенной чистоты. Частая молитва^a есть мать всякого духовного блага... «Стяжи мать, и она произведет тебе чад», — говорит святой Исаак Сирин⁴⁹. Научись приобрести первее молитву и удобно исполнишь все добродетели⁵⁰. А об этом-то и не ясно знают, и не много говорят малознакомые с практикою и с таинственными учениями святых отцов!

§ 6. В сем собеседовании мы нечувствительно подошли почти к самой пустыне. Чтобы не упустить мне сего мудрого старца и скорее получить разрешение моего желания, я поспешил сказать ему:

— Сделайте милость, честнейший батюшка, объясните мне, что значит непрестанная внутренняя молитва и как научиться оной? Я вижу, что Вы подробно и опытно^b это знаете!

Старец принял сие мое прошение с любовью и позвал меня к себе:

— Зайди теперь ко мне, я дам тебе книгу святых отцов, из которой ты ясно и подробно можешь уразуметь и научиться молитве при помощи Божией.

Мы вошли в келию, и старец начал говорить следующее:

— Непрестанная внутренняя Иисусова молитва есть непрерывное, никогда не престающее призывание Божественного Имени Иисуса Христа устами, умом и сердцем, при воображении всегдашнего Его присутствия и при прошении Его помилования, при всех занятиях, на всяком месте, во всяком времени, даже и во сне. Она выражается в таковых словах: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя». И если кто навикнет сему призыванию, то будет ощущать великое утешение и потребность творить всегда сию молитву, так что уже без молитвы и быть не может, которая сама собою будет в нем изглашаться. Теперь понятно ли тебе, что есть непрестанная молитва?

— Очень понятно, отец мой! Бога ради, научите меня как ее достигнуть, — воскликнул я от радости...

— Как научиться молитве, о сем прочтём вот в этой книге. Сия книга называется Добротолюбие. Она содержит в себе полную и подробную науку непрестанной внутренней молитве, изложенную двадцатью пятью святыми отцами, и так высока и полезна, что почитается главным и первейшим наставником в созерцательной духовной жизни⁵¹ и, как выражается преподобный Никифор, «без труда и потов во спасение вводящая»⁵².

— Неужели она выше и святее Библии? — спросил я.

— Нет, она не выше и не святее Библии, а содержит в себе светлые объяснения того, что таинственно содержится в Библии и неудобно разумно^c для нашего недалёковидного ума. Я представлю тебе сему пример. Солнце есть величайшее, блистательнейшее и превосходнейшее

^a В Пант-141 которая вместо Частая молитва.

^b В Пант-141 отсутствуют слова: и опытно.

^c В Пант-141 добавлено: по высоте своей.

светило, но ты не можешь созерцать и рассматривать его простым невооруженным глазом. Потребно известное искусственное стекло, хотя и в миллионы раз меньшее и тусклее^а солнца, чрез которое мог бы ты рассматривать сего великолепного царя светил, восхищаться и привлекать пламенные лучи его... Так и Священное Писание есть блистательное солнце, а Добротолюбие — то потребное стекло, которое приспособляет^б доступ к оному высочайшему светилу. Теперь слушай же, я буду читать, каким образом научиться непрестанной внутренней молитве.

Старец раскрыл Добротолюбие, отыскал наставление^с Симеона Нового Богослова и начал: «Сядь безмолвно и уединенно. Приклони главу. Закрой глаза. Потихе дыши. Воображением смотри внутрь сердца. Своди ум, то есть мысль, из головы в сердце. При дыхании говори: “Господи Иисусе Христе, помилуй мя”, — тихо устами или одним умом. Старайся отгонять помыслы. Имей спокойное терпение и чаще повторяй сие занятие»⁵³.

Потом старец все сие мне растолковал, показал сему пример, и мы еще прочли из Добротолюбия святого Григория Синаита да преподобных Каллиста и Игнатия⁵⁴. Все прочтенное в Добротолюбии старец для проверки указал мне по разным местам моей Библии и сказал: «Вот смотри, откуда все сие почерпнуто». Я с восхищением внимательно слушал все и поглощал памятию, старался как можно подробнее все помнить. Так мы просидели всю ночь и, не спавши, пошли к заутрени. Старец, отпуская меня, благословил и сказал, чтобы я, учась молитве, ходил к нему с откровением, ибо-де^д без проверки наставника самочинно заниматься внутренним деланием неудобно и малоуспешно.

§ 7. Стоя в церкви, я чувствовал в себе пламенное усердие, чтобы как можно прилежнее изучить внутреннюю непрестанную молитву, и просил о том Бога, чтоб Он помог мне. Потом думал, как же я буду ходить к старцу с откровением, ведь на гостинице больше трех дней жить нельзя, а около пустыни квартир нет? Наконец, услышал, что версты за четыре есть деревня. Пошел туды искать себе место, и, по щастию моему, Бог показал мне удобство. Я нанялся там на все лето у мужика стеречь огород с тем, чтобы и жить мне в шалаше на сем огороде одному. Слава Богу, нашел спокойное место! И так стал жить и учиться по показанному мне способу внутренней молитве да похаживать к старцу.

С неделю я пристально занимался в уединении моем на огороде изучением непрестанной молитвы точно так, как растолковал мне старец. Вначале как будто дело и пошло. Потом почувствовал большую тяжесть, лень, скуку, одолевающий сон и разные помыслы тучею надвигались

^а В *Пант-141*: тускнейшее.

^б Исправлено, в *ркп*: приспособляет.

^с В *Пант-141* добавлено: св<ятого>.

^д *Пант-141*: ибо.

на меня... Со скорбью я пошел к старцу и рассказал ему мое положение. Он, любезно встретивши меня, начал говорить:

— Это, возлюбленный брат, война против тебя темного мира, которому ничто в нас так не страшно, как сердечная молитва. И потому он всячески старается, чтобы помешать тебе и отвратить от изучения молитвы. Впрочем, и враг действует не иначе, как по воле Божией и по попущению, сколько это для нас нужно. Видно, еще потребно тебе испытание ко смирению, а потому еще и рано с неумеренным рвением касаться высшего сердечного входа, дабы не впасть в духовное корыстолюбие... Вот я тебе прочту об этом случае наставление из Добротолюбия.

Старец отыскал учение преподобного Никифора монашествующего и начал читать: «Если несколько потрудишься, ты не возможешь войти в страну сердечную^а, то сделай, что я скажу тебе, и при помощи Божией найдешь искомое. Знаешь, что способность словопроизношения находится у каждого человека в гортани, то сей способности, отгоняя помыслы (можешь, если захочешь), дай беспрестанно говорить сие: “Господи Иисусе Христе, помилуй мя!” И понудься всегда произносить оное. Если некоторое время в сем пребудешь, то отверзется тебе чрез сие и сердечный вход без всякого сомнения. Это дознано по опыту»⁵⁵...

— Вот слышишь, как наставляют святые отцы в сем случае, — сказал старец. — А потому ты должен теперь с доверенностью принять заповедь — сколь^б можно более творить устную Иисусову молитву. Вот тебе четки, по коим совершай на первый раз хоть по три тысячи молитв в каждый день. Стоишь ли, сидишь ли, ходишь ли или лежишь, беспрестанно говори: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя!», — не громко и не спешно. И непременно верно выполняй по три тысячи в день, не прибавляя и не убавляя самочинно. Бог поможет тебе чрез сие достигнуть и непрестанного сердечного действия.

С радостью я принял сие его приказание и пошел в свое место. Начал исполнять верно и в точности, как научил меня старец. Дня два мне было трудновато, а потом так сделалось легко, что, не говоривши молитвы, являлось какое-то требование, чтобы опять творить Иисусову молитву, которая стала произноситься удобнее и с легкостью, не так уже как прежде с понуждением. Я объявил о сем старцу, и он приказал мне уже по шести тысяч молитв совершать в день, сказав: «Будь спокоен и токмо как можно вернее старайся выполнять заповеданное тебе число молитв, Бог сотворит с тобою милость...»

Целую неделю я в уединенном моем шалаше проходил каждодневно по шести тысяч Иисусовых молитв, не заботясь ни о чем и не взирая на помыслы, как бы они ни воевали. Только и старался, чтобы в точности выполнять старцеву заповедь. И что же? Так привык к молитве, что

^а В Пант-141 добавлено: так, как тебе было растолковано.

^б Пант-141: сколько.

если и на краткое время перестану ее творить, то чувствую, как чего-то не достает, как что-нибудь потерял. Начну молитву, и опять в ту ж минуту делается легко и отрадно. Когда встретишься с кем-нибудь, то уже и говорить не охотно, и все хочется быть в уединении да творить молитву, так привык к ней в неделю.

Ден десять не выдавши меня, старец сам пришел навестить меня. Я объяснил ему мое состояние. Он, выслушавши, сказал:

— Вот ты теперь привык к молитве, смотри же, поддерживай и усугубляй эту привычку, не теряй времени втуне, и с Божиею помощью решишь неупустительно совершать по двенадцати тысяч молитв в день. Держись уединения, вставай пораньше да ложись попозднее, и чрез каждые две недели ходи ко мне на совет.

Стал я так поступать, как повелел мне старец, и в первый день едва-едва успел в поздний вечер окончить мое двенадцатитысячное правило. На другой день совершил его легко и с удовольствием. Сперва почувствовал при беспрестанном изрекании молитвы усталость или как бы одервенение языка и какую-то связанность в челюстях, впрочем приятные, потом легкую и тонкую боль в нёбе рта, далее ощутил небольшую боль в главном^а пальце левой руки, которою перебирал четки, и воспламенение всей кисти, которое простиралось и до локтя и производило приятнейшее ощущение. Притом все сие как бы возбуждало и понуждало к большему творению молитвы^б. И так ден пять исполнял верно по двенадцати тысяч молитв и вместе с привычкою получил приятность и охоту.

Однажды рано поутру как бы разбудила меня молитва. Я, проснувшись, чувствовал, что губы мои сами собою сильно дергаются и язык беспрестанно шевелится, хотел все это сдержать, но не мог. Стал было читать утренние молитвы, но язык уже не ловко их выговаривал, а все желание само собою стремилось, чтобы творить Иисусову молитву. И когда ее начал, как стало легко, отрадно, и язык и уста как бы сами собою выговаривали без моего побуждения. Весь день провел я в радости, как бы отрешенным от всего прочего, как будто на другой земле^б, и с легкостью окончил двенадцать тысяч молитв в ранний вечер.

Очень хотелось и еще творить молитву, но не смел более приказанного старцем. Таким образом и в прочие дни я продолжал призывание Имени Иисуса Христа с легкостью и влечением к оному. Потом пошел к старцу на откровение и рассказал ему все подробно. Он, выслушавши, начал говорить:

— Слава Богу, что открылась в тебе охота и легкость молитвы. Это дело естественное, происходящее от частого упражнения и подвига, подобно как машина, у которой дадут толчок, или форс, главному колесу,

^а *Пант-141*: большом.

^б В *Пант-141* отсутствуют слова, имеющиеся в *Мух-293*: как бы отрешенным от всего прочего, как будто на другой земле.

то после долго она сама собою действует, а чтобы продлить ее движение, надо оное колесо поталкивать да подмазывать... Вот видишь ли, какими превосходными способностями человеколюбивый Бог снабдил даже и чувственную натуру человека, какие могут являться ощущения и вне благодати, и не в очищенной чувственности, и в греховной душе, как уже сам ты это испытал? А koliko превосходно, восхитительно и насладительно, кому благоволит Господь открыть дар самодействующей духовной молитвы и очистит душу от страстей? Это состояние неизобразимо, и^а открытие этой молитвенной тайны есть предвкушение сладости небесной на земле. Сего сподобляются в простоте^б сердца ищущие Господа⁵⁷... Теперь разрешаю тебе, твори молитву сколько хочешь, как можно более. Все время бодрствования старайся посвящать молитве и уже без счисления призывай Имя Иисуса Христа, смиренно предавая себя в волю Божию и от Него ожидая помощи. Верую, что Он не оставит тебя и управит путь твой.

Принявши сие наставление, я все лето провождал в беспрестанной устной Иисусовой молитве и был очень покоен. Во сне почасту грезилось, что творю молитву. А в день, если случалось с кем встретиться, то все без изъятия представлялись мне так любезны, как бы родные⁵⁸, хотя и не занимался с ними. Помыслы сами собою совсем утихли, и ни о чем я не думал, кроме молитвы, к слушанию которой начал склоняться ум, а сердце само собою по временам начало ощущать теплоту и какую-то приятность. Когда случалось приходить в церковь, то длинная пустынная служба казалась краткою и уже не была утомительна для сил как прежде. Уединенный шалаш мой представлялся мне великолепным чертогом. И я не знал, как благодарить Бога, что Он мне, такому окаянному грешнику, послал такого спасительного старца и наставника!

§ 8. Но не долго я пользовался наставлениями моего любезного и богумудрого старца. В конце лета он скончался. Я, со слезами простившись с ним и поблагодарив его за отеческое учение меня окаянного, выпросил себе после него на благословение четки, с которыми он всегда молился.

И так я остался один. Наконец и лето прошло, и огород убрали. Мне стало жить негде. Мужик расчел меня, дал мне за сторожу два целковых^{59,с} да насыпал сумку сухарей на дорогу, и я опять пошел странствовать по разным местам. Но уже ходил не так, как прежде с нуждою, призывание Имени Иисуса Христа веселило меня в пути, и все люди стали до меня добрее, казалось, как будто все меня стали любить...

Однажды я стал думать, куда мне девать полученные за стережение огорода деньги и на что мне они? Э, постой! Старца теперь нет, учить

^а В ркп. написано дважды.

^б В Пант-141 добавлено: любвеобильного.

^с Пант-141: рубля серебром. Мух-293: целковых.

некому. Куплю себе Добротолюбие да и стану по нём^a учиться внутренней молитве^b. Дошел до Губернии и начал по лавкам спрашивать Добротолюбия, нашел в одном месте, но и то просят за него три целковых, а у меня только два. Поторговался, поторговался, но купец не уступил нисколько, наконец сказал: «Вот, поди к этой церкви, там спроси старосту церковного, у него есть старенькая этакая книга, может, он и уступит тебе за два-то целковых». Я пошел и, действительно, купил за два целковых Добротолюбие, все избитое и ветхое. Обрадовался! Кое-как починил его — ушил тряпкой^c, и положил в сумку с моей Библией.

Вот теперь так и хожу да беспрестанно творю Иисусову молитву, которая мне драгоценнее и слаще всего в свете. Иду иногда верст по семидесяти и более в день и не чувствую, что иду, а чувствую только, что творю молитву. Когда сильный холод прохватит меня, я начну напряженнее говорить молитву и скоро весь согреюсь. Если голод начнет меня одолевать, я стану чаще призывать Имя Иисуса Христа и забуду, что хотелось есть. Когда сделаюсь болен, начнется лом в спине и в ногах — стану внимать молитве и боли не слышу. Кто когда оскорбит меня или прибьет, я только вспомню, как насладительна Иисусова молитва, то тут же и оскорбление и сердитость пройдет, и все забуду. Сделался я как какой-то полоумный, нет у меня ни о чем заботы, ничто меня не занимает, ни на что бы суетливое не глядел и был бы все один в уединении. Только, по привычке, одного и хочется, чтобы беспрестанно творить Иисусову^d молитву, и когда ею занимаюсь, то мне бывает очень весело. Бог знает, что такое со мною делается?

Конечно, все это только чувственное или, как говорил покойный старец, естественное и искусственное от навыка, но и вскоре приступить к изучиванию духовной молитвы внутрь сердца еще не смею по недостоинству моему и глупости. И так жду часа воли Божией, надеясь на молитвы покойного блаженного^e старца моего...

§ 9. И так, хотя я и не достиг непрестанной самодействующей духовной^f молитвы в сердце, но, слава Богу, хотя теперь ясно понимаю, что значит изречение, слышанное мною в Апостоле: «Непрестанно молитесь» (Солун. V, 18)^g.

^a Так в ркп и в Пант-141.

^b В Пант-141 добавлено: Перекрестился, да и иду себе с молитвою.

^c Пант-141: крепко. Мух-293: тряпкой.

^d Нет в Пант-141.

^e Нет в Пант-141.

^f Нет в Пант-141. Мух-293: духовной.

^g В левом нижнем углу в ркп указана дата составления рассказа: 6 ноября 1859. В Пант-141 дата отсутствует, но в нижней части листа имеется примечание: NB. Слышавший и записавший сие подумал: Вот какие есть странники да вот какие есть и монахи!

ВТОРОЕ СВИДАНИЕ^a

*Приидите вси боящиеся Господа,
и повем вам, елика сотвори души
моей^{b, 61}*

§ 10. Долго я странствовал по разным местам с сопутствовавшей мне Иисусовою молитвою, которая ободряла и утешала меня во всех путях, при всех встречах и случаях. Наконец, стал я чувствовать, что лучше бы где-нибудь остановиться на одном месте как для удобнейшего уединения, так и для изучения наставлений Добротолюбия, которое хотя я понемногу и читал, приюťясь на ночлегах или при дневном отдыхе, однакож было сильное желание, чтоб постоянно углубиться в оное и с верою почерпнуть из него истинное назидание^c ко спасению души чрез сердечную молитву.

§ 11. Но как, согласно сему моему желанию, я нигде ни в какую сильную работу наняться не мог по причине невладения левой моей руки с самого малолетства, а потому, будучи в невозможности иметь постоянного приюта, я пошел в сибирские страны к святителю Иннокентию Иркутскому⁶², с тем намерением, что по лесам и степям сибирским мне идти будет безмолвнее, следственно и заниматься молитвою и чтением удобнее.

Так я и шел да беспрестанно твердил^d устную молитву. Наконец, чрез непродолжительное время почувствовал, что молитва сама собою начала как-то переходить в сердце, то есть сердце при обыкновенном своем биении начало как бы выговаривать внутри себя молитвенные слова за каждым своим ударом, например: 1) Господи, 2) Иисусе, 3) Христе, и так далее^e. Я перестал устами говорить молитву и начал с прилежанием слушать, как говорит сердце, а притом как бы и глазами начал внутрь его смотреть, помня, как толковал мне покойный мой старец. Как это было приятно!

Потом начал ощущать тонкую приятную боль в сердце, а в мыслях такую любовь к Иисусу Христу, что, казалось, что если бы Его где увидел, то так и кинулся бы к ногам Его и не выпустил бы их из рук своих, сладко лобызая и слезно благодаря, что Он такое утешение о Имени Своем по милости и любви Своей недостойному и грешному созданию Своему. Далее начало являться какое-то благотворное растепление

^a *Пант-141*: Рассказ странника при втором свидании (тут же из слов его записанный). 13-го декабря 1859. *Мух-293*: Рассказ странника при втором свидании. 13-го декабря 1859.

^b *Дописано позднее.*

^c *Пант-141*: наставление.

^d *Пант-141*: творил.

^e В *Пант-141* проч<ее> вместо так далее.

в сердце, и эта теплота простиралась и по всей груди. Сие обратило меня в особенности к прилежному чтению Добротолюбия, чтобы как поверять мои ощущения, так и изучать дальнейшее занятие внутреннею сердечною молитвою, ибо без сей поверки боялся, дабы не впасть в прелесть, и не принять естественных действий за благодатные, и не возгордиться скорым приобретением молитвы, как слышал я от покойного старца. А потому я шел уже более по ночам, а дни преимущественно провождал в чтении Добротолюбия, сидя в лесу под деревьями...

Ах! Сколько нового, сколько мудрого и доселе неведомого открыло мне сие чтение... Упражняясь в нем, я вкушал такую сладость, какой до сего времени не мог и вообразить. Правда, хотя некоторые места были и непонятны при чтении глупому уму моему, но последствия, происходившие от сердечной молитвы, разъясняли мне непонимаемое, а к тому же изредка видал во сне и покойного старца моего, который многое толковал мне и все более всего наклонял бессмысленную душу мою ко смирению.

С лишком два летних месяца я так блаженствовал. Путешествовал более лесами да проселочными дорогами. Если приду в деревню, напрошу себе сумку сухарей да горсть соли, да налью бурачек⁶³ воды — и опять пошел верст на сто.

§ 12. По грехам что-ли окаянной души моей, или по потребности испытания в духовной жизни, или к лучшему наставлению и опытности, под конец лета начали являться искушения. А именно: вышел я на большую дорогу. В сумерки нагнали меня два человека, похожие с голов на солдат. Стали у меня требовать денег. Когда я отозвался, что не имею ни копейки, они сему не верили и дерзко кричали: «Врешь! Странники много набирают денег!» Один из них, сказавши: «Да что с ним много говорить», — ударил меня дубиною в голову так, что я упал без памяти. Не знаю, долго ли я лежал без чувств, но, очнувшись, увидел, что я лежу у леса близ дороги, весь раздерганный, и сумки моей нет, одни только перерезанные веревочки, на коих она была несена. Слава Богу, что не унесли пашпорта, который лежал в ветхой моей шапке на случай скорейшего показывания где требуют...

Вставши, я горько заплакал не столько от головной боли, сколько о том, что лишился книг моих — Библии и Добротолюбия, бывших в унесенной сумке. Ни день, ни ночь не переставал я скорбеть и плакать: «Где теперь моя Библия, которую я с малых лет читал и имел всегда при себе? Где мое Добротолюбие, из которого я почерпал и наставление, и утешение? Лишился я, несчастный, и первого и последнего сокровища в моей жизни, еще не насытившись оным. Лучше бы меня совсем убили, нежели жить мне без сей духовной пищи. Не могу уже теперь опять приобрести их!»

Дня два я едва передвигал ноги, изнемогая от сего горя, а на третий, совсем выбившись из сил, упал под куст и заснул. Вот и вижу во сне,

будто я в пустыне, в келии старца моего оплакиваю свое горе. Старец, утешая меня, начал говорить:

— Это тебе урок беспристрастия к вещам земным для удобнейшего шествия к небу. Тебе это попущено для того, чтобы не впал ты в сладострастие духовное. Бог хочет, чтобы христианин совершенно отвергнулся своей воли, хотения и всякого к оному пристрастия и совершенно предался бы в Его Божественную волю. Он все случаи устраивает к пользе и спасению человека, «всем хочет спастися»⁶⁴... А потому и ободрись, веруй, что «со искушением сотворит Господь и избытие»⁶⁵. И ты вскоре утетишься гораздо более того, чем теперь скорбишь.

При сих словах я проснулся, почувствовал укрепление в силах и в душе как бы какой-то рассвет и успокоение. «Да будет воля Господня!», — сказал я, перекрестился, встал и пошел. Молитва опять начала действовать в сердце по прежнему, и дня три я путешествовал спокойно.

§ 13. Вдруг встречаю по дороге этап колодников, ведомых за конвоем. Поравнявшись с ними, я увидел тех двух человеков, которые меня ограбили. И как они шли с краю прочих, то я упал им в ноги и убедительно просил сказать, где мои книги. Сначала они не обратили на меня внимания, а потом один из них начал говорить: «Если что-нибудь дашь нам, то скажем, где твои книги... Дай нам целковый!». Я побожился, что: «Дам, непременно дам, хоть Христа ради попрошу по миру. Вот, коли хотите, возьмите под залог пашпорт мой». Они сказали, что книги мои в обозе везутся за этапом с прочими обысканными у них воровскими вещами.

— Как же я могу получить их?

— Проси капитана, который нас провожает...

Я бросился к капитану и объяснил все подробно. Между прочим он спросил меня:

— Неужели ты умеешь читать Библию?

— Не только умею все читать, — ответил я, — но даже и писать. Вы увидите на Библии надпись, что она моя. А вот и в пашпорте моем означено то же имя и прозвание.

Капитан начал говорить:

— Эти мошенники — беглые солдаты, они жили в землянке и многих грабили. Их вчера поймал ловкий ямщик — смял лошадами, у которого они хотели отбить тройку. Пожалуй, я выдам тебе твои книги, коли они тут есть, но ты иди с нами на ночлег, вот недалеко, версты четыре, а то не останавливать же этап и обоз для тебя.

Я с радостью пошел около верховой капитанской лошади да и разговорился с капитаном. Увидел, что он человек добрый и честный и уже не млад^а. Он спрашивал меня, кто я, откуда и куда иду. Я все отвечал ему

^а *Пант-141*: молод.

по сущей правде. И так мы достигли до ночлежной этапной избы. Он, отыскавши мои книги, мне отдал, да и говорит: «Куда ж теперь ночью тебе идти, ночуй вот у меня в прихожей». Я остался.

§ 14. Получивши книги, я так был рад, что не знал, как благодарить Бога, прижал их к моей груди и держал до тех пор, что рука^а даже окостенела^б. Слезы лились из глаз моих от радости и сердце сладко билось от восторга. Капитан, смотря на меня, спросил:

— Видно, ты любишь читать Библию?

Я от радости не мог ничего на сие ответить, только плакал. Он продолжал:

— Я и сам, брат, аккуратно читаю каждый день Евангелие, — при сем расстегнул мундир и снял маленькое Евангелие киевской печати, все окованное серебром. — Сядь-ко, я расскажу тебе, что к этому меня привело... Да подайте-ко нам ужинать!

Мы сели за стол и капитан начал рассказывать:

— Я с молодых ден служил в армии, а не в гарнизоне, знал службу и любим был начальством как исправный прапорщик. Но лета были молодые, приятели — тоже. Я, по нещастию, и приучился пить, да под конец так, что открылась и запойная болезнь. Когда не пью, то исправный офицер, а как закурю⁶⁶, то недель шесть в лёжку... Долго терпели мне, наконец, за грубости шефу, сделанные в пьяном виде, разжаловали меня в солдаты на три года с перемещением в гарнизон. И, если не исправлюсь и не кину пить, то угрожали и строжайшим наказанием. В сём несчастном состоянии я сколько ни старался воздержать себя и сколько от сего ни лечился, но никак не мог покинуть моей страсти; а потому и хотели переместить меня в арестантские уже роты. Услышав сие, не знал, что с собою делать... В одно время я с раздумьем сидел в казармах. Вдруг вошел к нам какой-то монах с книгой для сбора на церковь. Кто что мог — подали. Он, подошедши ко мне, спросил:

— Что ты такой печальный? Я, разговорившись с ним, пересказал ему мое горе. Монах, соучаствуя^с моему положению, начал говорить:

— Точно то же было с моим родным братом. И вот что ему помогло: его духовный отец дал ему Евангелие да и накрепко приказал, чтобы он, когда захочет вина, то нимало не медля прочел бы главу из Евангелия, если и опять захочет, то и опять читал бы следующую главу. Брат мой стал так поступать, и в непродолжительном времени страсть к питью в нем исчезла, и теперь вот уже пятнадцать лет капли хмельного не берет в рот. Поступай-ко и ты так, увидишь пользу! У меня есть Евангелие, пожалуй, я принесу его^д тебе...

Выслушав это, я сказал ему:

^а Пант-141: руки.

^б Пант-141: окостенели.

^с Испр., в ркп: соучаствуя.

^д Нет в Пант-141.

— Где же помочь твоему Евангелию, когда никакие старания мои, ни лекарственные пособия не могли удержать меня, — я сказал сие так, потому что никогда не читывал Евангелия.

— Не говори этого! — возразил монах. — Уверю тебя, что будет польза.

На другой день, действительно, монах принес мне вот это Евангелие. Я раскрыл его, посмотрел, почитал, да и говорю:

— Не возьму я его, тут ничего не поймешь, да и печать церковную читать я не привык.

Монах продолжал убеждать меня, что в самых словах Евангелия есть благодатная сила, ибо написано в нем то, что Сам Бог говорил.

— Нужды нет, что не понимаешь^a, токмо читай прилежно. Один святой сказал: «Если ты Слова Божия не понимаешь, так бесы понимают, что ты читаешь, и трепещут»⁶⁷. А ведь страсть пианственная^b непременно по возбуждению бесов... Да вот тебе еще скажу. Иоанн Златоуст пишет, что даже та самая храмина, в которой хранится Евангелие, устрашает духов тьмы и бывает неудобьприступна для их лукавых^c козней⁶⁸. Я, не помню, что-то дал оному монаху, взял у него сие Евангелие да и положил в сундучок с прочими моими вещами, и забыл про него. Спустя несколько времени мне пришло время запить. Смерть хотелось вина, и я поскорее отпер сундучек, чтоб достать деньги и бежать в корчму. Лишь только я открыл крышку, первое попало мне в глаза Евангелие, и я вспомнил живо все то, что говорил мне монах. Развернул и начал читать с начала, первую главу Матфея. Прочетши её до конца, именно ничего не понял да и подумал: монах сказал, что тут писано то, что Бог говорил, а тут одни только какие-то имена... Дай прочту другую главу! Прочел, и стало понятнее. Дай же и третью... Как только её начал, вдруг звонок в казарме: по местам на койки. Следовательно, уже идти за ворота было нельзя, так я и остался. Вставши поутру и расположившись идти за вином, подумал: прочту главу из Евангелия, что будет? Прочел, и не пошел... Опять захотелось вина, и я еще стал читать, и сделалось легче. Это меня ободрило, и при каждом побуждении к вину я стал читать по главе из Евангелия. Что дальше, то все было легче. Наконец, как только окончил всех четырех Евангелистов, то и страсть к питью совершенно прошла и сделалось к ней омерзение. И вот ровно двадцать лет я совершенно не употребляю никакого хмельного напитка. Все удивлялись такой во мне перемене. По прошествии трех лет опять возвели меня в офицерский чин, а потом и в следующие чины, и, наконец, сделали командиром. Я женился. Жена попалась добрая, нажили состояние и теперь, слава Богу, живем

^a *Пант-141*: поймешь.

^b *Пант-141*: пьянственная.

^c *Нет в Пант-141*.

да по силе, по мочи бедным помогаем, странников принимаем. Вот уже и сын у меня офицер^a, и хороший парень!

Слушай же. С тех пор, как я исцелился от запоя, дал себя клятву каждый день во всю мою жизнь читать Евангелие, по целому евангелисту в сутки, не взирая ни на какие препятствия. Так теперь и поступаю. Если очень много бывает дела по должности и утомлюсь очень сильно, то вечером, легши, заставляю прочесть надо мною целого Евангелиста^b жену мою или сына моего. И так неупустительно выполняю сие мое правило. В благодарность и во славу Божию я это Евангелие оправил в чистое серебро и ношу всегда на груди моей».

§ 15. С сладостию я выслушал сии речи капитана да и сказал ему:

— Такой же пример видел и я. В нашем селе на фабрике один мастеровой был очень искусный в своем деле, добрый и дорогой мастер, но, по нещастию, тоже запивал, да и часто. Один богобоязненный человек посоветовал ему, чтобы, когда захочется ему вина, то он бы проговаривал по 30 Иисусовых молитв в честь Пресвятыя^c Троицы и по числу тридцатилетней земной жизни Иисуса Христа. Мастеровой послушался, стал это исполнять и вскоре совершенно кинул пить. Да еще что же? Через три года ушел в монастырь.

— А что выше, — спросил капитан, — Иисусова молитва или Евангелие?

— Все одно и то же, — ответил я, — что Евангелие, то и Иисусова молитва, ибо Божественное Имя Иисуса Христа заключает в себе все евангельские истины. Святые отцы говорят, что Иисусова молитва есть сокращение всего Евангелия⁶⁹...

Наконец мы помолились. Капитан начал читать Евангелие от Марка, с начала, а я — слушать и творить в сердце молитву. Во втором часу за полночь он^d окончил Евангелиста, и мы разошлись на покой.

По обыкновению моему я встал рано поутру. Все еще спали. И как только начало светать, я кинулся к моему любезному Добротолوبию⁷⁰. С какою радостию я раскрыл его! Как будто увиделся с родным отцом, бывшим в далекой стороне, или как бы с другом, из мертвых воскресшим... Я лобызал его и благодарил Бога, возвратившего мне оное. Немедленно я начал читать слово «О сокровенном делании» Феопипта Филадельфийского во 2-й части Добротолубия⁷¹. Удивило меня его наставление, в котором он предлагает в одно и то же время, одному и тому же человеку отправлять три разнородные дела. «Сидя в трапезе, — говорит он, — телу давай пищу, слуху — чтение, уму же — молитву»⁷²... Но воспоминание о прошедшем вчерашнем вечере опытно,

^a *Пант-141*: офицером.

^b В *Пант-141* добавлено: (или). Нет в *Мух-293*.

^c *Пант-141*: Трисвятыя. *Мух-293*: Пресвятыя.

^d *Пант-141*: капитан.

на самом деле разрешило мне мысль сию. И мне открылась здесь тайна, что ум и сердце не одно и то же.

Когда встал капитан, я вошел, чтобы поблагодарить за его милости и проститься с ним. Он напоил меня чаем, дал мне целковой и простился. И так я пошел в путь мой, радуясь.

Прошедши с версту, вспомнил, что я обещал солдатам целковой, который неожиданно теперь у меня и есть. Отдать ли мне его им или нет? Одна мысль говорила мне: «Они тебя прибили и ограбили, да и употребить его в свою пользу им теперь нельзя, ибо они под стражею». А другая мысль представляла другое: «Вспомни, что в Библии написано: “Аще алчет враг твой, ухлеби его”⁷³. Да и Сам Агнец Иисус Христос прямо говорит: “Любите враги ваша... Хотящему ризу твою взяти, отдаждь ему и срачицу”⁷⁴». Убедившись сим, я вернулся. И только что подхожу к этапу, и всех колодников вывели, чтобы гнать на следующую станцию. Я скоренько подбежал, сунул в руки, бывшие меня, целковой да сказал: «Кайтесь и молитесь. Иисус Христос — человеколюбив, Он вас не оставит!» И с сим удалился от них и пошел в другую сторону по своей дороге.

§ 16. Прошедши верст 50 по большой дороге, мне вздумалось для большего уединения и удобнейшего чтения свернуть на просёлок. Долго я шел лесами и долинами, изредка кое-где^а попадались и небольшие деревни. Иногда по целому почти дню просиживал в лесу, прилежно читая Добротолюбие. Многое и дивное познание я почерпал из него. Сердце мое распалялось к соединению с Богом посредством внутренней молитвы, которую изучить я стремился при руководстве и проверке Добротолюбием. И вместе^б скорбел, что не нахожу еще пристанища, где спокойно можно было бы постоянно заниматься чтением.

В сие время также читал я и мою Библию и чувствовал, что начал понимать ее яснее, не так, как прежде весьма многое казалось мне непонятным и часто встречал недоумения. Так как говорят святые отцы, что Добротолюбие есть ключ к отвержению тайн в Священном Писании⁷⁵, то при руководстве оным я стал отчасти понимать сокровенный смысл Слова Божия. Мне начало открываться, что такое внутренний потаенный сердца человек⁷⁶; что — истинная молитва; что — поклонение духом⁷⁷; что — Царствие Божие внутри нас⁷⁸; что — неизреченное ходатайство совоздыхающего Духа Святого⁷⁹; что значит “ходи предо Мною”⁸⁰; что “будите во Мне”⁸¹; что — “даждь Ми твое сердце”⁸²; что значит облещися во Христа⁸³; что — обручение Духа в сердцах наших⁸⁴; что — взывание сердечное “Авва, Отче!”⁸⁵ и прочее, и прочее. Когда при сем я начинал молиться сердцем, все окружающее меня представлялось мне в восхитительном виде: древа, травы, птицы, земля, воздух, свет. Все как будто говорило мне, что существует для человека, свидетельствует

^а Пант-141: кой-где.

^б В Пант-141 добавлено: с сим.

любовь Божию к человеку и все молится, все воспевает славу Богу! И я понял из сего, что называется в Добротолюбии «ведением словес твари»⁸⁶, и увидел способ, по коему можно разговаривать с творениями Божиими.

§ 17. Много времени я так путешествовал. Наконец, зашел в такое глухое место, что дня три не попадалось ни одной деревни. Сухари мои все вышли, и я гораздо приуныл, как бы не умереть с голоду. Как скоро начал молиться сердцем, уныние прошло, весь я возложился на волю Божию и сделался весел и покоен... Несколько прошедши по дороге, лежавшей возле огромного леса, я увидел впереди меня выбежавшую из одного леса дворовую собаку. Я поманил ее, и она, подошедши^a, начала около меня^b ласкаться. Обрадовался я и подумал: «Вот и милость Божия! Непременно в этом лесу пасется стадо, и, конечно, эта ручная собака — пастухова. Или, может быть, охотник ходит за охотою. Так ли, сяк ли, но, по крайней мере, могу хотя мало выпросить хлеба, ибо другие уже сутки не ел. Или же могу расспросить, где поблизости есть селение...»

Повертевшись около меня, собака, и видя, что нечего у меня взять, опять побежала в лес по той узенькой тропинке, по коей выходила на дорогу. Я последовал за нею. Прошедши сажень двести между деревьями, увидел, что собака ушла в нору, из коей выглядывая начала лаять. Вот из-за толстого дерева выходит мужик худой, бледный, средних лет. Он спросил меня, как я сюда зашел, а я его спросил, зачем он тут находится, и мы ласково разговорились. Мужик позвал меня в свою землянку и объявил мне, что он — полесовщик и стережет этот лес, проданный на срубку. Он предложил мне хлеб и соль, и завелась между нами беседа.

— Завидую я тебе, — сказал я, — что так удобно можешь жить в уединении от людей, не так, как я скитаюсь с места на место да толкнусь между всяким народом!

— Если есть охота, — говорил он, — то, пожалуй, и ты здесь живи. Вон недалеко есть старая землянка прежнего сторожа. Она хотя и пообвалилась, но летом-то еще жить можно. Пашпорт у тебя есть. Хлеба с нас будет, мне приносят каждую неделю из нашей деревни. Вот и ручеек (указал рукою), который никогда не пересыхает. Я сам, брат, лет уже десять ем только один хлеб да воду, и больше никогда ничего!.. Да вот в чем дело. Осенью, как поработаются мужики, то наедут сюда человек двесте^c работников и весь этот лес срубят. Тогда и мне здесь будет жить не у чего, да и^d тебе не дадут жить здесь.

Вслушавши все это, я так возрадовался, что так бы и упал ему в ноги. Не знал, как благодарить Бога за такую ко мне милость. О чем скорбел, чего желал, то теперь неожиданно получаю! До глубокой

^a Исправлено, в ркп: пошдошедши.

^b Исправлено, в ркп: ления.

^c Так в ркп.

^d Пропущено и позднее добавлено карандашом над строкой.

осени еще с лишком четыре месяца, и потому я могу это время воспользоваться безмолвием и спокойствием, удобными к внимательному чтению Добротолюбия для изучения и достижения непрестанной молитвы в сердце. И так я с радостью остался до времени жить в указанной мне землянке. Мы еще более разговорились с сим приютившим меня простым братом, и он стал рассказывать мне свою жизнь и свои мысли:

— Я был, — говорил он, — в деревне своей человек не последний, имел мастерство — красил кумач да синил крашенину и жил в довольстве, хотя и не без греха — много обманывал по торговле, божился понапрасну, ругался поматерны, напивался и дирился. Вот был в нашем селе старый дьячок, у которого была старинная-престаринная книжка о Страшном суде⁸⁷. Он, бывало, ходит по православным да и читает, а ему за это дают деньги. Хаживал и ко мне... Бывало, дашь ему копеек десять да поднесешь стакан вина, так и будет читать с вечера да вплоть до петухов. Вот я, бывало, и слушаю, сидя за работой, а он читает, какие нам будут муки в аду, как души живые и мертвые воскреснут, как Бог сядет судить, как ангелы в рожки затрубят, и какой огонь, смола и червь грешников будет есть...

В одно время, слушавши это, мне стало страшно, я подумал: «Уж муки не миновать! Постой, примусь душу спасать, может быть и отмолю мои грехи». Подумал-подумал, да и решил мой промысел, и избу продал. И как был одинок, пошел в полесовщики с тем, чтоб мир давал мне хлеб, да одёжу, да восковые свечи на богомолье. Вот так и живу здесь более десяти лет. Ем только по разу в день, и то один хлеб с водою, каждую ночь встаю с первых петухов и до света кладу земные поклоны. Когда молюсь, затеплеваю по семи свечек перед образами. Днем же, когда обхаживаю лес, ношу вериги в два пуда на голом теле. Поматерны не бранюсь, вина и пива не пью и не дерусь ни с кем. Баб и девок от роду не знаю.

Сначала мне так жить было охотнее, а под конец нападают на меня неотступные мысли: Бог знает, грехи-то отмолишь ли, а жизнь-то трудная. Да и правда ли в книжке-то написана? Где, кажется, воскреснуть человеку? Иной умер уже лет сто или больше, его уже и праху-то нет? Да и кто знает, будет ли ад, нет ли? Ведь никто с того света не приходил! Кажется, как человек умрёт да сгниёт, то так и пропадёт без вести. Может быть, книжку-то написали попы да начальники сами, чтобы утратить нас, дураков, чтобы жили поскромнее. И так и на земле-то живёшь в трудах и ничем не утетишься, да и на том-то свете ничего не будет, так что же из того? Не лучше ли хоть на земле-то пожить попокладнее⁸⁸ и повеселее? Сии мысли борят меня, — продолжал он, — и, боюсь, не приняться бы опять за прежний мастеровой промысел!

Слушая это, я жалел о нем да и думал сам в себе: «Говорят, что одни ученые и умные бывают вольнодумцами и ничему не верят. Вот и наша братья, простые мужики, какие замышляют неверия! Видно, темному миру попущено ко всем иметь доступ, а на простых-то, может быть, он

нападает и удобнее... Надо, сколь можно, умудряться и укрепляться против врага душевного Словом Божиим!» И так, чтобы сколько можно помочь и поддержать веру в сем брате, я достал из сумки Добротолубие, отыскал 109 главу преподобного Исихия, прочел и начал ему растолковывать, что «воздержание от грехов страха ради мук неуспешно и непродуктивно; и невозможно душе освободиться от мысленных грехов ничем иным, кроме хранения ума и чистоты сердца»⁸⁹, и как все это приобретается внутреннею молитвою. «Не только, — прибавил я еще, — страха ради адских мук, но даже и желания ради Царства Небесного если кто станет совершать спасительные подвиги, то и это святые отцы называют делом наемническим. Они говорят, что боязнь муки есть путь раба, а желание награды в Царствии есть путь наемника. А Бог хочет, чтобы мы шли к Нему путем сыновним, то есть из любви и усердия к Нему вели себя честно и наслаждались бы спасительным соединением с Ним в душе и сердце. Сколько ни изнуряй себя, какие хочешь проходи телесные труды и подвиги, но если не будешь всегда иметь Бога в уме да непрестанной Иисусовой молитвы в сердце, то ты никогда не успокоишься от помыслов и всегда будешь удобопреклонен ко греху при малейших даже случаях. Примись-ко, брат, беспрестанно творить Иисусову молитву, ведь тебе это можно и удобно в сем уединении, ты скорую увидишь пользу. Не будут и помыслы безбожные приходить, откроется тебе и вера и любовь к Иисусу Христу, узнаешь, как и души воскреснут, и Страшный Суд покажется тебе так, как истинно он будет. А в сердце-то будет такая легкость и радость от молитвы, что ты удивишься и не будешь уже скучать да смущаться спасительным житием твоим!»

Далее, как мог, я растолковал ему как начать и как продолжать беспрерывно^a Иисусову молитву, и как заповедует о сем Слово Божие, и (как)^b поучают святые отцы. Он по видимому как бы изъяснял на то согласие и поуспокоился.

§ 18. После сего я, расставшись с ним, затворился в указанной мне ветхой землянке. Боже мой! Какую я почувствовал радость, спокойствие и восхищение, как только переступил за порог этой пещеры или, лучше сказать, могилы! Она представлялась мне великолепным царским чертогом, исполненным всякого утешения и веселия... С радостными слезами благодарил я Бога и размышлял: «Вот теперь-то уже, при таком покое и тишине, надо пристально заняться своим делом и просить от Господа вразумления...» И так я начал, во-первых, читать Добротолубие все по порядку, с начала до конца, с великим вниманием. В непродолжительном времени прочел все и увидел, какая премудрость, святость и глубина в нем содержатся. Но как в нем писано о многих и разных предметах,

^a *Пант-141*: беспрестанно.

^b *Так в ркп.*

и разнообразными наставлениями святых отцов, то я и не мог всего понять и свести в одно место всего того, что хотелось мне узнать, в особенности о внутренней молитве, дабы почерпнуть из того способы к изучению непрестанной самодействующей молитвы в сердце. А этого очень хотелось по заповеди Божией: «Ревнуйте дарований больших, Духа не угашайте»⁹⁰...

Думал-думал, как быть? Ума моего не хватает, понятия — тоже, растолковать некому... Начну в другой раз читать так же! Авось Господь и вразумит как-нибудь... После сего я целые сутки ничего не делал, как только был в беспрестанной молитве, не переставая ни на малейшее время. Мысли мои успокоились, и я заснул. Вот и вижу во сне, будто бы я в келии покойного старца моего, и он толкует мне Добротолюбие да и говорит:

— Сия святая книга исполнена великой мудрости. Она есть таинственное сокровище разумений сокровенных судеб Божиих. Не по всем местам и не каждому она доступна, однакож по мере каждого разумевателя содержит таковые и наставления: для мудрых — мудрые, а для простых — простые. А потому вам, простякам, должно ее читать не тем порядком, как расположены в ней книги отцов, одна за другою. Там этот порядок богословский, а неученому человеку, хотящему научиться из Добротолюбия внутренней молитве, должно читать ее следующим порядком: 1) Во-первых, прочесть книгу Никифора монашествующего (во второй части)⁹¹. Потом 2) книгу Григория Синаита всю, кроме кратких глав в начале⁹². 3) Симеона Нового Богослова «О трех образах молитвы» и «Слово о вере»⁹³. А засим 4) книгу Каллиста и Игнатия⁹⁴. В сих отцах содержится полное и отдельное наставление и учение внутренней молитве^а сердца, понятное для каждого. А если и еще понятнейшее наставление о молитве желаешь видеть, то найди в четвертой части «Образ молитвы вкратце» святейшего патриарха Каллиста Константинопольского⁹⁵.

Я, как будто держа в руках мое Добротолюбие, начал отыскивать сказанное наставление и никак не мог вскоре найти оное. Старец, сам перевернувши несколько листов, сказал: «Вот оно! Я тебе его замечу», — и, поднявши с земли уголь, подчеркнул оным на поле книги против найденной статьи. Все, что старец говорил, я внимательно слушал и старался как можно тверже и подробнее помнить.

Проснулся я, и как еще не рассветало, то лежал и повторял в памяти все виденное мною во сне и что говорил мне старец. Наконец, начал размышлять: «Бог знает, душа ли покойного старца является мне, или собственные мысли так подстраиваются, ибо я часто и много думаю о Добротолюбии и о старце?» С сим недоумением я встал; начинало уже рассветать. И что же? Вижу на камне, который был вместо стола в моей землянке, разогнутое Добротолюбие на том самом месте, которое

^а *Пант-141*: молитвы.

указывал мне старец, и прочеркнутое угольком точно так, как я видел во сне; даже и самый уголь лежал при книге. Это изумило меня, ибо твердо помню, что с вечера книги тут не было, она свернутая лежала у меня в головах, и так же верно знаю, что прежде никакой заметки на показанном месте не было. Сей случай уверил меня в истине сновидения и в богоугодности^а блаженной памяти старца моего.

§ 19. Вот я и принялся читать Добротолюбие по тому самому порядку, который указал мне старец. Прочел раз, прочел то же и в другой, и сие чтение распяло в душе моей охоту и усердие, чтобы все прочтенное испытать на деле. Мне понятно и ясно открылось, что значит внутренняя молитва, какие средства к достижению оной, и что от нее бывает, и как она наслаждает душу и сердце, и как распознавать сию сладость — от Бога ли она, или от естества, или от прелести.

И так я прежде всего приступил к отыскиванию места сердечного, по наставлению Симеона Нового Богослова. Закрыв глаза, смотрел умом, то есть воображением, в сердце, желая представить себе, как оно есть в левой половине груди, и внимательно слушал его биение. Так занимался я сперва по полчаса несколько раз в день, и в начале ничего не примечал, кроме темноты. Потом, в скором времени, начало представляться сердце и означаться движение в оном. Далее я начал вводить и изводить Иисусову молитву вместе с дыханием в сердце, по наставлению святого Григория Синаита и Каллиста и Игнатия, то есть, втягивая в себя воздух с умственным смотрением в сердце, воображал и говорил: «Господи Иисусе Христе», — а с испущением из себя воздуха: «помилуй мя!»⁹⁶. Сперва я сим занимался по часу и по два, потом чем дальше, тем чаще стал так упражняться и, наконец, почти целый день проводил в сем занятии. Когда нападала тягость, или леность, или сумнение, я немедленно начинал читать в Добротолюбии те места, кои наставляют о сердечном делании, и опять являлась охота и усердие к молитве. Недели через три начал чувствовать боль в сердце, потом некую приятнейшую теплоту в оном, отраду и спокойствие. Это возбуждало и заохочивало меня более и более с прилежностью упражняться в молитве, так что все мысли мои были сим заняты, и я ощущал великую радость.

С сего времени я начал чувствовать разные повременные ощущения в сердце и в душе. Иногда как что-то насладительное кипело в сердце. Иногда бывала в нем такая легкость, свобода и утешение, что я весь изменялся и прелагался в восторг. Иногда чувствовалась пламенная любовь ко Иисусу Христу и ко всему созданию Божию. Иногда сами собою лились сладкие слезы благодарения Господа, милующего меня, окаянного грешника. Иногда прежнее глупое понятие мое так прояснялось^б, что я легко понимал Библию и размышлял о том, о чем прежде не мог

^а *Пант-141*: благодарности. *Мух-293*: богоугодности.

^б *Пант-141*: уяснялось.

и вздумать. Иногда сердечная сладостная теплота разливалась по всему составу моему, и я умиленно чувствовал при себе вездеприсутствие Божие. Иногда ощущал внутри себя величайшую радость от призывания Имени Иисуса Христа и познавал, что значит сказанное Им: «Царствие Божие внутрь вас есть»⁹⁷. Испытывая таковые и подобные сим наслаждительные утешения, я заметил, что последствия сердечной молитвы открываются в трех видах: в духе, в чувствах и в откровениях. Например, в духе: сладость любви Божией, внутренний покой, восхищение ума, чистота мыслей, сладостное памятование Бога. В чувствах: приятное растепление сердца, наполнение сладостию всех членов, радостное кипение в сердце, легкость, бодрость, приятность жизни, нечувствительность к болезням и скорбям. В откровениях: просветление разума, понятие Священного Писания, познание словес твари, отрешение от сует, познание сладости внутренней жизни, уверение в близости Божией и любви Его к нам⁹⁸.

Месяцев пять проводя уединенно в сем молитвенном занятии и наслаждении помянутыми ощущениями, я так привык к сердечной молитве, что упражнялся в ней беспрестанно и, наконец, почувствовал, что молитва уже сама собою, без всякого со стороны моей побуждения, производится и изрекается в уме моем и сердце, не токмо в бодрственном состоянии, но даже и во сне действует точно так же и ни от чего не прерывается, не престаёт ни на малейшую секунду, что бы я ни делал... Душа моя благодарила Господа, и сердце истаявало в непрестанном веселии.

§ 20. Настало время рубки. Начал стекаться народ, и я должен был оставить безмолвное мое жилище. Поблагодаривши полесовщика, я помолился, поцеловал тот клочок земли, на которой Бог удостоил меня, недостойного, своей милости, надел сумку с книгами да и пошел... Весьма долго я скитался по разным местам, покуда добрёл до Иркутска. Сердечная самодействующая молитва была утешением и отрадою во всем пути, при всех встречах и случаях. Она никогда не переставала услаждать меня, хотя и в разных степенях, где бы я ни находился, что бы ни делал, чем бы ни занимался — ничему она не мешала и ни от чего не прекращалась^a. Если что работаю, а молитва — сама собою в сердце, и дело идет скорее^b. Если что внимательно слушаю или читаю, а молитва все не перестает^c. И так в одно и то же время чувствую и то, и другое... Точно как будто я раздвоился, или в одном теле моем две души! Боже мой! Как таинственен человек... Возвеличишася дела Твоя, Господи, вся премудростию сотворил еси⁹⁹!

^a *Пант-141*: умалялась.

^b *Пант-141*: скорее.

^c *Пант-141*: престаёт.

§ 21. Много также встречалось на пути моем чудных случаев и происшествий, если все их рассказать, то и в сутки не окончишь. Да вот, например: однажды под вечер, зимою, я шел один леском в какую-то деревню ночевать, которая уже и была версты за две в виду. Вдруг напал и кинулся на меня большущий волк. У меня были в руке старцевы шерстяные четки (как и всегда я имел их при себе). Вот я и отмахнул волка сими четками. И что же? Четки вырвались у меня из руки и зацепились как-то прямо за шею волку. Волк бросился от меня прочь и, прыгнувши вблизи через терновый куст, запутался задними лапами в кусту. А четками-то зацепился за сук тут же стоявшего сухого дерева да и повис, и начал биться, а высвободиться ему было неудобно, ибо четки затянули ему шею. Я с верою перекрестился да и подошел с намерением сколько волка высвободить, а боле для того, что думал, если он перервёт^а четки да убежит с ними, то и драгоценные мои четки пропадут. Только что я подошел и взялся за четки, действительно волк оборвал^б их и побежал без вести.

§ 22. И так я, поблагодарив Бога и помянув блаженного старца моего, благополучно дошел до деревни. Пришел на постоялый двор и выпроился ночевать. Вошел в избу. В переднем углу за столом сидели двое: один — старичок, другой — толстый, средних лет, по виду как будто не простые. Они кушали чай. Я спросил мужика, бывшего при их лошади, кто они такие. Тот сказал мне, что старичок — учитель народного училища, а другой — писарь из земского суда, оба, дескать, благородные: «Я везу их на ярмарку, вот отсюда верстах в двадцати».

Посидевши несколько, я выпросил у бабы иголку с ниткой, подошел к свечке да и стал сшивать разорванные мои четки. Писарь посмотрел, да и говорит:

— Видно, ты прилежно бил поклоны, что и четки-то изорвал?

— Не я изорвал, а волк...

— Как? Разве волки-то молятся? — сказал, захохотавши, писарь.

Я рассказал им подробно, как было дело и как драгоценны для меня сии четки. Писарь опять засмеялся и стал говорить:

— У вас, пустосвятов, все чудеса! А что тут святого? Просто, ты швырнул в него, а волк испугался да ушел. Ведь и собаки, и волки швырков боятся... И зацепиться в лесу немудрено. Мало ли что на свете бывает, так всему и верить, что чудеса?

Услышавши это, учитель начал с ним разговор:

— Не заключайте, сударь, так! Вам не известна ученая часть... А я вижу в повествовании этого мужика таинство натуры и чувственной, и духовной!

— Как это так? — спросил писарь.

^а Пант-141: оборвет.

^б Пант-141: перервал.

— А вот видите, Вы, хотя и не имеете дальнейшего образования, но, конечно, изволили изучать «Краткую Священную историю Ветхого и Нового Завета», изданную по вопросам и ответам для народных училищ¹⁰⁰. Помните ли, что, когда первосозданный человек Адам был в невинном и святом состоянии, тогда все животные и звери были ему в покорении, они со страхом подходили к нему, и он нарицал им имена. Старец, чьи сии четки, был свят. А что значит святыня? Ни что иное, как чрез подвиги возвращение невинного состояния первого человека в грешном человеке. Когда освящается душа, освящается и тело. Четки всегда были в руках освященного, следственно, чрез прикосновение к ним рук и испарений его, привита к ним святая сила, сила невинного состояния первого человека. Вот таинство природы духовной! Сию силу, по преемству, естественно ощущают все животные и доньне, и ощущают посредством обоняния, ибо нос у всех зверей и животных есть главнейшее орудие чувств. Вот таинство природы чувственной!

— У вас, ученых, все силы да премудрости, а мы так все попросту — вот как нальешь рюмку водки да хлопнешь, так и будет сила! — сказал писарь да и пошел к шкапу.

— Это дело Ваше, — сказал учитель, — а уже ученые ведения прошу предоставить нам!

Мне понравилось, как говорил учитель, и я, подошедши к нему, сказал:

— Осмелюсь, батюшка, и еще нечто сказать Вам о моем старце, — да и объяснил ему, как он мне виделся во сне, как учил и как подчеркнул на Добротолубии...

Учитель все сие выслушал со вниманием. А писарь, лежа на лавке, ворчал:

— Правду говорят, что с ума сходят да зачитываются в Библии. Вот оно так и есть! Какой леший будет тебе чертить по ночам на книгах? Просто, сам во сне уронил на пол книгу да и замарал в саже... Вот тебе и чудо! Ой уж эти пройдохи! Много, брат, мы видали вашей братьи!

Пробормотавши это, писарь повернулся к стене и заснул. Я, слыша это, обратился к учителю да и сказал:

— Вот, если угодно, то я покажу Вам и ту самую книгу, на которой правильно прочеркнуто^а, а не намарано сажей.

Вынул из сумки Добротолубие, да и показываю, говоря:

— Удивляюсь этой премудрости, как бестелесная душа могла взять уголь и писать...

Учитель, посмотревши заметку, начал говорить:

— И это таинство духов! Я сие объясню тебе. Вот видишь, когда духи являются в телесном виде живому человеку, они набирают и составляют себе осязаемое тело из воздуха и световой материи. И когда совершат свое явление, опять возвращают занятое ими в те стихии, из коих был

^а *Пант-141*: подчеркнуто. *Мух-293*: прочеркнуто.

почерпнут состав их тела. И как воздух имеет упругость, сжимательную и растягательную силу, то душа, облеченная в него, может все брать, действовать и писать. Да какая это у тебя книга? Дай-ко я посмотрю!

Он разогнул, и открылось Симеона Нового Богослова «Слово о вере».

— А! Должно быть, эта книга богословская. Я никогда ее не видел...

— Эта книга, батюшка, вся почти состоит из учения внутренней сердечной молитвы во Имя Иисуса Христа, раскрытого во всей подробности двадцатью пятью святыми отцами.

— А! Внутреннюю молитву я знаю, — сказал учитель.

Я поклонился ему в ноги и просил:

— Сделайте милость, скажите мне что-нибудь о внутренней молитве!

— А вот что, в Новом Завете сказано, что человек и вся тварь суете повинуся не волею и всеестественно въздыхает¹⁰¹, стремится и желает войти в свободу чад Божиих. И это таинственное въздыхание тварей и врожденное стремление душ есть внутренняя молитва¹⁰². Ей нечего учиться, она есть во всех и во всём!

— А как же обрести, открыть и восчувствовать ее в сердце, сознать и принять волею своею, достигнуть, чтоб она явственно действовала, наслаждала, просвещала и спасала бы? — спросил я.

— Не помню, писано ли где о сем в богословских трактатах, — ответил учитель.

— Вот здесь, здесь все это написано, — указал я.

Учитель взял крандаш^a, записал название Добротолюбия, да и говорит:

— Непременно выпишу сию книгу из Тобольска и рассмотрю ее.

И так мы разошлись... Пошедши, я благодарил Бога за беседу с учителем, а о писаре молился, чтобы Господь устроил хотя бы однажды прочесть ему Добротолюбие и вразумил бы его во спасение.

§ 23. После сего, продолжая путь мой в радости и питании непрестанною сердечною молитвою, еще был заметный для меня случай. Именно, однажды весною проходя одно село, случилось остановиться мне у священника. Он был человек добрый и одинокий. Я провел у него три дня. Рассмотревши меня в сие время, он стал мне говорить:

— Останься у нас, я положу тебе плату, мне нужен человек добросовестный. Ты видел, что у меня строится при старой деревянной церкви новая каменная. Не могу найти верного человека, который бы посмотрел за рабочими да сидел в часовне для сбора подаяния на постройку. А вижу, что ты был бы к сему способен, да и тебе, по твоему направлению, было бы жить хорошо; сидел бы один в часовне да Богу молился. Там есть и каморка уединенная для сторожа. Останься, пожалуста, хоть только на сие лето, куда церковь окончится!

^a Так в ркп и в Пант-141.

Хотя я и долго отказывался, но по убедительной просьбе священника должен был согласиться. Так и остался на лето, до осени. Вот и стал я жить в часовне. Сначала мне было спокойно, и удобно упражняться в молитве, хотя и много народа прихаживали^a в часовню, особенно в праздничные дни: иные помолиться, иные позевать, а иные стащить что-нибудь с^b сборной тарелки. И как я по временам читывал то Библию, то Добротолюбие, то некоторые из приходивших, видя сие, заводили со мною разговор, другие прашивали прочесть им что-нибудь...

По некотором времени я заметил, что одна какая-то крестьянская девица часто ходила в часовню и подолгу маливалась Богу. Прислушавшись к ее бормотанью, я узнал, что она читает какие-то странные молитвы, а иные совсем перековерканные. Я спросил, кто ее сему научил. Она сказала, что мать, которая, дескать, церковная, а отец её — раскольник по беспоповщине. Пожалевши о всем этом, я советовал ей, чтоб она правильно, по преданию Святой Церкви, читала молитвы. И потому толковал ей «Отче наш» да «Богородице Дево, радуйся». А наконец сказал: «Твори-ко ты почаще да побольше Иисусову молитву, она доходнее всех молитв до Бога, и ты получишь чрез нее спасение души». Девица приняла совет мой со вниманием и так и начала поступать в простоте. И что же? После непродолжительного времени объявила мне, что так привыкла к Иисусовой молитве, что чувствует влечение беспрестанно, если было бы можно, ею заниматься. И когда молится, то чувствует приятность, и по окончании также радость и охоту опять помолиться... Я порадовался сему и советовал ей далее и более продолжать молитву во Имя Иисуса Христа.

Время подходило к концу лета. Многие из приходящих в часовню начали приходить и ко мне, не только уже за чтением и советами, но и с разными житейскими скорбями и даже за узнаванием отыскивания потерь и пропажей. Видно, иные почли меня за ворожею... Наконец, и помянутая девица в горести пришла за советом, как ей быть. Отец вознамерился отдать ее замуж, по неволе, за раскольника, тоже беспоповщинского, и венчать будет мужик¹⁰³...

— Какой же это законный брак! — воскликнула она. — Это все равно, что блуд! Я хочу бежать, куда глаза глядят.

— Куда ж ты убежишь? Ведь опять найдут тебя! В нынешнее время нигде не укроешься без вида¹⁰⁴, везде сыщут... А лучше молись-ко усерднее о сем Богу, чтоб Он Своими судьбами разрушил намерение отца твоего и сохранил бы душу твою от греха и от ереси. Это будет надежнее твоего бегства!

Время шло далее, и мне невыносимо стало шумно и блазнительно. Наконец кончилось и лето, и я решился оставить часовню и продолжать, как и прежде, путь мой. Пришел к священнику и начал говорить ему:

^a Пант-141: прихаживало.

^b Пант-141: со.

— Вам, батюшка, известно мое устроение. Мне нужна тишина для занятия молитвою, а здесь для меня очень развлеченно и вредно. Вот я исполнил Вам послушание — лето прожил! Теперь меня отпустите и благословите на уединенный путь...

Священнику не хотелось отпустить меня, и он начал меня уговаривать:

— Что ж тебе мешает и здесь молиться? Ведь дела никакого у тебя нет, кроме того, чтобы сидеть в часовне, а хлеб готовый у тебя есть. Пожалуй, там и день и ночь молись. Живи-ко, брат, с Богом!.. Ты способен и полезен для сего места, с приходящими пустяков не болтаешь, а церкви Божией приносишь доход и собираешь верно. Это угоднее пред Богом, нежели твоя уединенная молитва. Что тебе в уединении? С народом-то молиться еще и^а веселее! Бог создал человека не для того, чтобы он одного только себя знал, но чтобы люди друг другу помогали, друг друга вели ко спасению, кто чем может. Посмотри-ко на святых и на вселенских учителей, они день и ночь хлопотали и пеклись о Церкви, да и повсюду проповедывали, а не сидели в уединении и не скрывались от людей!..

— Всякому, батюшка, свое Бог дает дарование. Много было проповедников, много было и отшельников. Кто какую и к чему находил в себе склонность, тот так и поступал, и верил^б, что Бог указывает^с ему спасительный путь его... А как Вы это мне рассудите: многие из святых кидали и сан святительский, и настоятельский, и священнический и убежали в уединенные пустыни, дабы не смущаться и не повредиться среди народа. Так, святой Исаак Сирий бежал от своей епископской паствы, так преподобный Афанасий Афонский кинул свою многочисленную обитель, и именно потому, что те места были для них блазнительны и что они истинно веровали гласу Иисуса Христа: «Кая бо польза человеку, аще мир весь приобретает, душу же свою отщетит¹⁰⁵?»

— Да ведь они были святые, — сказал священник.

— Если святые, — ответил я, — остерегались, чтобы не повредиться сообщением с людьми, то что же остается делать бессильному грешнику?

Наконец, простился я с сим добрым священником и он с любовью проводил меня в путь.

§ 24. Прошедши верст десять, я остановился ночевать в деревне. На сем ночлеге я увидел отчаянно больного мужика и советовал бывшим около него, чтобы причастить его Святых Христовых Таин. Согласились и к утру послали за священником в приходское их село. Я остался подождать, чтобы поклониться Святым Дарам и помолиться при сем великом таинстве. Вышел на улицу, сел на завалине, да и дожидаюсь,

^а Нет в Пант-141.

^б Пант-141: веровал. Мух-293: говорил.

^с Пант-141: указывал.

чтобы встретить священника. Вдруг, неожиданно, с задворья выбегает ко мне та девица, которая маливалась в часовне.

— Как ты сюда попала? — спросил я.

— У нас вчера назначено было быть рукобитью, чтобы выдать меня за раскольника, и я ушла.

При сем, поклонившись мне в ноги, начала говорить:

— Сделай милость, возьми меня с собой и отведи в какой-нибудь женский монастырь. Я не хочу замуж, буду жить в монастыре да творить Иисусову молитву. Тебя там послушают и меня примут...

— Помилуй! — сказал я. — Куда мне тебя повести? Я в сей стороне ни одного женского монастыря не знаю, да и как я с тобой пойду, когда у тебя нет пашпорта? Раз, что нигде тебя не примут, да и укрыться тебе нигде нельзя: в нынешнее время сейчас поймают да и отошлют по пересылке в свое место, да еще и накажут за бродяжничество. Иди лучше домой да молись Богу. А если не хочешь в замужество, то притвори себе какую-нибудь немощ, это называется спасительное благоюродство. Так поступали святая мать святого Климента^{106,а} преподобная Марина, спасавшаяся в мужском монастыре¹⁰⁷, и многие другие.

В сие время, когда мы сидели да рассуждали, увидели, что четыре мужика гонят на паре по дороге, и прямо подскакали к нам. Схватили девуку, посадили в телегу и с одним мужиком отправили, а трое связали мне руки и погнали меня обратно в то село, где я летом жил. На все мои оправдания они только кричали: «Мы тебе, святоше, дадим знать, как девок сманивать!..» К вечеру привели меня в сельскую расправу¹⁰⁸, сковали мне ноги в железа да посадили в тюрьму до утра, покуда соберутся судить. Священник, узнавши, что я в тюрьме, пришел посетить меня, принес поужинать^б, утешал меня и говорил, что заступится за меня и скажет как духовный отец, что я не таких свойств, как обо^с мне думают. Посидевши со мною, ушел...

Попозднее вечером исправник¹⁰⁹, проезжая куда-то чрез это село, остановился у выборного¹¹⁰. Ему сказали о случившемся. Он велел собрать сходку и меня привести в судейскую избу. Мы вошли, стоим и дожидаемся... Вот и пришел исправник, уже в кураже, сел на стол в фуражке да и крикнул:

— Робята! Вот видите?

— Видим, батюшка! — вся сходка в один голос ответили.

— Да что вы видите?

— Да то есть видим!

— Э, скоты!.. Слушайте!

— Слышим, батюшка!

^а В Пант-141 добавлено: и.

^б Пант-141: ужинать. Мух-293: поужинать.

^с Пант-141: о.

— Я дело рассмотрел. Эй, Епифан! Ведь девка, дочь твоя, ничего не снесла со двора?

— Ничего, батюшка!

— С этим болваном ни в каких дурных делах не уличены?

— Нет, батюшка!

— Так вот как мы дело-то рассудим да и зарешим. Ты дочь-то свою отпори сам, да хвост-то ей прижми, чтобы она не бегала как сука. А это-то молодца завтра мы отдерем на обе корки, прогоним да и накрепко закажем, чтобы он во веки вечные и носу сюда не показывал. Вот и всё!

Сказавши это, исправник стал слезать со стола, пошатнулся и упал. Его повели спать, а меня опять посадили в тюрьму. Рано поутру пришли двое, сотский¹¹¹ да десятский¹¹², высекли меня да и выпустили.

Пошел я и благодарил Бога, что Он удостоил меня потерпеть за Имя Его... Это меня утешало и еще более возгревало непрестанную сердечную молитву. Все сии происшествия нисколько не оскорбляли меня, как будто случались с кем другим, а я только их видел. Даже когда меня секли, то и это в силу было терпеть; молитва, улаждавшая сердце, ничему внимать не попускала! Прошедши версты четыре, я встретил мать девицы, ехавшую с торгу с покупками. Она, увидев меня, сказала мне: «Жених-то наш отказался, видишь, рассердился на Окульку, что от него бежала». Потом дала мне хлеба да пирог, и я пошел далее.

Погода была сухая, и я не захотел ночевать в какой-нибудь деревне, а увидевши вечером в лесу два огороженные стога сена, расположился под ними на ночлег. Когда заснул, вижу, что я иду по дороге и читаю главы Антония Великого в^a Добротолюбии^{113,b}. Вдруг догнал меня мой старец, да и говорит: «Не тут читаешь! Вот читай где!» Указал на 35 главу Иоанна Карпафийского, в которой написано следующее: «Иногда учивший предается в бесчестие и терпит искушения за пользовавшихся от него духовно»¹¹⁴. И еще указал на 41 главу, где говорится: «Елицы молитву зельнее употребляют, сии от страшных и свирепых искушений пленяем^c суть»¹¹⁵. Потом и стал говорить: «Бодрствуй духом и не унывай! Помни, что сказал апостол: “Иже в вас болий есть того, иже в мире”»¹¹⁶. Вот ты теперь опытно дознал, что никакое искушение не попускается выше сил человека, но “со искушением творит Бог и скорое избытие”¹¹⁷».

Упование на сию помощь Божию подкрепляло и руководствовало к ревности и усердию святых молитвенников, кои не токмо всю жизнь свою провели в непрестанной молитве сами, но из любви поучали и открывали сие и другим при случае и времени. О сем говорит святой Григорий Фессалонитский так: «Не токмо нам самим подобает, по заповеди Божией, молиться непрестанно во Имени Иисуса Христа, но учить

^a *Пант-141*: в.

^b *Пант-141*: Добротолюбия.

^c *Испр., в ркп*: пленями.

и открывати сие и прочим, всем вообще: и монахам, и мирянам, и мудрым, и простым, и мужем, и женам и детям, и возбуждать во всех усердие к непрестанной молитве»¹¹⁸. Подобно сему говорит и преподобный Каллист Антиликуда, что «ни умственное делание о Господе (то есть внутреннюю молитву), ни созерцательное ведение и способы к простертию души горé не должно удерживать в одном токмо своем уме, но записывать, предавать писанию и изложению общия ради пользы по любви»¹¹⁹. Да и слово Божие о сем глаголет: «Брат от брата помогаемь, яко град тверд и высок»¹²⁰. Токмо в сем случае всемерно следует убежать тщеславия и охраняться, чтобы семя учения Божественного не сеялось на ветер... Я, проснувшись, почувствовал в сердце моем великую радость и^а в душе укрепление, и пошел в путь мой далее.

§ 25. После сего спустя долгое время и еще был один случай. Пожалуй, и его расскажу. Однажды, именно 24 марта, я почувствовал непреодолимое желание, чтобы завтра, то есть в день, посвященный Пречистой^б Божией Матери, в воспоминание Божественного ей благовещения, причаститься Святых Христовых Таин. Расспросил, далеко ли церковь. Сказали, 30 верст. И так я остаток дня и всю ночь шел, чтобы успеть к заутрени. Погода была самая ненастная: то снег, то дождь, и притом сильный ветер и холод. На дороге надо было переходить через небольшой ручеек, и как только вошел я на средину одного, лед под ногами проломился и я окунулся по пояс в воду. Так, замочившись, и пришел к заутрени. Отстоявши и обедню, Бог сподобил меня причаститься. Чтобы провести сей день в спокойствии, без помехи духовной радости, я выпросился у церковного сторожа пробыть до завтра в караулке. Весь оный день я был в несказанной радости и сладости сердечной, и лежал на полатах в сей нетопленной сторожке как будто покоясь на лоне Авраамовом...

Молитва действовала сильно. Любовь к Иисусу Христу и Матери Божией — как сладостные волны клубились в сердце и как бы погружали душу в утешительный восторг. В ночи вдруг почувствовал я сильный лом в ногах да и вспомнил, что они у меня мокрые... Небрегши^с этим, я стал прилежнее внимать сердцу с молитвою и не стал чувствовать боли. Поутру хотел встать, но вижу, что не могу и пошевелить ногами, совсем отнялись и расслабли как плети. Сторож насилу стащил меня с полатей. Так я и сидел два дня недвижимый. На третий день сторож начал выгонять меня из караулки, говоря: «Если ты здесь умрешь, то поди хлопочи за тобой...» Едва-едва я выполз кое-как на руках, да и лёг на церковном крыльце. Так лежал и здесь дня с два. Люди, проходившие мимо меня, не обращали ни малого внимания ни на меня,

^а Пант-141: а.

^б Нет в Пант-141. Есть в Мух-293.

^с Изначально в ркп. было: Пренебрегши, но позднее первые три буквы были стерты. Пант-141: Пренебрегши.

ни на мои просьбы... Наконец, какой-то мужик подошел ко мне, сел да и разговорился. Между прочим, сказал:

— Что ты дашь? Я тебя вылечу! Со мной самим точь-в-точь так было, я знаю от сего снадобье...

— Нечего мне тебе дать, — ответил я.

— А в мешке-то что у тебя?

— Одни сухари да книги.

— Ну так поработаешь ли мне хоть это лето, если я тебя вылечу?

— И работать ничего не могу. Ты видишь, что я одной рукой только владею, а другая совсем почти высохла...

— Так что же ты умеешь делать?

— Ничего, кроме того, что умею читать да писать.

— А! Писать? Ну, научи писать мальчишку, сынишка моего. Он читать-то маленько знает, а мне хочется, чтобы писал. А мастера-то просят дорого — 20 рублей на выучку...

Я согласился, и они со сторожем оттащили меня и поместили у сего мужика на заднем дворе в старой пустой бане. Вот и начал он лечить меня. Набрал по полям, по дворам и по помойным ямам целый четверик разных тлевших костей, и скотских, и птичьих, и всяких. Перемыл да перебил их помельче камнем и положил в большую корчагу, закрыл крышкой, на которой была скважина, да и опрокинул на вкопанный в землю пустой горшок. А сверху всю корчагу толсто обмазал глиной и, обложивши костром дров, жег их с лишком сутки. И, подкладывая дрова, говорил: «Вот это будет дёготь из костей». На другой день откопал^a из земли горшок, в который натекло чрез скважину из корчаги с полштофа густой жидкости, красноватой, маслянистой и сильно пахучей как бы живым, сырым мясом. А кости, бывшие в корчаге, сделались из черных и гнилых так белы, чисты и прозрачны, как будто перламутр или жемчуг. Этою жидкостью натирал я свои ноги раз по пяти в день. И что же? На другие же сутки почувствовал, что могу шевелить пальцами, на третьи мог уже сгибать и разгибать ноги, а на пятый день стал на них и с палочкой прошелся по двору. Словом, через неделю совершенно ноги мои укрепились по-прежнему. Я благодарил о сем Бога да и думал сам в себе: «Какая премудрость Божия в тварях! Сухие, сгнившие, почти предавшиеся совсем земле кости такую сохраняют в себе жизненную силу, цвет, запах и действие на живые тела и как бы сообщают жизнь омертвелым членам. Это залог будущего воскресения тел! Вот бы показать сие тому полесовщику, у которого я жил, при сумнении его о всеобщем воскресении»¹²¹.

Оправившись таким образом, я начал учить мальчика. Написал вместо “прописи” Иисусову молитву, заставил его списывать, показывая ему, как хорошенько выводить слова. Учить его было для меня спокойно, потому что он днем прислуживал у управителя и приходил ко мне

^a Так в Пант-141, в ркп: откопав.

учиться только в то время, когда управитель спал, то есть от рассвета до поздних обеден. Мальчик был понятлив и вскоре стал порядочно кое-что писать. Увидевши управитель, что он пишет, спросил его: «Кто тебя учит?» Мальчик сказал, что безрукий странник, который живет у нас в старой бане. Любопытный управитель, из поляков, пришел посмотреть меня и застал меня за чтением Добротолюбия. Разговорившись со мною, спросил:

— Что ты читаешь?

Я показал ему книгу.

— А! Это Добротолюбие, — сказал он. — я видал сию книгу у нашего ксенза^a, когда жил в Вильне. Однакож и наслышан об ней, что она содержит какие-то странные фокусы да искусства для молитвы, написанные греческими монахами, подобно тому как в Индии да в Бухарии фанатики сидят, да надуваются, да и хотят, чтоб было у них щекотание в сердце, и по глупости почитают это натуральное чувство за молитву, будто бы даемую им Богом. Надо молиться просто, с целью выполнения нашего долга пред Богом. Встал да прочел «Отче наш», как научил Христос, вот и на целый день прав, а не беспрестанно ладить одно и то же. Так, пожалуй, и с ума сойдешь, да и сердце-то повредишь.

— Не думайте, батюшка, так о сей святой книге! Ее написали не простые греческие монахи, а древние великие и святейшие мужи, которых и ваша Церковь почитает, как то: Антоний Великий, Макарий Великий, Марко Подвижник, Иоанн Златоуст и прочие. Да и индейские-то и бухарские монахи переняли у них же сердечный способ ко внутренней молитве, но только перепортили и сами исказили его, как рассказывал мне мой старец... А в Добротолюбии все наставления о сердечном молитвенном действии почерпнуты из слова Божия — из Святой Библии, в которой тот же Иисус Христос, который повелел читать «Отче наш», заповедал и непрестанную сердечную молитву, говоря: «Взыщите мя всем сердцем вашим»¹²²; «будите во Мне и Аз в вас»¹²³; «непрестанно молитесь»¹²⁴; «всяк, иже призовет Имя Господне, спасется»¹²⁵. А святые отцы, приводя свидетельство святого пророка^b Давида в Псалтыри: «Вкусите и видите, яко благ Господь»¹²⁶, — толкуют так, что должно христианину всеми мерами искать и достигать сладости в молитве и непрестанно искать в ней утешения, а не просто только по однажды в день читать «Отче наш». Вот я Вам прочитаю, как сии святые отцы оуждают тех, кои не стараются о снискании и изучении сладостной сердечной молитвы. Они пишут, что таковые погрешают в том, 1) что Богодухновенным Писаниям являются противоречущими; 2) что не предполагают высшего и совершеннейшего состояния для души, но, довольствуясь одними наружными добродетелями, алкания и жажды правды иметь не могут, а потому и лишаются блаженства и радования о Господе;

^a Пант-141: ксёнга.

^b Пант-141: царя.

3) что, мечтая о себе по внешним своим добродетелям, нередко впадают в прелесть или гордость и тем спасения отщетеваются¹²⁷.

— Это ты читаешь что-то высокое! — сказал управитель. — Куда нам, мирским людям, за сим гнаться!

— Вот я Вам почитаю и попростее, и о том, как и в мирском быту добрые люди поучались непрестанной молитве.

Я нашел в Добротолубии Слово Симеона Нового Богослова «о Георгии юноше»¹²⁸ и начал читать. Управителю это понравилось и он сказал мне:

— Дай-ко мне почитать сию книгу. В свободное время когда-нибудь я рассмотрю ее.

— Пожалуй, на сутки дам, а больше не могу, ибо я читаю ее каждодневно и без нее не могу быть.

— Ну, так по крайней мере, спиши для меня это, что ты теперь прочел, я заплачу тебе...

— Платы Вашей мне не нужно, а я так с любовью спишу, только бы Бог дал Вам усердие к молитве.

Немедленно я с удовольствием переписал прочтенное Слово. Он читал его жене своей, и обоим им оно понравилось. Вот иногда они и стали присылать за мною, я хаживал к ним с Добротолубием, читал там, а они, сидя за чаем, слушивали.

Однажды они оставили меня пообедать, и сия жена управителя, ласковая старушка, сидела с нами и кушала жареную рыбу. Как-то по неосторожности подавилась костью. Какие ни делали ей пособия, никак не могли освободить, она чувствовала сильную боль в горле и часа через^a два слегла. Вот послали за лекарем за 30 верст, а я, пожалевши, пошел домой уже вечером.

Ночью, в тонком сне, слышу голос старца моего, а никого не вижу. Голос говорит мне:

— Вот тебя твой хозяин вылечил, а ты что не поможешь управителю? Бог приказал соболезновать о ближнем!

— С радостью помог бы я, да чем? Не знаю никакого средства.

— А вот ты что сделай. Она с самого начала жизни своей имеет отвращение к деревянному маслу, и не только употреблять, но даже и запаха его не может сносить без тошноты. А потому дай ей ложку деревянного масла выпить — ее станет рвать, кость извергнется, а маслом обмажется та ранка в горле, которое оцарапала кость, и она выздоровеет...

— Да как же я дам, коли она имеет отвращение, она не будет пить?

— Ты вели управителю, чтоб он подержал ее за голову, да вдруг, хоть насильно, и влей ей в рот... Я, очнувшись, немедленно пошел к управителю и пересказал ему сие подробно. А он и говорит:

^a Памт-141: чрез.

— Что теперь сделает твое масло. Вот уже она хрипит и бредит, да и шея-то вся распухла. Да, пожалуй, испытаем; масло — лекарство безвредное, хотя и не сделает помощи.

Он налил в рюмку деревянного масла, и мы кое-как дали ей проглотить. Тут же началась с нею сильная рвота, и вскоре кость изверглась с кровью. Ей стало легче, и она крепко уснула.

Поутру я пришел проводить и увидел, что она спокойно сидит за чаем и вместе с мужем своим удивляются излечению, а более тому, как сказано мне во сне, что она не любит деревянного масла, ибо этого никто, кроме их двоих, не знал. Вот приехал и лекарь. Управительша рассказала, что с ней случилось, а я рассказал, как мужик вылечил мне ноги. Лекарь, выслушавши, сказал: «Ни тот, ни другой случай не удивительны, в обоих их действовала сама сила натуры... Однакож для памяти я это запишу». Вынул крандаш и записал в памятной своей книжке.

После этого вскоре разнесся слух по всему околodку^а, что я и провидец, и лекарь, и знахарь. Со всех сторон начали беспрестанно приходить ко мне люди с разными своими делами и случаями, приносили мне подарки и стали почитать и ублажать меня. С неделю я посмотрел на это и, убоявшись, чтобы не впасть в тщеславие и не повредиться рассеянностью, ушел оттуда тайно ночью.

И так опять пустился в уединенный путь мой и почувствовал такую легкость, как будто гора с плеч свалилась. Молитва все более и более утешала меня, так что иногда^б сердце мое вскипало от безмерной любви к Иисусу Христу, и от сего сладостного кипения как бы утешительные струи проливались по всем моим составам. Память о Иисусе Христе так напечатлевалась в уме моем, что, размышляя о евангельских событиях, я как бы их пред глазами видел, умилялся и радостно плакал. Иногда такую в сердце чувствовал радость, что и пересказать сего не умею. Случалось, что иногда суток по трое не входил в селения человеческие и в восторге ощущал, как будто один только я на земле — один, окаянный грешник, пред милостивым и человеколюбивым Богом! Уединение сие утешало меня и молитвенная сладость при оном бывала гораздо ощутительнее, нежели в многолюдстве.

§ 26. Наконец дошел я до Иркутска. Поклонившись святым мощам святителя Иннокентия, начал думать сам с собою, куда ж мне теперь идти. А здесь долго жить мне не хотелось, ибо город многолюдный. В раздумье сем я шел по улице... Вот и встретился мне здешний какой-то купец, остановил меня да и стал говорить:

— Ты странник? Что же не зайдешь ко мне? Я странников всех принимаю!

^а Так и в *Пант-141*.

^б *Пант-141*: когда. *Мух-293*: иногда.

Мы пришли с ним в богатый его дом. Он спросил меня, какой я человек. Я рассказал ему мое похождение. Выслушавши, он начал говорить мне:

— Вот бы ты постранствовал в Старый Иерусалим! Там-то святыня, какой нигде подобной нет!

— С радостью бы пошел, — ответил я, — но не имею к тому средств. Сухим путем до моря могу пройти, а море переехать — заплатить нечем... Надо много денег!

— Желает ли, — сказал купец, — я предоставлю тебе средство? Вот я, прошлого года, отправил уже туда одного старичка из наших мещан.

Я упал ему в ноги, и он стал говорить:

— Слушай же! Я дам тебе письмо к родному сыну моему в Одессу, он там живет и имеет торговые дела с Константинополем. У него ходят корабли, и он с радостью довезет тебя до Константинополя, а там велит прикащикам своим нанять для тебя место в корабле и до Иерусалима, и деньги заплатит, ведь это стоит не очень дорого...

Услышавши это, я обрадовался, много благодарил сего моего благодетеля за его милости, а паче благодарил Бога, что Он являет мне таковую отеческую любовь Свою и попечение о мне, окаянном грешнике, не делающем никакого добра ни себе, ни людям, и туне изыдающем чужой хлеб в праздности.

И так я у сего благодетельного купца прогостил три дня. Он написал мне по обещанию своему письмо к сыну своему обо мне. И вот я иду теперь в Одессу с намерением достигнуть и до Святого града Иерусалима, но не знаю, допустит ли Господь поклониться Его Живоносному Гробу.^a

ТРЕТИЕ СВИДАНИЕ^b

— Вот я уже совсем на пути в Иерусалим! Зашел проститься да поблагодарить за христианскую любовь ко мне, недостойному страннику...

— Много я наслушался от тебя о твоих путешествиях, любопытно было бы узнать о твоём происхождении и жизни до странничества!

§ 27. — Жизнь моя с самого происхождения была все такая же путаница. Родился я^c в деревне Орловской губернии. После отца и матери осталось нас двое — я да старший брат мой. Ему было десять лет, а мне два года, третий. Вот и взял нас дедушка к себе на прокормление. Он был старик заживной и честный. Держал постоялый двор на большой дороге и, по доброте его, много стаивало у него проезжих. Стали мы у него жить. Брат мой был резов и все бегал по деревне, а я больше вертелся около дедушки. По праздникам ходили мы с ним в церковь, а дома он

^a В левом нижнем углу записано: 13 декабря 1859.

^b В *Пант-141*: Рассказ странника при третьем и последнем прощальном свидании (20 декабря 1859 г.).

^c Пропущено и затем добавлено карандашом над строкой.

часто читывал Библию, вот эту самую, которая у меня. Брат мой вырос и испортился, приучился пить. Мне было уже семь лет, однажды я лежал с оным братом моим на печи, и он спихнул меня оттуда. Я, повредивши левую руку, с тех пор и по сие время ею не владею, вся высохла.

Дедушка, видя, что я к сельским работам буду неспособен, начал учить меня грамоте. И как азбуки у нас не было, то он учил меня по сей же Библии, как то: указывал азы, да заставлял складывать слова, да примечать буквы. И так, я и сам не понимаю, каким-то образом твердя за ним, я в продолжении времени научился читать. И наконец, когда дедушка стал худо видеть, то часто меня уже заставлял читать Библию, а сам слушал да поправлял.

У нас нередко стаивал земский писарь, который писал прекрасно. Я сматривал, и мне нравилось, как он пишет. Вот я и сам, по его примеру, начал выводить слова. Он мне указывал, давал бумаги и чернил и чинил мне перья. Так я и писать научился. Дедушка был сему рад, да и наставлял меня так: «Вот теперь тебе Бог открыл грамоту — будешь человеком, а потому благодари за сие Господа^а и чаще молись». И так мы ко всем службам ходили в церковь, да и дома очень часто маливались. Меня заставляли читать «Помилуй мя, Боже»¹²⁹, а дедушка с бабушкой клали поклоны или стояли на коленках.

§ 28. Наконец, мне уже стало семнадцать лет, и бабушка умерла. Дедушка стал говорить мне: «Вот у нас нет хозяйки в дому, а как без бабы? Старший брат твой замотался, я хочу тебя женить». Я отказывался, представляя свое увечье, но дедушка настоял, и меня женили, выбрали девку степенную и добрую, двадцати лет. Прошел год, и дедушка мой сделался при смерти болен. Призвавши меня, начал прощаться, да и говорит: «Вот тебе дом мой и все наследство. Живи по совести, никого не обманывай да молись больше всего Богу, все от Него! Ни на что не надейся, кроме Бога. Ходи в церковь, читай Библию да нас с^б старухой поминай. Вот тебе и денег тысяча рублей. Береги, попусту не трать, но и не будь скуп, нищим и церквам Божиим подавай». Так он умер, и я похоронил его... Брату стало завидно, что двор и имение отдано одному мне, он начал на меня злиться, и до того враг в сем помогал ему, что даже намеревался убить меня.

§ 29. Наконец вот что он сделал. Ночью, когда мы спали и постояльцев никого не было, он подломил чулан, где хранились деньги, вытащил их из сундука да и зажег чулан. Мы услышали уже тогда, когда вся изба и двор занялся огнем, и едва выскочили в окошко, в том только, в чем спали... Библия лежала у нас под головами, и мы ее выхватили с собой. Смотревши, как горел дом наш, мы между собою говорили: «Слава Богу, хоть Библия-то уцелела, хотя есть чем утешиться нам в горе!..» И так все имущество наше сгорело, и брат от нас ушел без вести. Уже после узнали,

^а Пант-141: Бога. Мух-293: Господа.

^б Пант-141: со.

когда он начал пьянствовать да хвалиться, что он и деньги унёс, и двор зажег. Остались мы и наги, и босы, совершенные нищие...

Кое-как в долг поставили маленькую хижину да и стали жить бо-былями. Жена моя была рукодельная: мастерица ткать, прясть, шить. Брала у людей работу, да и день и ночь трудилась, и меня кормила. Я же, по безрукости, даже и лаптей сплести не мог. Она, бывало, чтёт^а или прядёт, а я сижу около нее да читаю Библию. А она слушает, да иногда и заплачет. Когда я спрошу: «О чем же ты плачешь, ведь, слава Богу, живем?», — то она и ответит: «Мне то умирительно, что в Библии-то очень хорошо написано...» Также помнили и дедушкино приказание — молились часто. Каждое утро читали акафист Божией Матери, а на ночь клали оба по тысячи поклонов, чтобы не искушаться. И так жили мы спокойно два года. Но вот что удивительно, что хотя о внутренней молитве, творимой в сердце, и понятия мы не имели и никогда не слы-хивали, а молились просто только языком да без толку клали поклоны, как болваны кувыркались, а охота к молитве была. И долгая наружная и без понятия молитва не казалась трудною, но отправлялась с удоволь-ствием... Видно, правду мне сказал один учитель, что бывает тайная молитва внутри человека, о которой он и сам не знает, как она сама собою производится неведомо в душе да и возбуждает к молению, кто какое знает и как умеет!¹³⁰

§ 30. По прошествии двух лет таковой нашей жизни вдруг жена моя занемогла сильною горячкою и, причастившись, в девятый день сконча-лась. Остался^б один-одинёхонек. Делать ничего не мог, пришло ходить хоть по миру, а было совестно просить милостыню. К тому же такая напала на меня грусть по жене, что не знал куда деваться. Как, бывало, войду в свою хижину да увижу её одежду или какой-нибудь платчишко, так и взвою, да и упаду без памяти!

§ 31. И так не мог я далее переносить тоски своей, живши дома. А по-тому продал свою хижину за 20 рублей, какая была одежда моя и женина, всю роздал нищим. Мне дали по калечеству^с моему вечный увольнитель-ный пашпорт, и я немедленно взял свою любезную Библию да и пошел куда глаза глядят. Вышедши, подумал^д я: «Куда ж теперь идти? Пойду на первый раз в Киев, поклонюсь угодникам Божиим и попрошу их помощи в скорби моей...» Как скоро решился на сие, стало мне легко, и дошел я до Киева с отрадою. С тех пор вот уже 13 лет безостановоч-но странствую по разным местам, обходил многие церкви и монасты-ри, а теперь все уже больше скитаюсь по степям да по лесам. Не знаю,

^а *Пант-141* ошибочно: чтёт. *Мух-293*: плетет.

^б В *Пант-141* добавлено: я.

^с Исправлено, в *ркп* и *Пант-141*: колечеству.

^д *Пант-141*: думал.

благоволит ли Бог^а добраться до святого Иерусалима? Там пора бы, если будет воля Божия, уже и грешные кости похоронить.

— А сколько тебе от роду лет?

— Тридцать три года...

— Ну, любезный брат, достиг ты в меру возраста Христова^{131b}!

ЧЕТВЕРТОЕ СВИДАНИЕ^с

*Мне же еже прилеплятися Бого-
ви благо есть, полагати в Господе
упование спасения моего¹³² ...*

§ 32. — Справедлива русская пословица: «Человек предполагает, а Бог определяет». Я полагал, что нынешний день буду идти да идти по пути ко Святому Граду Иерусалиму, а вот вышло иначе. Совсем непредвиденный случай остановил меня и еще на три дня в сем же месте. И я не утерпел, чтобы не придти к Вам, дабы известить о сем и принять совет в решимости моей при сем случае, который совсем неожиданно встретился следующим образом.

Распростившись со всеми, я пошел, с помощью Божиею, в путь мой. И только хотел выдти за заставу, у ворот последнего дома увидел стоявшего знакомого мне человека, который некогда был такой же, как и я, странник и которого я года три не видал. Поздоровались. Он спросил, куда я иду. Я ответил:

— Хочется, если будет угодно Богу, в Старый Иерусалим...

— Слава Богу! — подхватил он. — Вот есть тебе здесь и хороший попутчик!

— Бог с тобой и с ним, — сказал я, — разве ты не знаешь, что по своему обычному моему нраву я никогда не хожу с товарищами, а привык странствовать всегда один?

— Да выслушай-ко! Я знаю, что этот попутчик будет тебе по нраву, и как тебе, так и ему с тобою будет хорошо. Вот видишь ли, отец хозяина этого дома, в котором я нанимаюсь работником, идет по обещанию тоже в Старый Иерусалим, и тебе с ним будет повадно. Он здешний мещанин, старик добрый, и притом совершенно глухой, так что как ни кричи, ничего не может слышать. Если о чем его спросить, то нужно написать ему на бумажке, и тогда ответит. И потому он не надоест тебе в пути, ничего говорить с тобою не будет, он и дома-то все больше молчит. А для него-то ты будешь необходим в дороге вот почему. Сын его дает ему лошадь и телегу до Одессы с тем, чтоб там ее продать. Хотя старик-то желает пешком идти, но для его поклажи и некоторых посылок ко Гробу Господню пойдет с ним и лошадь. Вот и ты свою сумку можешь

^а Пант-141: Господь.

^б В левом нижнем углу: 20 декабря 1859.

^с В Пант-141: Рассказ странника при четвертом свидании (неожиданном).

положить тут же... Теперь подумай: как же можно старого и глухого человека отпустить с лошастью одного в такой дальний путь? Искали-искали проводника, но все просят очень дорого, да и опасно отпустить его с неизвестным человеком, ибо при нем есть и деньги, и вещи... Согласись, брат! Право, будет хорошо! Решись, во славу Божию и для любви к ближнему! А я хозяев-то о тебе заверю, и они несказанно будут сему рады^а. Они люди добрые и меня очень любят, вот уже я нанимаюсь у них два года...

Поговоривши так у ворот, он привел меня в дом к хозяевам, и я, увидев, что должно быть это^б семейство честное, согласился на их предложение. Вот теперь и расположились мы на третий день праздника Рождества Христова, если благословит Бог, отслушавши Божественную Литургию, отправиться в путь... Вот какие нечаянные случаи встречаются на пути жизни! А все Бог и Его Святое Провидение правят делами и намерениями нашими, как и в Библии написано: «И еже хотети, и еже деяти — Божие есть»¹³³...

§ 33. — Сердечно радуюсь, любезнейший брат, что Господь устроил и еще, неожиданно, увидеть тебя чрез непродолжительное время! И как ты теперь свободен, то я с любовью продержу тебя подольше, а ты мне расскажешь побольше о своих поучительных встречах, бывших на твоём продолжительном странническом пути. Я все прежние твои рассказы с удовольствием и внимательностью слушал.

— Всего было много и доброго, и худого. Всё долго не расскажешь, да многое вышло уже и из памяти, ибо я старался в особенности помнить только то, что руководствовало и возбуждало ленивую душу мою к молитве, а все прочее редко воспоминал или, лучше сказать, и старался забывать прошедшее, по наставлению святого апостола Павла, который сказал: «Стремлюсь к почести вышнего, задняя забывая, к передним же простираясь»¹³⁴. Да и покойный блаженный мой старец говаривал, что препятствия сердечной молитве нападают с двух сторон, с шуией и с десной. То есть, если враг не успеет отвратить от молитвы суетными помыслами и греховными размышлениями, то возобновляет в памяти поучительные воспоминания или внушает прекрасные мысли, хотя^с чем-нибудь, да только бы отвлечь от молитвы, ему нетерпимой. И это называется десное крадение, при коем душа, презрев^д беседу с Богом, обращается к удовольственной беседе сама с собою или с тварями. А потому и учил меня, чтобы во время молитвы не принимать и самой прекрасной духовной мысли, да и по прошествии дня, если случится увидеть, что время проведено более в назидательном размышлении и беседе, нежели в существенной безвидной молитве сердца, то и сие

^а Испр., в ркп: ради.

^б Нет в Пант-141.

^с Пант-141: хоть.

^д Так в Пант-141, в ркп: призыв.

почитать неумеренностию или корыстолюбивою духовною жадностию, в особенности для новоначальных, коим необходимо, чтобы время, проводимое в молитве, преимущественно превозмогало бóльшим количеством пред тем временем, которое провождалось в занятии прочими делами благочестия. Но нельзя же и всего забыть! Иное само собою так глубоко врезалось в памяти, что, и долго не вспоминая о нем, живо памятно, как, например, одно благочестивейшее семейство, у которого Бог удостоил меня пробывать несколько дней по нижеследующему случаю.

§ 34. Странствуя по Тобольской губернии, случилось мне проходить чрез какой-то уездный город. Сухарей оставалось у меня очень мало, а потому я и вошел в один дом, чтоб выпросить хлеба на дорогу. Хозяин сказал мне: «Слава Богу! Ты пришел ко времени, только что сейчас жена моя вынула хлебы из печи, вот тебе теплая коврига, молись за нас Богу!» Я, поблагодаривши, стал укладывать хлеб в сумку, а хозяйка, увидя, сказала: «Какой мешок-то худой, весь истерся, я перемену тебе», — и дала мне хороший твердый мешок. От души поблагодарив их, я пошел далее. На выходе, в мелочной лавочке попросил немного соли, и лавочник насыпал мне небольшой мешочек. Радовался я духом и благодарил Бога, что Он указывает мне, недостойному, таковых добрых людей. Вот, думал я, теперь на неделю без заботы о пище, буду сыт и доволен. Благослови, душе моя, Господа!¹³⁵

Отошедши от сего города верст пять, увидел я на самой дороге небольшое село и небольшую деревянную церковь, но хорошо украшенную снаружи и расписанную. Проходя мимо, мне пожелалось воздать поклонение Храму Божию, и я, вошедши на паперть церковную, помолился. Сбоку церкви, на лужке, играли двое каких-то малюток, лет по пяти или шести. Я подумал, что это поповы дети, хотя они и были очень хорошо наряжены. И так, помолившись, пошел далее. Не успел отойти шагов десяти от церкви, как и услышал за собою крик: «Нищенкой! Нищенкой! Постой!», — это кричали и бежали ко мне виденные мною малютки, мальчик и девочка. Я остановился, они, подбежав, схватили меня за руки:

- Пойдем к маменьке, она нищих любит!
- Я не нищий, — говорю им, — а дорожный человек.
- А как же у тебя мешок-то?
- Это мой дорожный хлеб.
- Нет, пойдем непременно! Маменька даст тебе денег на дорогу.
- Да где же ваша маменька? — спросил я.
- Вот за церковью, за этой рощицей.

Они повели меня в прекрасный сад, посредине коего я увидел большой господский дом. Мы вошли в самые палаты. Какая там чистота и убранство! Вот и выбежала к нам барыня:

— Милости прошу! Милости прошу! Откуда тебя Бог послал к нам? Садись, садись, любезный! — сама сняла с меня сумку, положила на стол,

а меня посадила на мягкий стул. — Не хочешь ли покушать? Или чайку? И нет ли каких нужд у тебя?

— Всенижайше благодарю Вас, — отвечал я, — кушанья у меня целый мешок, а чай хотя и пью, но, по нашему мужицкому быту, привычки к нему не имею. Усердие Ваше и ласковое обхождение дороже для меня угощенья^а. Буду молить Бога, чтобы Он благословил Вас за таковое евангельское странничество.

Говоря это, я почувствовал сильное возбуждение к возвращению внутрь¹³⁶. Молитва закипела в сердце, и мне потребно стало успокоение и безмолвие, дабы дать простор сему самовозникшему пламени молитвы и чтобы сокрыть от людей наружные молитвенные признаки, как то: слезы, воздыхания и необыкновенные движения лица и уст. А потому я встал, да и говорю:

— Прошу прощения, матушка! Мне пора идти. Да будет Господь Иисус Христос с Вами и с любезными Вашими деточками...

— Ах, нет! Боже тебя сохрани уходить... Я не пущу тебя! Вот к вечеру муж мой приедет из города, он там служит по выборам судьей в уездном суде. Как он обрадуется, увидевши тебя. Он каждого странника почитает за посланника Божия, а если ты уйдешь, он очень опечалится, не увидевши тебя. А к тому же завтра — воскресенье. Ты помолишься с нами у обедни и, чем Бог послал, откушаешь^б вместе, а у нас каждый праздник бывает гостей человек до тридцати нищих Христовых братьев... Да что же ты ничего и не сказал мне про себя, откуда ты и куда путешествуешь? Поговори со мною, я люблю слушать духовные беседы людей богоугодных... Дети! Дети! Возьмите сумочку странника и отнесите в образную комнату, там и он будет ночевать.

Слушая сии слова ее, я удивлялся, да и подумал: «С человеком ли я беседую, или какое мне привидение...» И так я остался дожидаться барина. Рассказал вкратце мое путешествие и что иду в Иркутск.

— Вот и к статё^с, — сказала барыня. — Ты непременно пойдешь через^д Тобольск, а у меня там родная мать монахиней в женском монастыре, теперь уже и схимница. Мы дадим тебе письмо, она тебя примет. К ней многие приходят за духовными советами. Да вот также к статё^с, отнесешь ей книжку Иоанна Лествичника, которую мы выписали для нее из Москвы по ее приказанию¹³⁷. Как все это будет хорошо!

Наконец время приблизилось к обеду, и мы сели за стол. Пришли еще четыре барыни и стали с нами кушать. Окончивши первое кушанье, одна из пришедших барынь встала, сделала поклон к образу, а потом поклонилась нам, пошла и принесла другое кушанье и опять села. Потом

^а *Пант-141*: угощения.

^б *Пант-141*: откушаем.

^с *Так в ркп., в Пант-141*: стати.

^д *Пант-141*: чрез.

^е *Так в ркп., в Пант-141*: стати.

другая барыня так же пошла за третьим кушаньем. Я, видевши это, стал говорить хозяйке:

— Осмелюсь, матушка, спросить. Эти барыни-то родня Вам, что ли?

— Да, они мне сестры. Это — кухарка, это — кучерова жена, это — клюшница^а, а это — моя горничная. И все замужние, у меня во всем доме нет ни одной девушки...

Слыша и видя все сие, я еще в большее приходил удивление, благодарил Бога, указавшего мне таких богоугодных людей, и ощущал сильное действие молитвы в сердце, а потому, чтобы поскорее уединиться и не мешать молитве, вставши из-за стола, я сказал барыне:

— Вам нужно отдохнуть после обеда, а я, по привычке моей к ходьбе, пойду погуляю по саду.

— Нет, я не отдыхаю, — сказала барыня. — И я пойду с тобой в сад, а ты мне расскажешь что-нибудь поучительное. А если тебе идти одному, то дети не дадут тебе покоя. Они как скоро тебя увидят, то не отойдут от тебя ни на минуту, так они любят нищих Христовых братий и странников...

Нечего мне было делать! И мы пошли. Вошедши в сад, чтобы удобнее мне было сохранять безмолвие и не говорить, я поклонился барыне в ноги да и сказал:

— Прошу Вас, матушка, во Имя Божие скажите мне, давно ли Вы провождаете такую богоугодную жизнь и каким образом достигли сего благочестия?

— Пожалуй, я тебе все расскажу! Вот видишь, мать моя — правнучка святителю Иоасафу, которого мощи на вскрытии почивают в Белгороде. У нас был большой дом в городе, во флигеле коего нанимал небогатый дворянин. Наконец он умер, а жена его осталась беременною, родила и сама умерла после родов. Рожденный остался круглым бедным сиротою. Моя маменька из жалости взяла его к себе на воспитание. Через год родилась и я. Мы вместе росли и вместе учились у одних учителей и учительниц, и так свыклись, как будто родные брат с сестрой. По некотором времени скончался и мой родитель, а матушка, оставя городскую жизнь, переехала с нами вот в это свое село на житье. Когда мы пришли в возраст, маменька выдала меня за сего своего воспитанника, отдала нам это свое село, а сама, построив себе кельи^б, определилась в монастырь. Она, давши нам свое родительское благословение, сделала такое приказание, чтоб мы жили по-христиански, молились бы усердно Богу и более всего старались бы исполнять главнейшую заповедь Божию, то есть любовь к ближним, питали бы и помогали нищим Христовым братьям в простоте и смирении, детей воспитывали бы в страхе Божиим и с рабами обходились бы как с братьями. Вот мы так и живем здесь уединенно^с уже

^а Так в ркп. и в Пант-141.

^б В Пант-141: келью. Мух-293: келии.

^с Слово пропущено и написано над строкой, в Пант-141 — в основном тексте.

десять лет, стараясь, сколько возможно, исполнять приказание нашей матушки. У нас есть и нищеприемница, в которой и теперь живут более десяти человек увечных и больных. Пожалуй, завтра сходим и к ним...

По окончании сего рассказа я спросил:

— Где же та книжка Иоанна Лествичника, которую Вы желаете отослать к Вашей родительнице?

— Пойдем в комнаты, я найду ее тебе...

Только что мы уселись читать, приехал и барин. Увидевши меня, любезно обнял, и мы братски по-христиански расцеловались. Повел в свою комнату, да и говорит:

— Пойдем, любезнейший брат, в мой кабинет, благослови мою келью! Я думаю, она — указал на барыню, — тебе надоела? Она как увидит странника, или странницу, или какого больного, то рада и день и ночь не отходить от них. Во всем ее роде исстари такое обыкновение...

Мы вошли в кабинет. Какое множество книг, какие прекрасные иконы! Животворящий Крест во весь рост и при нем поставлено Евангелие. Я помолился, да и говорю:

— У Вас, батюшка, здесь рай Божий. Вот Сам Господь Иисус Христос, Пречистая Его Матерь и святые Его угодники. А это — указывая на книги, — их божественные, живые и неумолкаемые слова и наставления. Я думаю, Вы часто наслаждаетесь небесною беседою с ними?..

— Да, признаюсь, — ответил барин, — я охотник читать.

— Какие же у Вас здесь книги? — спросил я.

— У меня много и духовных, — отвечал барин. — Вот целый годовой круг Четьи-миней, сочинения Иоанна Златоустого, Василия Великого, много книг богословских и философских, а также много и проповедей новейших^a знаменитых проповедников. Библиотека моя стоит мне тысяч пять рублей.

— Нет ли у Вас, — спросил я, — какого-либо писателя о молитве? Я очень люблю о молитве читать.

— Есть самая новейшая книжка о молитве, сочинение одного петербургского священника.

Барин достал «Толкование молитвы Господней “Отче наш”» и мы с удовольствием начали читать ее. Немного погодя пришла к нам и барыня, принесла чаю, а малютки притащили целое лукошечко, все серебряное, каких-то сухих словно пирожков, каковых я и от роду не кушивал. Барин взял у меня книжку, подал барыне, да и говорит: «Вот мы ее поставим читать, она прекрасно читает, а сами подкрепимся».

Барыня начала читать, а мы стали слушать. Я, слушая чтение, внимал и производившейся молитве внутрь моего сердца. Что дальше шло чтение, то молитва развивалась более и меня услаждала. Вдруг я увидел, что быстро промелькнул пред глазами моими словно по воздуху как будто мой покойный старец. Я встрепенулся, да чтобы скрыть это и сказал:

^a Так и в Мух-293; в Пант-141 добавлено: и.

«Простите, вздремнул маленько!..» Тут я почувствовал, что как бы дух старца проник мой дух или засветил его. Я ощутил какой-то свет в разуме и множество мыслей о молитве. Только что перекрестился и хотел отгонять сии мысли, барыня прочла всю книжку, а барин спрашивает, понравилось ли мне это сочинение? И началась у нас беседа.

— Очень нравится, — ответил я. — Да и молитва Господня «Отче наш» есть выше и драгоценнее всех написанных молитв, какие мы, христиане, имеем, ибо ее сочинил и преподал Сам Господь Иисус Христос. И прочтенное толкование оной — очень хорошо, только все направлено большею частию к деятельности христианской, а мне случалось читать у святых отцов и умозрительное, таинственное изъяснение оной.

— В каких же отцах ты читывал?

— Да вот, например, у Максима Исповедника¹³⁸ да в Добротолюбии у Петра Дамаскина¹³⁹.

— Пожалоста, не припомнишь ли что, скажи нам!

— Извольте. Первое прошение, «Отче наш, Иже еси на небесех», в прочтенной книжке толкуется, что под сими словами должно разуметь внушение братской любви к ближним как детям единого Отца¹⁴⁰. Это очень справедливо, но у святых отцов и еще далее и духовнее сие разъясняется. Именно, они говорят, что в сем изречении должно возводить ум на небо, к небесному Отцу, и воспоминать обязанность нашу ежеминутно поставлять себя в присутствие Божие и ходить пред Богом¹⁴¹. «Да святится Имя Твое» объясняют тщанием, дабы не произносить Имя Божие без благоговения или в несправедливой клятве; словом, чтобы Святое Имя Божие и произносить свято, и не употреблять Его всуе. А таинственные толкователи видят здесь прямо прошение о внутренней сердечной молитве, то есть чтобы Святейшее Имя Божие напечатлевалось внутрь сердца и самодействующею молитвою свяtilось и освящало все чувства и силы душевные. «Да приидет» в сердца наши «Царствие» Его, то есть внутренний мир, спокойствие и радость духовная¹⁴². Также хорошо растолковано и то, что под словами «Хлеб наш насущный даждь нам днесь» должно разуметь прошение о потребностях, необходимых для чувственной жизни, не излишних, но токмо нужных и для помощи ближним достаточных. А Максим Исповедник под именем насущного хлеба разумеет питание души и хлеб небесный¹⁴³, то есть рачение о чтении Слова Божия, Святое Причащение Телу и Крови Христовой, соединение души с Богом, богомыслие и непрестанную внутреннюю молитву сердца...

— Ах! Это великое дело и почти невозможное для жителей мира, чтобы достигнуть внутренней молитвы! — воскликнул барин. — Хотя бы и наружную-то помог Господь отправлять без лености...

— Не думайте, батюшка, так. Если бы сие было невозможно и непреодолимо трудно, то Бог бы сего и не заповедал всем. Сила Его совершается и в немощи¹⁴⁴... А опытные святые отцы предлагают к сему способы, облегчающие путь к достижению сердечной молитвы. Конечно,

для отшельников мира они указывают средства особенные и высшие, но и для мирян также предписывают удобные же и верно ведущие к достижению внутренней молитвы.

— Нигде мне не случилось читать о сем подробно, — сказал барин.

— Извольте, если угодно, я прочту Вам в книге Добротолюбия.

Я принес мое Добротолюбие, отыскал статью Петра Дамаскина в 3<-й> части, на листе 48-м и начал читать следующее: «Должно поучаться призыванию Имени Божия более, нежели дышанию^а, во всяком времени, и месте, и деле. Апостол говорит: “Непрестанно молитесь”, — то есть он учит, чтобы иметь памятование о Боге во всякое время, на каждом месте и при всякой вещи. Если ты что-нибудь делаешь, должен иметь в памяти Творца вещей. Если видишь свет, помни Даровавшего тебе оный. Если видишь небо, землю, море и все находящееся на них, удивляйся и прославляй Создавшего оныя. Если надеваешь на себя одежду, вспомни, чей это дар и благодари Промышляющего о твоей жизни. Кратко сказать, всякое движение да будет тебе причиною к памятованию и прославлению Бога. И вот ты непрестанно молишься! От сего всегда будет радоваться душа твоя!»¹⁴⁵.

— Вот, извольте видеть, как сей способ к непрестанной молитве удобен, легок и доступен для каждого, кто только имеет сколько-нибудь человеческих чувств!

Это им чрезвычайно понравилось. Барин с восхищением обнял меня, благодарил, смотрел мое Добротолюбие, да и говорит:

— Непременно куплю себе такую книгу, я ее скоро достану из Петербурга. А сейчас, для памяти, я спишу эту статейку, которую ты прочел, сказывай мне, — и тут же он скоро, прекрасно переписал ее.

Потом он воскликнул: «Боже мой! Ведь у меня есть и икона святого Дамаскина¹⁴⁶!», взял рамку, вставил под стекло написанный лист да и повесил под иконою, сказав: «Вот, живое слово угодника Божия под его изображением будет часто напоминать мне, чтобы оправдывать сей спасительный совет его в деятельности...»

После сего мы пошли ужинать. За столом по прежнему сидели с нами и все люди¹⁴⁷, мужчины и женщины. Какое было благоговейное молчание и тишина во время стола! Поужинавши, мы, все люди и дети долго молились. Меня заставили читать акафист Иисусу Сладчайшему. По окончании служители их пошли на покой, а мы втроем остались в комнате. Вот барыня принесла мне белую рубашку^б и чулки. Я поклонился ей в ноги, да и говорю:

— Не возьму я, матушка, чулков. Я их отроду не нашивал, мы привыкли ходить всегда в онучах...

Она побежала опять и принесла свой старый кафтан, тонкого желтого сукна, да и разрежала на две онучи, а барин, сказавши: «Вот у него,

^а Так в Памт-141, в ркп: дыхание.

^б Далее в ркп зачеркнуто слово.

бедного, и опорочки-то почти развалились», — принес новые свои башмаки, большие, которые он сверху сапогов надевает. Потом и говорит мне: «Поди вон в эту комнату, там никого нет, да перемени с себя белье». Я пошел, переделся и опять вышел к ним. Они посадили меня на стул и начали обувать. Барин стал обвертывать онучами мне ноги, а барыня начала надевать башмаки. Я сперва не стал было даваться, но они приказали мне сидеть и говорили: «Сиди и молчи. Христос умывал ноги ученикам...» Мне нечего было делать, и я начал плакать... Заплакали и они...

После сего барыня осталась в покоях ночевать с детьми, а мы с барином пошли спать в сад, в беседку. Долго нам не спалось, мы лежали да и поговаривали с барином. Вот он и начал приступать ко мне:

— Скажи, Бога ради, по самой истине и по совести, кто ты такой? Ты, должно быть, из хорошего рода и только напускаешь на себя юродство... Ты читаешь и пишешь хорошо, и правильно говоришь и рассуждаешь. Этого не может быть в мужицком воспитании.

— Я по сущей правде и чистосердечно рассказывал как Вам, так и Вашей барыне мое происхождение, и никогда не думал лгать или обманывать вас, да и для чего мне это? А что я говорю, то говорю не свое, а слышанное от покойного богомудрого старца моего да вычитанное со вниманием в святых отцах. А более всего дает свет моему невежеству внутренняя молитва, которую тоже не сам я приобрел, а милость Божия да старческое учение поселили ее в мое сердце. Ведь это возможно каждому человеку, стоит только побезмолвнее углубиться в свое сердце да побольше призывать просвещающее Имя Иисуса Христа, то сейчас же каждый почувствует внутренний свет и ему будет все понятно, даже и некоторые тайны Царствия Божия он увидит в свете сем. Да уже и эта глубокая просветительная тайна, когда человек узнает сию способность самоуглубляться, видеть себя внутри, наслаждаться самосознанием, умиляться и сладостно плакать о своем падении и испорченной воле. Благоразумно рассуждать и хорошо говорить с людьми — дело не очень трудное и возможное, ибо ум и сердце произошли прежде, нежели ученость и премудрость человеческая. Коли есть ум, то можно его обработать, наукою ли или опытностию, а если нет разума, то никакое мудрое учение, никакое воспитание не поможет. В том-то и дело, что мы далеки от самих себя, да и мало желаем, чтобы приблизиться к себе, все убегаем, чтобы не встретиться самим с собою, и промениваем истину на безделушки, да и думаем: рад бы заняться духовным делом или молитвою, да некогда, хлопоты и заботы о жизни не дают времени к сему занятию... А что важнее и нужнее? Спасительная, вечная жизнь души или скоропреходящая жизнь тела, о котором мы так много стараемся, более, нежели скоты о тленной пище? Вот это-то, что я сказал, и приводит людей или к благоразумию, или к глупости...

§ 35. — Прости меня, любезный брат, — сказал барин, — я спросил тебя не из одного токмо любопытства, но из добродушия и христианского участия в тебе. Да еще и потому, что года два тому назад я видел пример, из которого составиля вопрос мой и к тебе. Вот видишь, пришел к нам один нищий с пашпортом отставного солдата, старый, дряхлый и так беден, что почти и наг, и бос. Говорил мало и так просто, как бы степной мужик. Мы взяли его в нищеприемницу. Ден чрез пять он сильно захворал, а потому мы и перенесли его вот в эту беседку, успокоили и начали сами с женою ходить за ним и лечить его. Наконец он стал уже видимо приближаться к смерти. Мы исповедывали, приобщили и особоровали его, позвавши нашего священника. Накануне своей смерти он встал, потребовал у меня лист бумаги и перо, попросил, чтоб я запер двери и никого бы не впускал, пока напишет он завещание сыну своему, которое и просил переслать после смерти его в Петербург по адресу. Изумился я, когда увидел, как он писал: не только прекрасным, самым образованным почерком, но и сочинение его было превосходно, правильно и очень нежно (вот я завтра^a прочту тебе это его завещание, я имею у себя копию). Все это, приведя меня в удивление, возбудило любопытство спросить его о его происхождении и жизни. Он, обязав меня клятвою не открывать сего никому прежде его смерти, прекрасно, во Славу Божию, рассказал мне свою жизнь:

«Я был Князь N., имевший очень богатое состояние и провождавший самую пышную, роскошную и рассеянную жизнь. Жена моя умерла, и я жил с сыном моим, щастливо служившим майором в гвардии. Однажды, собираясь ехать на бал к одной важной персоне, я был сильно рассержен моим камердинером. Не утерпевши моего азарта, я жестоко ударил его в голову и приказал сослать его в деревню. Это было вечером, а на другой день утром камердинер умер от воспаления в голове... Но сие с рук сошло, и я, пожалевши о моей неосторожности, вскоре и забыл об этом...

Вот проходит шесть недель, и оный умерший камердинер начал являться мне прежде во сне, каждую ночь беспокоить и укорять меня, беспрестанно повторяя: “Бессовестный! Ты мой убийца!”. Потом я начал видеть его и наяву, в бодрствовании. Чем дальше, тем чаще начал он мне являться, а потом почти беспрестанно меня беспокоил. Наконец, вместе с ним я начал видеть и других умерших^b мужчин, коих я жестоко оскорблял, и женщин, коих соблазнил. Все они беспрерывно укоряли и не давали мне покоя до того, что я не мог ни спать, ни есть, ни чем-либо заниматься. Совершенно истощился в силах, и кожа моя прильпнула к костям моим¹⁴⁸. Все старание искусных врачей нисколько не помогало. Я поехал лечиться в чужие края и, пролечась там полгода, нисколько не получил облегчения, и мучительные видения все жесточае

^a Пропущено и написано над строкой, в Пант-141 — в основном тексте.

^b Пропущено и написано над строкой, в Пант-141 — в основном тексте.

умножались. Меня привезли оттуда едва живого, и я испытывал в полной мере ужасы адских мучений душе, прежде еще отделения ее от тела. Уверился и узнал, что значит ад.

Будучи в мучительном состоянии, я сознал мои беззакония, раскаялся, исповедался, дал свободу всем при мне служившим людям и заклинул себя на всю жизнь — мучить себя всякими трудами и сокрыться в нищенском образе, дабы за беззакония мои быть последним служителем людей самого низкого класса. Лишь только с твердостью я на сие решился, тут же и кончились беспокоившие видения. Я почувствовал такую отраду и сладость от примирения с Богом, что не могу вполне сего изобразить...

Вот здесь я также опытно узнал, что значит рай и каким образом разверзается Царствие Божие внутри сердец наших¹⁴⁹. Вскоре я совершенно выздоровел^а, исполнил мои намерения и с пашпортом отставного солдата тайно ушел из моей родины. И вот уже 15 лет как я скитаюсь по всей Сибири. Иногда нанимался у мужиков в посильные работы, иногда Христовым Именем прокармливал себя. Ах! При всех сих лишениях, какое я вкушал блаженство, щастие и спокойствие совести! Это вполне может чувствовать только тот, кто из мучительного ада милосердием Ходатая переведен в рай Божий!»

Рассказавши сие, он вручил мне свое завещание для отправки к его сыну и на другой день скончался.

— Да вот и список с сего завещания у меня теперь в сумке положен в моей Библии, если угодно Вам прочесть, то я сейчас его достану... Вот, извольте!

Чтение Завещания

Во Имя Бога в Троице прославляемого, Отца и Сына и Святого Духа.
Любезнейший сын мой!

Уже 15 лет, как ты не видишь твоего отца. Но он, в безвестности своей изредка уведомляясь о тебе, питал к тебе отеческую любовь, которая заставляет послать к тебе предсмертные черты сии. Да будут они тебе уроком в жизни!

Тебе известно, как я страдал за мою неосторожность и невнимательную жизнь. Но ты не знаешь, как я блаженствовал в безвестном моем странничестве, наслаждаясь плодами покаяния...

Я спокойно умираю у моего доброго и вместе у твоего благодетеля, ибо благодеяния, излитые на отца, должны касаться чувствительного сердца признательного сына. Воздай ему благодарность мою, чем можешь...

Оставляя тебе родительское мое благословение, заклинаю тебя помнить Бога, хранить совесть, быть осторожным, добрым и рассудительным. Обращаться с подчиненными людьми как можно благосклоннее

^а Так и в Мух-293; в Пант-141 добавлено: и.

и любезнее. Не презирать нищих и странных, помня, что и умирающий отец твой в нищенстве и странничестве токмо обрел спокойствие и мир мучившейся душе своей.

Призывая на тебя благодать Божию, я спокойно закрываю глаза мои в уповании жизни вечной по милосердию Ходатая человеков Господа Иисуса Христа.

Отец твой N.

Так мы с добрым барином лежали да и поговаривали. Вот я и спросил его:

— Думаю, батюшка, Вам не без хлопот и не без беспокойства^a с странноприемницей? Ведь так же много нашей братии, странников, ходят от нечего делать или по лености к делу, да еще и шалят по^b дороге, как мне случалось видеть...

— Не много таких случаев было, все больше попадали истинные странники, — ответил барин. — Да мы еще более ласкаем и удерживаем у себя пожить таких шалунов. Они, поживши между добрыми нашими нищими Христовыми братьями, часто исправляются и выходят из нищеприемницы смиренными и кроткими людьми. Вот недавно был сему пример. Один здешний городской мещанин до того развратился, что решительно все гоняли его палками от своих ворот и никто ему не подавал даже и куска хлеба. Он был пьяный, буйный и драчливый человек, да еще и воровал. В таком виде и голодный пришел он к нам. Просил хлеба и вина, до коего он был чрезвычайный охотник. Мы, ласково принявши его, сказали: «Живи у нас, мы будем давать тебе вина сколько хочешь, но только с тем уговором, чтобы ты, напившись, сейчас же ложился бы спать. Если же хотя мало забунтуешь и заколобродишь, то не только прогоним тебя и никогда не примем, но даже я сделаю отношение исправнику или городничему, чтоб сослать тебя на поселенье как подозрительного бродягу». Согласившись на сие, он у нас остался. С неделю или более действительно пил много, сколько хотел. Но всегда, по обещанию своему и по приверженности к вину (чтоб его не лишиться), ложился спать или выходил на огород, лежал там и молчал. Когда он отрезвлялся, братья нищеприемницы уговаривали его и давали советы, чтобы воздерживаться, хотя сначала понемногу. И так он постепенно стал пить меньше и меньше. И наконец, месяца через^c три сделался воздержным человеком, и теперь где-то нанимается и не ест туне чужой хлеб... Вот третьего дня он приходил ко мне с благодарностью.

— Какая мудрость, по руководству любви совершаемая, — подумал я да и воскликнул: — Благословен Бог, являющий милость Свою во ограде ограждения Вашего!..

^a В *Пант-141* ошибочно: покойства.

^b *Пант-141*: на. *Мух-293*: по.

^c *Пант-141*: чрез.

И так, после сих бесед мы с барином заснули с час или с полтора. Услышали благовест к заутрени, собрались и пошли. И только что вошли в церковь, а уже барыня давно тут и есть, и с своими деточками. Отслушавши утреню, началась вскоре и Божественная Литургия. Мы с барином да с одним малюткой стали в алтаре, а барыня с маленькою барышней — у алтарного окна, чтобы видеть возношение Святых Даров. Боже мой! Как они молились на коленях и заливались радостными слезами! Какие просветленные сделались у них лица, так что и я, на них глядя, досыта наплакался...

По окончании службы господя, священник, слуги и все нищие пошли вместе к обеденному столу, а нищих-то было человек до сорока. Тут и увечные, и с больными лицами, и робяты — все сели за один стол. Какая была тишина и молчание! Я, принявши дерзновение, легонько сказал барину:

— Вот, я видал, в обителях читают жития святых во время трапезы. Вот бы так и Вам, а у Вас есть весь круг Четьи-миней!

Барин, обратившись к барыне, говорит:

— В самом деле, Маша, заведем-ко такой порядок! Это будет преназидательно. Вот в первый обед буду читать я, потом ты, а там батюшка, а впоследствии братья по очереди, кто умеет...

Священник, кушая, стал говорить:

— Слушать я люблю, а уж читать — покорный слуга! У меня ни сколько нет свободного времени: как прибежишь домой, то не знаешь, как поворачиваться. Все хлопоты да забота, все надо, да все надо: робят куча, да и скота вволю, целый день в суете, уже не до чтения или поучения!.. Что и в семинарии-то выучили, так и то давно уже забыли...

Услышавши это, я содрогнулся. А барыня, сидя возле меня, как схватит меня за руку, да и начала говорить:

— Батюшка это говорит по смирению, он всегда так себя унижает. А он — предобрейший, и богоугодной жизни. Вот уже 20 лет вдовствует и воспитывает целую семью внучат, а притом и часто служит...

При сих словах мне пришло на ум следующее изречение Никиты Стифата в Добротолюбии: «По внутреннему настроению души изменяется естество вещей»¹⁵⁰, — то есть кто каков сам, тот так и о других заключает. И далее говорит он же: «Кто достиг истинной молитвы и любви, тот не имеет различения вещей, не различает праведного от грешного, но всех равно любит и не осуждает, как и Бог сияет солнце и дождит на праведных и неправедных»¹⁵¹.

Началось опять молчание... Против меня сидел совершенно слепой нищий из нищеприемницы. Барин кормил его, разрезывал рыбу, подавал ложку, наливал ему похлебку. Пристально смотревши, я заметил, что у сего нищего всё рот открыт, а язык беспрестанно шевелится и как бы трепещется. Я подумал: не молитвенник ли он? И стал примечать больше.

При самом окончании обеда одной старухе сделалось дурно, она крепко захворала и застонала. Барин с барыней отвели ее в свою

спальню и положили на постель. Барыня осталась ходить за ней, священник, на случай, пошел за запасными Святыми Дарами, а барин приказал запрячь карету и поскакал за доктором в город. Все разошлись, я — чтобы поговорить со слепым нищим, а более и потому, что чувствовал молитвенный как бы глад: была сильная потребность молитвенных излияний, а уединения и молчания уже другие сутки не было. Я чувствовал в сердце как будто какое-то наводнение, которое стремилось прорваться и излиться во все члены, но как я сие передерживал, то и сделалась сильная боль в сердце, впрочем, какая-то отрадная, требующая безмолвного успокоения и насыщения молитвою. Здесь мне открылось, почему истинные делатели самодействовавшей в них молитвы убегали от людей и сокрывали себя в безвестности. Также я понял, почему преподобный Исихий и самую духовную и полезную беседу, но неумеренную, называет празднословием¹⁵², как и святой Ефрем Сирий говорит: «Добрая речь подобна серебру, а молчание — чистое золото»¹⁵³. На основании всего этого я пошел в нищеприемницу.

Там все после обеда отдыхали. Я залез на чердак, успокоился, отдохнул, помолился... Когда встали нищие, я нашел слепого, вывел его на огород, мы уединенно сели да и начали беседовать:

§ 36. — Скажи, Бога ради, на пользу душевную, ты творишь Иисусову молитву?

— Я давно уже так беспрестанно её творю.

— Что же ты от сего чувствуешь?

— То только, что не могу ни день, ни ночь быть без молитвы.

— Каким образом Бог открыл тебе это занятие, Расскажи мне, любезный брат, подробно!

— Вот видишь, я здешний цеховой, промышлял себе хлеб портняжной работой, ходил и по другим губерниям^a по деревням, да шил крестьянскую одежду. В одной деревне случилось мне долго прожить у мужика для обшивки его семьи. В какой-то праздничный день я увидел на божнице три книги, да и спрашиваю: «Кто у вас читает?» «Никто, — ответили мне. — Эти книги после нашего дяди. Он был грамотей». Я, взявши одну книгу, разогнул где попало да и прочел, как теперь помню, таковые слова: «Молитва непрестанная есть, еже призывати Имя Божие всегда. Беседует ли кто, или сидит, или ходит, или делает, или ест, или ино что творит, на всяком месте и на всякое время подобает призывать Имя Божие»¹⁵⁴.

Прочитавши это, я стал думать, что мне сие весьма удобно, да и стал за швейной моей работой творить молитву шепотом, и мне это понравилось. Вот жившие со мной в избе заметили это, да и начали надо мною смеяться: «Колдун, что ли, ты, что все беспрестанно шепчешь? Или что наговариваешь?» Я, чтобы сокрыть это, перестал шевелить

^a Так в Панти-141, в рпк: гурениям.

губами, а стал только творить молитву одним языком. Наконец так привык к молитве, что уже сам язык и день и ночь ее выговаривает, и это мне приятно. Долго я так ходил, потом вдруг ослеп совершенно — у нас в роду почти у всех бывает темная вода в глазах¹⁵⁵. Вот наше общество, по бедности моей, и определило меня в богадельню, которая находится в нашем губернском городе Тобольске. Я теперь туда и отправляюсь, а господа-то^a остановили меня для того, что хотят дать мне подводу до Тобольска.

— Да как называлась та книга, которую ты читал, не Добротолюбие ли?

— Право, не знаю, я и не посмотрел заглавного-то листа.

Я принес мое Добротолюбие, отыскал в 4<-й> части у Каллиста Патриарха те слова, которые сказал он мне на память, да и начал ему читать¹⁵⁶.

— Вот оно самое! — закричал слепой. — Читай-ко, брат, как это очень хорошо...

Когда я дошел до той строки, где сказано: «Подобает молиться сердцем»¹⁵⁷, — он начал приступать ко мне: что это значит? и как это делает-ся? Я сказал ему, что все учение сердечной молитве подробно изложено в сей же книге — в Добротолюбии. И он с усердием просил меня все прочесть ему.

— Вот мы как сделаем, — сказал я. — Ты когда намерен отправиться в Тобольск?

— Да хоть сейчас, — ответил он.

— Так вот что, завтра и я думаю идти в путь. Мы и пойдем с тобой вместе, и я тебе все прочту, что относится до сердечной молитвы, и укажу способ, как отыскивать место сердечное и входить в него.

— Да как же подвода-то? — спросил он.

— Э, что тебе за подвода, будто невесть сколько до Тобольска, только полтора верст. Дойдем потихоньку, а двоим, в уединении-то, знаешь как хорошо идти, да и беседовать и читать о молитве-то удобнее.

Так мы и согласились. По вечеру сам барин пришел всех нас звать ужинать. После ужина мы объявили, что со слепым отправляемся в путь и что не нужно нам подводы потому, чтобы удобнее читать Добротолюбие. При сем барин начал говорить:

— И мне очень понравилось Добротолюбие. Я уже написал письмо и приготовил деньги, чтобы завтра, как поеду в суд, отослать в Петербург, чтобы с первою же почтою мне выслали Добротолюбие.

И так наутро мы отправились в путь, много благодаривши сих господ за примерную их любовь и милосердие, и они оба с версту нас проводили от своего жилища. И так мы распростились.

Пошли мы со слепым. Да и шли понемногу и помалу — верст по десяти и по пятнадцати в день, а все остальное время просиживали

^a Так и в Мух-293; в Пант-141 добавлено: и.

в уединенных лесах да^а читали Добротолюбие. Я все прочол ему о сердечной молитве по тому порядку, который указал мне покойный мой старец, то есть начав с книги Никифора монашествующего, Григория Синаита и так далее. С какою жадностью и внимательностью он все сие слушал! И как все это ему нравилось и наслаждало его! Потом он начал делать мне такие вопросы о молитве, что и ума моего не хватало решить их...

По прочтении Добротолюбия он начал усердно просить меня, чтоб деятельно показать ему способ, каким образом найти умом сердце, и как вводить в него Божественное Имя Иисуса Христа, и как со сладостью внутренне молиться сердцем. Я и начал ему рассказывать:

— Вот ты ничего не видишь, а ведь можешь умом вообразить и представить себе то, что ты прежде видал, то есть человека, или какую-нибудь вещь, или свой какой-нибудь член, например, руку или ногу. Можешь так живо вообразить, как бы на него смотрел, и можешь навести и устремить на него, хотя и слепые, свои глаза?

— Могу, — ответил слепой.

— Ну, так ты точно так же вообрази свое сердце, наведи свои глаза, как бы смотрел на него сквозь грудь, и как можно живее представь его. А ушами-то внимательно слушай, как оно бьется и ударяет раз за разом. Это называется у святых отцов «сводить ум из головы в сердце». Когда к сему приспособишься, то и начинай к каждому удару сердца, смотря в него, принаровлять^б молитвенные слова таким образом: с первым ударом скажи или подумай: «Господи»; со вторым — «Иисусе»; с третьим — «Христе»; с четвертым — «помилуй»; и с пятым — «мя». И повторяй сие многократно, тебе это удобно, ибо начало и подготовка к сердечной молитве у тебя уже есть. Потом, как к сему попривыкнешь, то начинай вводить и изводить всю Иисусову молитву в сердце вместе с дыханием, как учат отцы, то есть, втягивая в себя воздух, скажи или вообрази: «Господи Иисусе Христе», а испуская из себя — «помилуй мя!» Занимайся сим почаще и побольше, и ты в скором времени почувствуешь тонкую, приятную боль в сердце, потом будет являться в нем теплота и растеплевание. И так при помощи Божией и достигнешь самодействия улаждающей внутренней молитвы сердца. Только при сем всемерно остерегайся от представлений в уме и являющихся каких-либо видов, не принимай вовсе никаких воображений, ибо святые отцы крепко заповедуют при внутренней молитве сохранять «безвидие», дабы не попасть в прелесть.

Слепой, выслушавши все это со вниманием, начал с усердием действовать по показанному способу, и по ночам, когда мы останавливались^с на ночлегах, он преимущественно сим занимался подолгу. Ден через

^а Так и в Мух-293; в Пант-141 добавлено: и.

^б Испр. в ркп: принаровлять, в Пант-141: принаровливать. Мух-293: принаровлять.

^с Пант-141: останавливались.

пять он начал чувствовать сильную теплоту и несказанную приятность в сердце, а притом и великую охоту беспрестанно заниматься сею молитвою, которая и открывала в нем любовь ко Иисусу Христу. Наконец, по временам он начал видеть свет, хотя никаких предметов и вещей не замечал в оном. Потом представлялось ему, когда он входил в сердце, что как бы сильный пламень зажженной свечи вспыхивал сладостно внутри сердца и, выбрасываясь чрез горло наружу, освещал его, и он при сем пламени мог видеть даже и отдаленные вещи, как и случилось однажды.

Шли мы лесом, и он с молчанием углублен был весь в молитву. Вдруг он сказал мне: «Какой пожар в городе! Посмотри-ко, как жалко! Горит уже и церковь... Вот упала и колокольня...» Я сказал ему: «Перестань воображать пустое! Это тебе искушение, надо все мечты скорее отвергать. Как можно видеть, что делается в городе? Мы от него еще за 12 верст». Он послушался, продолжал молиться и замолчал. К вечеру пришли мы в город. Я действительно увидел несколько сгоревших домов и упавшую колокольню (которая построена была на деревянных связях) и людей, толпящихся около и удивляющихся, как упавшая колокольня никого не задавила. По соображению моему все это несчастие произошло в то самое время, когда говорил мне о сем слепой. Вот он и начал мне говорить:

— Ты сказал, что видение-то мое было пустое, а вот так и есть... Как не благодарить и как не любить Господа Иисуса Христа, который открывает благодать Свою и грешникам, и слепцам неразумным! Благодарю и тебя, что ты меня научил сердечному действию...

— Иисуса Христа любить — люби, и благодарить — благодари, ибо благодать Его везде, как в чистом, так и в греховном сердце. «Никтоже может рещи Имени Господа Иисуса Христа^а, токмо Духом Святым¹⁵⁸», — говорит слово Божие, а потому кто бы ни произнес и как бы ни произнес Имя Божие, а благодать Духа Святого все уже есть в нем. Но принимать разные гадательные видения не должно за непосредственные откровения благодати, ибо сие часто может случаться и естественно, по порядку вещей... Душа человеческая беспредельна, она может видеть и во тьме, и весьма отдаленное как вблизи происходящее. Только мы не даем силы и ходу сей способности душевной и подавляем ее или узами одевшего нашего тела, или запутанностию наших мыслей и рассеянных помыслов. А когда мы сосредоточиваемся в самих себе, отвлекаемся от всего окрестного и утончаемся в уме, тогда душа входит в свое назначение и действует в высшем^б степени. Итак, это дело естественное. Я слышал от покойного моего старца, что и немолитвенные люди, а или способные к тому, или болезненные, в самой темной комнате видят свет, как он исходит от всех вещей, различают предметы, ощущают

^а Нет в Пант-141.

^б Пант-141: высшей.

своего двойника и проникают в мысли другого¹⁵⁹. А что при сердечной молитве происходит прямо от благодати Божией, то так насладительно, что никакой язык изречи не может и ни к чему вещественному применить и ничему уподобить нельзя. Все — чувственно низко в сравнении с сладостными ощущениями благодати в сердце...

Мой слепой внял сему с усердием и еще более стал смиренным. Молитва в сердце его развивалась все более и более, и несказанно его улаждала. Я радовался сему от всей души и усердно благодарил Бога, что Он сподобил меня видеть такого благословенного раба Своего¹⁶⁰.

Наконец дошли мы до Тобольска, я привел его в богадельню, оставил там и, любезно простившись, пошел в путь свой далее.

§ 37. С месяц шел я потихоньку и глубоко чувствовал, как назидательны и поощрительны бывают добрые, живые примеры... Часто читывал Добротолюбие и поверял все то, что я говорил слепому молитвеннику. Его поучительный пример воспламенял во мне ревность, признательность и любовь ко Господу. Молитва сердца столько меня улаждала, что я не полагал, есть ли кто щастливее на земле, и недоумевал, какое может быть большее и лучшее наслаждение в Царствии Небесном. Не токмо чувствовал сие внутри души моей, но все и наружное представлялось мне в восхитительном виде, и все влекло к любви и благодарению Бога. Люди, деревья, растения, животные — все было мне как родное, на всем я находил изображение Имени Иисуса Христа. Иногда чувствовал такую легкость, как бы не имел тела и не шел, а как бы отрадно плыл по воздуху. Иногда входил весь сам в себя и ясно видел все мои внутренности, восхитительно удивляясь премудрому составу человеческого тела¹⁶¹. Иногда чувствовал такую радость, как будто сделан я царем. И при всех таковых утешениях желал, как бы Бог дал поскорее умереть и изливаться в благодарности у подножия Его в мире духов.

Видно, я неумеренно наслаждался сими ощущениями, что ли? Или уже так было попущение воли Божией? По некотором времени я почувствовал в сердце какой-то трепет да и страх — не было бы мне опять какой беды или напасти, подобно как за ту девуку, которую я научил Иисусовой молитве в часовне... Помыслы надвигали на меня тучею и я вспомнил при сем слова преподобного Иоанна Карпафийского, который говорит, что «часто учивший предается в бесчестие и терпит напасти и искушения за пользовавшихся от него духовно¹⁶²». Поборовшись с сими помыслами, я усугубил молитву, которою и отогнал их совершенно. И, ободрившись, подумал: «Да будет воля Божия! Готов все терпеть, что ни пошлет мне Иисус Христос за мое окаянство и гордый нрав». Да и те, которым я недавно открыл тайну сердечного входа и внутренней молитвы, были и прежде моей с ними встречи приуготовлены непосредственным тайноучением Божиим.

Успокоившись сим, я опять пошел с утешениями, молитвою и радовался более прежнего. Дня два было дождливое время и дорога так

разгрязла, что едва можно было вытаскивать из грязи ноги. Шел я степью и верст 15 ни одного не встречал селения. Наконец, под вечер, увидел у самой дороги один двор, обрадовался да и подумал: «Вот здесь попрошусь отдохнуть да и переночую, а завтра поутру — что Бог даст, может, и погода будет получше».

Подошедши, увидел хмельного старика в солдатской шинели, сидевшего у одного двора на завалине. Я поклонился, да и говорю:

— Нельзя ли у кого попроситься здесь переночевать?

— Кто может пустить, кроме меня! — закричал старик. — Я здесь главный... Это почтовая станция, а я смотритель...

— Так позвольте ли, батюшка, мне ночевать-то?

— А пашпорт у тебя есть? Подавай законный вид налицо^а!

Я дал ему свой пашпорт, а он держит его в руках да опять спрашивает:

— Где же пашпорт?

— У Вас в руках, — ответил я.

— Ну, пойдем в избу.

Смотритель надел очки, прочел, да и говорит:

— Точно. Вид действительный, законный! Ночуй! Я ведь добрый человек, вот поднесу тебе и чарку...

— Отроду не пью, — ответил я.

— Ну, так наплевать, по крайней мере с нами поужинаешь.

Сели за стол, он да кухарка, молодая баба, тоже довольно выпивши, и меня посадили с собой. Во все время ужина они бранились, укоряли друг друга, а под конец и подрались. Смотритель ушел в сени спать в чулане, а кухарка начала убираться, перемывать чашки да плошки и доругивала своего старика. Я, посидевши, подумал, что нескоро она утомонится, да и сказал ей:

— Где бы, матушка, мне уснуть? Я очень устал с дороги.

— Вот я тебе постелю, батюшка! И, приставивши скамейку к лавке у переднего окна, постлала^б войлок и положила изголовье. Я лег да и закрыл глаза, как будто сплю. Долго еще колобродила кухарка, наконец убралась. И что ж? Погасила огонь, легла со мной, да и начала ласкаться... Я вдруг почувствовал сильную похоть и не знал, что делать. Начал возбуждать молитву, но молитва остановилась и не шла. И только что бы быть минуте гибельного падения^с, вдруг все окошко, бывшее над нами, рамы, стекла и осколки косяков, разлетевшись вдребезги, посыпались на нас с ужасным громом и треском, а за окном раздался стон и рев сильнейший. Я, смертельно испугавшись, так пихнул от себя бабу, что она отлетела на середину пола, и вся изба потряслась. Вскочивши, упал я на колени, возопил к Богу и думал, что земля разверзлась подо мною поглотить меня, беззаконника...

^а Пант-141: налице. Мух-293: налицо.

^б Исправлено, в ркп и в Пант-141: послала.

^с Далее в ркп зачеркнуты четыре слова, находившиеся в скобках.

Вот вижу, два ямщика внесли в избу человека, всего в крови, так что и лица его не было видно. Сие^a еще более привело меня в ужас. Это был фельдгегерь, скакавший переменить здесь лошадей. Ямщик его, не потративши верно завернуть в ворота, дышлом вышиб окно, а как пред избою была канава, то бричка опрокинулась и фелдгегерь, упавши, глубоко расцарапал себе голову об заостренный^b кол, коим была укреплена завалина. Фелдгегерь потребовал воды да вина, промыл себе рану, примочил вином, и сам выпил стакан, да и крикнул:

— Лошадей! Я, стоя около его, сказал:

— Как Вам, батюшка, с такою^c болью ехать-то?

— Фельдгегерю некогда быть больным, — ответил он да и поскакал.

Бабу ямщики оттащили к печи в угол без чувств, накрыли рогожкой да и сказали: «Эта ей притка^{d, 163} прикнулась^{e, 164} от испугу, она прочухается!..» А смотритель опохмелился да опять пошел досыпать. Остался я один...

Боже мой! В каком я был состоянии! Уныние и скорбь терзали меня, а также и жалость, чтобы не умерла баба в таком худом положении, ибо в ней мало было приметно жизни, кроме редкого и тяжелого дыхания. Я начал молиться и просить помилования у Господа. Положил старцевы четки на голову болящей и начал призывать Имя Иисуса Христа. Вскоре баба встала и начала ходить из угла в угол как шальная, наконец ушла и из избы. Я, помолившись, почувствовал ослабление в силах и перед светом немного заснул. Вот и слышу голос, как бы внутри меня говорящий: «Малодушный! Учись познавать пути Промысла Божия в делах человеческих! Сколько чудес, сколько поучительных уроков можешь ты заметить в теперешнем происшествии! Ободришь и веруй вездесущию Божественной любви Иисуса Христа! Прочти внимательнее 7 и 12^f главы Григория Синаита и утетишься...»

Проснувшись, я тотчас взял мое Добротолюбие, отыскал указанные мне главы и прочел в них следующее: «Аще от немощи побеждается кто невольне, но абие прощается от Ведущаго намерения и сердца», «Аще же и случится искушение, к опытности и венцу бывает оное, скорейшую имея помощь от попущающего Бога, имиже весть образы»¹⁶⁵.

Как это меня оживило! И я с тех пор твердо уверился, что все случаемое в жизни протекает чрез Промысл и все приводится к полезным концам... И так, поутру простившись с смотрителем, я отправился. Шел и воссылал молитву мою с верою, упованием и благодарением ко Отцу щедрот и всякого утешения, не погубившему меня во грехах моих!..¹⁶⁶

^a В ркп: Это, но зачеркнуто и над строкой написано: Сие.

^b Пант-141: заостренный.

^c В ркп и в Пант-141: тою, но в ркп над словом добавлено карандашом: ак, однако в Мух-293: такою.

^d Пант-141: притча.

^e Пант-141: прикоснулась.

^f Номера глав написаны другими чернилами.

Да!, скажу и еще одно обстоятельство, к сему же случаю относящееся. Через шесть лет после сего происшествия, проходя мимо одного женского монастыря, я зашел в церковь помолиться. Странноприимная^а игуменья взяла меня к себе после обедни. Велела подать чаю. Вдруг приехали к ней неожиданно гости, она вышла к ним, а меня оставила с монахинями, ее келейницами. Смирненная монахиня, разливавшая чай, возбудила любопытство спросить:

— Давно ли Вы, матушка, в сей обители?

— Пять лет, — ответила она. — Меня безумную привели сюда, и Бог здесь помиловал. Вот матушка игуменья и оставила меня у себя при келии, да и постригла.

— Отчего же Вам случилось безумие? — спросил я.

— От испугу. Я нанималась на такой-то станции, и ночью, во время сна, лошади вышибли окно. Я, испугавшись, сошла с ума. Меня целый год родственники водили по святым местам, и вот я здесь только исцелилась...

Услышавши это, я смекнул дело, да ну-дко скорее бежать оттуда. Вышедши, возрадовался душою и прославил Бога, мудро вся на пользу строящего^б...

Много было и еще разных случаев. Если по порядку рассказывать, то и в трои сутки не переговоришь всего... Разве еще один случай сказать?

§ 38. В ясный летний день увидел я кладбище близ дороги, или так называемый погост, то есть церковь да одни священнослужительские дома. Был благовест к обедне^с, я и пошел туда. Шли туда же и окрестные люди, а иные, не доходя церкви, сидели на траве и, видя меня, поспешно шедшего, говорили мне: «Не спеши! Еще настоишься вволю, покуда начнется служба. Здесь служат очень долго, священник-то больной да такой мешкотной».

Действительно, служба продолжалась очень долго. Священник, молодой, но прехудой и бледный, действовал весьма медленно, впрочем очень благоговейно и с чувством. В конце обедни сказал прекрасную, понятную проповедь «О способах приобретения любви к Богу». По окончании же всей службы вышел и начал говорить к народу: «Вот я учил вас любви — словами. Теперь буду учить вас делами любви: желающих прошу теперь придти ко мне на завтрак...»

Некоторые из народа пошли за ним, и я тут же. Вошли прямо в сад. Под деревом стоял стол, а около — всё длинные скамейки. На столе лежало Евангелие. Священник, севши, раскрыл Евангелие, начал читать и толковал так прекрасно и любезно, что слушали мы со вниманием и удовольствием. Потом подали чай, поставили на стол водку и закуску,

^а *Пант-141*: Странноприимная.

^б *Испр.*, в *ркп*: строящего.

^с *Пант-141*: обедни.

хорошую. Все выпили и закусили, а священник-то обратился ко мне, да и говорит:

— Ты, брат, что не выпил? Не смотри на это, что я не пью ни чаю, ни водки. Ведь это не по воздержанию, а потому что я давно болен и мне всякое горячительное вредно...

Потом обратился к народу и сказал:

— Ныне праздник и разрешение утешения пищею. Все ли из вас имеют достаточный обед и не нуждается ли кто в чем?

Народ, ничего не ответив, смиренно поклонился своему пастырю, и все разошлись... Священник оставил меня пообедать, я за столом-то и сказал ему:

— Как Вы, батюшка, благоговейно да долго служите...

— Да, — ответил он, — хотя это прихожанам-то и не нравится, и ропщут, но нечего делать, ибо я люблю всякое молитвенное слово прежде размыслить и насладиться им, да тогда уже и произносить гласно... А то, без внутреннего ощущения и сочувствия, всякое произнесенное слово будет и для самого, и для других бесполезно. Дело все во внутренней жизни и внимательной молитве!..

— А как мало, — примолвил я, — занимаются внутренним деланием!

— Это оттого, что не хотят, не бегут о духовном внутреннем просвещении, — сказал священник.

Я опять спросил:

— Да как же достичь-то его? Это кажется очень мудроно...

— Нимало. Чтобы просветиться духовно и быть внимательным и внутренним человеком, следует взять один какой-нибудь текст из Священного Писания и как можно дольше держать на нем одном все внимание и размышление, и откроется свет разумения. Так же должно поступать и при молитве, если хочешь, чтоб она была чиста, правильна и усладительна: выбрать какую-либо краткую, из малых слов, но сильных состоящую молитву и повторять ее многократно и подолгу, и ощутишь вкус в молитве...

Очень мне понравилось сие наставление священника. Как оно деятельно и просто, но вместе глубоко и премудро! Я умственно благодарил Бога, что Он показал мне такого истинного пастыря Церкви Своей... По окончании стола священник сказал мне:

— Ты после обеда усни, а я займусь чтением Слова Божия да приготовлением к завтраму^а проповеди...

§ 39. Вот я и вышел в кухню. Там никого не было, одна только престарая старуха сидела сгорбившись в углу да кашляла. Я сел под окошечко, вынул из сумки мое Добротолюбие да и стал читать потихоньку, про себя. Наконец прислушался, что сидевшая в углу старуха беспрестанно

^а Так в Пант-141, в ркп ошибочно: заврему.

шепчет Иисусову молитву. Я возрадовался, услыша часто изрекаемое Святейшее Имя Господне. Потом и начал ей говорить:

— Как это хорошо, матушка, что ты все творишь молитву-то! Это самое христианское спасительное дело...

— Да, батюшка, — ответила она, — на старости моих^а лет только и трости¹⁶⁷, что «Господи, прости»!

— Давно ли же ты так привыкла молиться?

— С молодых ден, батюшка. Да без этого мне и быть нельзя, ибо Иисусова молитва избавила меня от погибели и смерти...

— Как же это? Расскажи, пожалуста, во славу Божию и в прославление благодатной силы Иисусовой молитвы!..

Я убрал в сумку Добротолубие, сел к ней поближе. Она и начала рассказывать:

— Я была девка молодая и красивая. Родители сговорили меня за муж. Только бы завтра быть свадьбе. Жених шел к нам и вдруг, не дошедши шагов десяти, упал, умер и ни разу недохнул. Я так сего испугалась, что вовсе, вечно отказалась от замужества и решила жить в девстве да ходить по святым местам молиться Богу. Однакож одна пуститься в сей путь боялась, чтобы по молодости моей не обругали¹⁶⁸ меня злые люди. Вот знакомая мне странница старуха научила меня, чтоб, где бы ни шла я по дороге, всё беспрестанно творила бы Иисусову молитву, и крепко заверила, что при сей молитве никакого нещастия не может случиться в пути. Я сему поверила, и точно, лет пять ходила благополучно, даже и в отдаленные святые места, мне родители давали на сие деньги... Однажды пошла я в один город на поклонение чудотворной иконе, а дорога была глухая и много верст степью да перелесками. Но я ничего не опасалась, будучи уверена, что творимая мною Иисусова молитва никакого нещастия до меня не допустит.

Вот уже подхожу к городу, и он в виду у меня, верст за пять или за шесть. Я и пошла по прямее, от дороги перелесочком по тропинке. Вдруг с дороги подскакал ко мне верховой, слез с лошади, остановил меня и стал спрашивать: откуда я, и куда иду? Я ответила. Вот он и стал ко мне приставать да просить блуда.

— Ах, что ты, я этого и слышать не хочу...

Он вынул из бумажника синюю ассигнацию¹⁶⁹ и стал давать мне. Я и на то не согласилась, да и хотела убежать от него. Он, разъярившись, выхватил привязанный у него на цепочке большущий складной нож, разогнул да и наставил мне в грудь: «Вот сейчас заколю да с мертвой и сделаю!» Я до смерти испугалась да и подумала: «Господи Иисусе Христе! Вот и молитва Твоя не помогает...» А он повод-то своей лошади захлестнул себе за пояс да и стал ко мне приступать^б. Я закричала:

^а Слово написано дважды.

^б Написано над строкой, основной текст зачеркнут, в Пант-141 — в основном тексте.

«Кормилец! Будь отец родной, дай хоть сарафан-то мне скинуть, он у меня новый^а, я хожу в нем в церковь^б...» И только лишь заворотила подол да взмахнула через голову, лошадь-то испугалась, храпнула, да как кинется со всех ног и понесла бить, а его-то, бедного, так и мечет на воду по пням да по кустам. Я очнулась, а уж и следу нет.

Тут я много благодарила Бога за избавление, да и уверилась, как сильна и сохранна молитва-то Иисусова... Отошла я версты с две и нашла на дороге тот бумажник, из которого он давал мне синенькую-то, там были еще какие-то бумаги и паспорт его. Вот прихожу я в город, и у самой заставы толпа народа да и полицейские солдаты. Лошадь стоит привязанная и трясется, вся в мыле, а человек лежит на земли с распроломанной головою и весь изрезанный ножом, который был у его пояса на цепи. Приехал городничий, обыскал его, да и тужит: «Как быть? Не знаем, кто он такой и откуда...» Я подошла да и говорю: «Не его ли этот бумажник, вот недалеко я подняла на дороге, может быть из пазухи вывалился...» Городничий бумаги-то взял, а синенькую-то да бумажник (старый и замасленный^с) отдал мне назад, да и говорит: «Спасибо тебе, что ты сделала нам его гласным^д. А это тебе за находку, ведь и по закону третья часть дается нашедшему из потерянных вещей».

Так я и пошла. Поклонившись чудотворной иконе, возвратилась домой. И как видела уже над собою силу Иисусовой молитвы, то стала ходить смело, и припало мне сильное желание идти в Старый Иерусалим. Но как родители мои были небогаты, то и не было у меня денег, чем бы можно было дойти и назад вернуться. И я об этом тужила. Однажды я в таком раздумье^е отперла свой сундук, чтобы достать белую рубашку, да и увидела тот бумажник, который отдал мне городничий. Подумала: на что он мне, такой старый и масленный^ф, взяла да и выкинула его. Потом вздумалось мне распороть его: может, на что-нибудь годится старая кожа. Стала раздирать и нашла зашитыми наглухо пять сторублевых ассигнаций. Так я сему обрадовалась, что даже заплакала. Сходила на эти деньги в Иерусалим, прожила там год и вернулась назад. И с тех пор всегда уже творю молитву и утешаюсь. Под старость сделалась больна, и вот здешний батюшка, по милости своей, меня держит и кормит.¹⁷⁰

С наслаждением слушая это, я не знал, как благодарить Бога за сей день, открывший мне столько назидательных примеров. Потом, испросив благословение доброго и благоговейного священника, я пошел в путь мой радуясь.

^а Далее в рукописи зачеркнуты слова: никогда еще в <нрзб.> не был, в Пант-141 — отсутствуют.

^б Далее в рукописи зачеркнуты несколько слов, в Пант-141 — отсутствуют.

^с Испр., в ркп: замасляной.

^д На нижнем поле под знаком сноски: Это был гуртовщик, торговавший скотом и гонявший его в разные губернии.

^е Пант-141: раздумьи.

^ф Испр., в ркп: масляной.

§ 40. А то, вот, не слишком давно, когда я шел сюда чрез Казанскую губернию, еще случилось мне узнать, как самосущная сила молитвы во Имя Иисуса Христа ясно и живо открывается и в бессознательно занимающихся ею, и как частость и продолжительность молитвы есть верный и кратчайший путь к достижению благих плодов молитвы.

Случилось мне однажды ночевать в татарском селении. Я, вошедши в оное, увидел под окном одной хаты повозку и кучера русского. Лошади кормились около повозки. Обрадовавшись этому, я вознамерился попроситься на ночлег тут же, думая, что по крайней мере ночую вместе с христианами. Подошел да и спросил кучера, кто едет? Он ответил, что барин проезжает из Казани в Крым. В это время, как мы говорили с кучером, барин, отвернувши кожу, выглянул из повозки, спросил меня, да и говорит: «Я и сам здесь ночую, но не пошел в хату, потому что у татар там дрянно, и решил остаться на ночь в повозке». Потом барин вышел прогуляться. Вечер был хороший и мы разговорились. Между многими расспросами он пересказал мне и про себя вот что:

— До шестидесяти пяти лет я служил во флоте капитаном первого ранга. Под старость напала на меня неизлечимая болезнь подагра, и я, вышедши в отставку, жил в Крыму в хуторе моей жены, почти постоянно больной. Жена моя была сбалмошная, рассеянного характера и великая картежница. Ей скучно стало при мне, больном, жить, она, кинувши меня, уехала в Казань к дочери нашей, которая туда по случаю выдана за служащего чиновника. Обобрала меня кругом, даже увезла с собой^a и дворовых людей, а при мне оставила только осьмилетнего мальчишку, моего крестника. Так я жил один года три. Служивший мне мальчик был с быстрыми способностями и все домашние дела мои исправлял: убирал комнату, топил печь, варил мне кашницу, грел самовар. Но только при всем этом был чрезвычайно резов и неумолкаемый шалун: беспрестанно бегал, стучал, кричал, играл-резвился. И потому весьма меня беспокоил. А я, по болезни, да и от скуки, всегда любил читать духовное. У меня была прекрасная книга Григория Паламы о Иисусовой молитве¹⁷¹. Я почти беспрестанно читал ее, да понемногу творил и молитву. Мешал мне мой мальчик, и никакие угрозы и наказания не воздерживали его от шалостей. Вот я и придумал такое средство: стал сажать его у себя в комнате на скамеечку да и приказывать, чтоб^b он беспрестанно говорил Иисусову молитву. Это сначала чрезвычайно ему не понравилось, и он всячески от сего уклонялся и почасту умолкал. Я, чтобы продолжать^c мое приказание, клал возле себя розгу. Когда он говорил молитву, я спокойно читал книгу или слушал, как он произносит. Когда же лишь только он замолчит, я показывал ему розгу, и он,

^a Пант-141: собою.

^b Пант-141: чтобы.

^c Пант-141: продолжить.

испугавшись, опять принимался за молитву. И это меня очень успокоивало, ибо начиналась тишина в моем жилище.

По некотором времени я заметил, что уже розги не нужно. Мальчик стал охотнее и усерднее исполнять мое приказание. Далее я усмотрел совершенную перемену в его резвом характере: он стал тих и молчалив, и домашние работы отправлял успешнее. Это меня порадовало, и я начал более давать ему свободы. Наконец, что вышло? Он так привык к молитве, что почти всегда и при всяком деле творил ее, без всякого моего побуждения. Когда я спрашивал его об этом, он отвечал, что непреодолимо ему хочется всегда творить молитву.

— Что же ты при сем чувствуешь?

— Ничего, только и чувствую, что мне бывает хорошо, когда говорю молитву.

— Да как же «хорошо»?

— Не знаю, как сказать.

— Да весело, что ли?

— Да, весело.

Ему было уже 12 лет, как началась в Крыму война^а. Я уехал к дочери в Казань и его взял с собою. Здесь поместили его в кухне с прочими людьми, и он от этого очень скучал и жаловался мне, что люди-то, играя и шая между собою, приступали и к нему, и смеялись над ним, и сим мешали ему заниматься молитвою. Наконец, месяца через три, он вошел ко мне, да и говорит: «Я уйду домой. Мне здесь нестерпимо скучно и шумно...» Я сказал ему: «Как можно тебе одному идти такую даль, и в зимнее время, дожидайся, когда я поеду, тогда и тебя возьму». На другой день пропал мой мальчик. Везде посылали искать, но нигде его не нашли. Так и слуху о нем долго не было. Наконец, я получаю из Крыма от людей, остававшихся в нашем хуторе, письмо, что он^б мальчик 4 числа апреля, на второй день Пасхи^б, найден мертвым в пустом моем доме. Он лежал на полу в моей комнате, благообразно сложивши руки на груди, картуз под головою, и в том самом холодном сюртучке, в котором ходил у меня и ушел. Так и похоронили его там в моем саду.

Получивши это известие, я чрезвычайно удивлялся, каким образом так скоро добрался мальчик до хутора: он ушел 26 февраля, а 4 апреля найден. В один месяц перейти около трех тысяч верст, дай Бог и на лошадах, ведь придется верст по сту на день! А притом в холодной одежде, без пашпорта и без копейки денег! Положим, что может быть кто-нибудь и подвозил его по дороге, но и это все не без особенного Промысла и попечения о нем Божия!.. Вот мальчик мой, — сказал

^а Слова: началась в Крыму война, позднее были зачеркнуты карандашом, так как содержали внутреннюю датировку, противоречащую датировкам Предисловия.

^б Слова: на второй день Пасхи, находящиеся в Пант-141 в основном тексте, при переписывании были пропущены и добавлены над строкой.

наконец барин, — вкусил плод молитвы, а я и на старости моих лет еще не пришел в его меру¹⁷².

После этого я стал говорить барину:

— Прекрасная, батюшка, книга преподобного Григория Паламы, которую Вы изволили читать. Я ее знаю, но в ней все больше об^а устной токмо Иисусовой молитве рассуждается. А прочтите-ко Вы книгу под названием Добротолюбие, там найдете полную и совершенную науку как достигнуть и духовной Иисусовой молитвы в уме и сердце, и вкусить сладчайший плод ее...

При сем я показал ему и мое Добротолюбие. Он, как я заметил, с удовольствием принял совет мой и обещался достать себе такую книгу.

Боже мой! — размышлял я сам в себе, — каких дивных явлений силы Божией^б не бывает в силе молитвы! И как мудро и поучительно сие происшествие: мальчика розга научила молитве, да еще и послужила средством к утешению!.. Не те ли же розги Божии — наши скорби и напасти, встречаемые на молитвенном пути? А потому, чего же мы боимся и смущаемся, когда показывает нам их рука Отца нашего Небесного, исполненного беспредельной любви, и когда сии розги научают нас прилежнее поучаться молитве и ведут нас к утешению неизреченному?..

— Простите меня, Бога ради, я уже много заболтался. А святые отцы беседу, хотя и духовную, но неумеренную, называют празднословием... Мне пора идти проводить моего спутника иерусалимского. Помолитесь о мне, окаянном грешнике, чтобы Господь по великому милосердию Своему устроил путь наш во благо!..

— Вседушно желаю, возлюбленный в Господе брат, да любвеобильная благодать Божия осеняет путь твой и сопутствует с тобою, как ангел Рафаил с Товиею^{с, 173}.

ПЯТОЕ СВИДАНИЕ^d

Слышите, ныне глаголющий: днесь или утро пойдем во он град и сотворим ту лето едино. Иже не весте, что утре случится: кая бо жизнь ваша! Пар бо есть, иже в мале является, потом же исчезает. Вместо еже бы глаголати вам: аще Господь восхощет, и живи будем, и сотворим сие или оно...

Послание Иакова. Гл. IV, 13–16

§ 41. Прошел уже год после последнего свидания со странником, как, наконец, тихий стук в дверь и молитвенный голос возвестил приход сего благоговейного собрата, к сердечному удовольствию встретившего его...

^a Буква б исправлена карандашом из буквы т.

^b Слова: силы Божией при переписывании были пропущены и добавлены над строкой, в Пант-141 находятся в основном тексте.

^c В левом нижнем углу дата: 23 декабря 1859, позднее карандашом добавлено: 28 генв. 1860.

^d В правом верхнем углу: нач. 28 ноябр. 62.

— Гряди, возлюбленный брат! Поблагодарим вместе Господа, благословлявшего путь и возврат твой!

— Слава и благодарение Всевышнему Отцу щедрот о всем, что ни устраивает Он по смотрению Своему, всегда полезному для нас, странников и пришельцев в земли чуждѣй¹⁷⁴! Вот и я, грешник, расставшись с Вами в прошлом году, опять по милости Божией сподобляюсь видеть и слышать радушный привет Ваш. И, конечно, Вы ожидаете от меня подробного рассказа о Святом Граде Божиим Иерусалиме, куда влеклась душа моя и простиралось непреложное намерение мое. Но не всегда исполняется то, чего нам хочется. Так случилось и со мною, да и не дивно, ибо мне ли, убогому грешнику, быть удостоену ступить на ту освященную землю, на которой печатлеются божественные стопы Господа Иисуса Христа?

Вы^a, батюшка, припомните, что я отправился отсюда в прошлом году с товарищем, глухим старцем, имея письмо иркутского купца к сыну его в Одессу, чтобы отправить меня в Иерусалим. Так мы благополучно и достигли до Одессы в непродолжительном времени. Товарищ мой немедленно нанял место на корабле до Константинополя и отправился, а я, оставшись, пошел искать, по письму, сына иркутского купца. Скоро нашедши его квартиру, я, к удивлению моему и сожалению, не нашел в живых предположенного моего благодетеля: три уже недели прошло, как после кратковременной болезни его похоронили. Это меня хотя и весьма опечалило, однакож я положился на власть Божию. Все домашние были в горести, а вдова умершего, оставшись с тремя маленькими детьми, до того тосковала, что беспрестанно плакала, по нескольку раз в день упала и терзалась. Казалось, что и ей недолго уже жить от таковой глубокой грусти. Однакож, при всем этом, они приняли меня ласково, но не имея возможности, по их обстоятельствам, отправить в Иерусалим, оставили меня у себя погостить недели две, покуда отец покойного, по обещанию своему, приедет сюда, в Одессу, для распоряжения, счета и устройства торговых дел осиротевшего семейства. Так я и остался...

Живу неделю, месяц и другой. Но, вместо приезда, купец прислал письмо, в котором извещает, что он по обстоятельствам своим приехать к ним не может, а советует, сделавши счет прикащикам, всем им немедленно отправиться к нему в Иркутск. Начались сборы и хлопоты, и как я заметил, что им уже не до меня, то, поблагодарив за странноприятие и распростившись с ними, пошел опять странствовать по России...

Думал-думал: куда теперь мне идти? И, наконец, основался на таковой мысли, чтоб прежде пойти в Киев, где я уже много лет не был. Так и пошел... Конечно, хотя вначале и скорбел о том, что не выполнилось мое намерение быть в Иерусалиме, но ведь это не без Промысла же Божия, размышлял я, и успокоивался тем упованием, что

^a В левом верхнем углу карандашом: 25 ген. 63.

человеколюбивый Господь примет и намерение яко дело, и не оставит убогий путь мой без назидания и душевной пользы. Оно так и вышло, ибо встречался с такими людьми, кои открывали мне многое, для меня неведомое, и просвещали темную душу мою во спасение... Если бы я не был направлен на путь сей необходимостью, то не встретил бы сих душевных моих благодетелей. И так, днем я шел с молитвою, а вечером, останавливаясь для ночлега, читал мое Добротолюбие для подкрепления и возбуждения души моей в борьбе с невидимыми врагами спасения.

§ 42. Наконец, отошедши от Одессы верст 70, я встретил чудное происшествие. Ехал большой обоз с товарами, подвод 30, и я их нагнал. Один передовой извозчик, как вожатый, шел при своей лошади, а прочие, собравшись в кучу, шли поодаль. Надо было проходить мимо большого проточного пруда, в котором взломанный весенний лёд крутился и расплывался с водою по окружности с страшным шумом. Вдруг передний молодой извозчик остановил свою лошадь, а за ним должен был и весь обоз остановиться. К нему подбежали все извозчики и видят, что остановившийся (извозчик)^а начал раздеваться. Его спросили, для чего он раздевается. И получили в ответ, что ему очень хочется купаться в пруде. Удивленные извозчики, кто начал над ним смеяться, кто бранить, называя его безумным, а старший, родной брат раздевавшегося извозчика, начал препятствовать ему и толкать, чтобы он ехал. Тот оборонялся и никак не хотел послушаться. Некоторые из молодых извозчиков, для шутки, начали ведёрками, которыми поят лошадей, черпать из пруда воду и плескать на желавшего купаться, кто ему на голову, кто за ворот, говоря: «Вот мы тебя выкупаем!» Лишь только коснулась его тела вода, он вскрикнул: «Ах, как хорошо!» — и сел на землю. На него и еще плескали, потом вскоре он лёг и тут же спокойно умер. Все испугались, не понимали, отчего сие случилось. Старшие хлопотали и горевали о том, что надо о сем объявить суду, а прочие заключали, что ему на роду такая смерть написана.

Постоявши около них с час, я пошел далее. Отошедши верст 5, увидел село на большой дороге и, вступая в оное, встретил старичка священника, шедшего по улице. Мне вздумалось сказать ему о виденном происшествии и услышать о сем его рассуждение. Священник взял меня к себе, и я, рассказавши ему, что видел, просил его объяснить мне причину, по которой случилось это происшествие...

— Не умею ничего на сие сказать тебе, любезный брат, как разве то, что есть в природе много чудесного и непонятного для нашего ума. Это, как думаю, устроено Богом для того, чтобы яснее показывать человеку правление и Промысл Божий о природе, в неестественном и непосредственном изменении ее законов при известных случаях... Мне и самому однажды случилось быть свидетелем подобного же происшествия.

^а Так в ркп.

Недалеко от нашего села есть весьма глубокий обрывистый овраг, хотя и не широкий, но глубиною сажен в 10 или более, даже страшно посмотреть на темное дно его. Для пешеходов устроен чрез него кое-как мостик. Крестьянин моего прихода, семейный человек и хорошего поведения, вдруг не с чего почувствовал непреодолимое желание кинуться с одного мостика в оный глубокий ров. Целую неделю он боролся с сею мыслию и стремлением. Наконец, не могши более выдерживать сего сильного побуждения, он, вставши поутру, поспешно ушел и спрыгнул в ров. Вскоре, услышав стон, с трудом вынесли его из рва, переломившего себе обе ноги. Когда спрашивали о причине его падения, он отвечал, что хотя теперь и чувствует сильную боль, но в душе спокоен, что выполнил свое непреодолимое влечение, которое всю неделю так его возбуждало, что он готов был бы жизнь свою отдать, только бы исполнить свое желание. С лишком год он лечился в городской больнице. Я посещал его и, нередко видая около него врачей, хотел так же, как ты, услышать от них о причине сего случая. Врачи единогласно отвечали мне, что это был «раж». Когда же я просил их по науке медицины объяснить мне, что это такое и вследствие чего он постигает человека, но более ничего от них не услышал, как то, что эта тайна натуры еще не открыта медициною. А я им, с своей стороны, заметил, что если бы при сей тайне натуры человек обращался к Богу с молитвою да открылся бы добрым людям, то и непреодолимый (по вашему)^a «раж» не достиг бы своей цели.

Подлинно в жизни человеческой много встреч чудных, и не подлежащих ясному понятию, переданных даже и в описаниях. Одним из оных я с успехом воспользовался в недавнее время. Случилось мне сойтися с некоторым образованным человеком, не доверявшим и сомневавшимся о безмужном зачатии Пресвятой Девы Богородицы. Он наступательно спорил и утверждал, что женщина никак не может зачать и родить без мужа, ибо-де это совсем противно природе, и от начала мира не было таких примеров. Сколько я ни старался доказывать ему Священным Писанием и учением святых отцов, что для Бога все возможно и что Святая Церковь, мудрейшие иерархи и святые отцы признали сие за истину, и даже чудотворно доказали^b, однакож все мои убеждения не сильны были обратить его к познанию сей истины и уверованию.

Вдруг мне впало в мысль, что в прошлом 1825 году в июльской газете был опубликован удивительный чрезвычайный случай, а именно:

«В Германии, в каком-то городке благонравная молодая девица вдруг сделалась беременною. Когда все признаки беременности сделались явными, благочестивые ее родители, удивясь и сильно оскорбясь сим, допрашивали ее об оном случае. Она клялась им, что невиновна и провозводит жизнь честную. Родители, не поверив словам ее, подвергли ее медицинскому освидетельствованию, и точно, девица оказалась

^a Так в ркп.

^b На нижнем поле под знаком вставки карандашом написано: 3 лилии.

девственной. Это всех удивило, но еще поразительнее произошло удивление, когда по истечении девяти месяцев беременности девица естественным порядком родила большой величины камень. Сие происшествие обсуждали многие славнейшие германские медики и нисколько не могли доискаться причины, а повершили также тем, что это тайна природы»¹⁷⁵. Я, немедленно отыскав у себя сей номер газеты, дал прочесть спорившему, потом сказал: «Видишь ли, вот и без действия особенной благодати Божией натура как отступает от своих законов и какие оказывает чудные явления? А что же сказать о том, если особенное благоволение Божие восхощет явить чудо в натуре сверхъестественно? Да еще и все ли законы природы нам известны с их условиями?»^a Это^b доказательство^c произвело^d такое глубокое^e впечатление на спорившего, что он тут же согласился, сердечно уверовал и с тех пор сделался моим приятелем.

Покуда мы так беседовали, сделалось уже темно, и я остался здесь ночевать. Поутру прислал становой своего писаря, чтоб позволено было похоронить умершего на кладбище, и что лекарь при анатомировании тела никаких признаков помешательства или белой горячки в умершем не нашел, а относит смерть его к внезапному удару... «Вот смотри, — сказал мне священник, — и медицина не могла определить причины неудержимого стремления его к воде!» И так я, простясь со священником, пошел далее.

§ 43. Путешествуя несколько дней и довольно утомясь, пришел я в большое торговое местечко, называемое Белая Церковь. Как уже было к вечеру, то я и стал искать себе ночлега. На самом базаре встретился мне человек, похожий тоже на путешественника, спрашивающий по лавкам, где находится дом какого-то обывателя. Он, увидев меня, подошел, да и говорит: «Видно, что и ты странник, так пойдем же вместе, найдем здешнего мещанина по фамилии Евреинова. Он добрый христианин, держит богатый постоялый двор и любит принимать странников. Вот у меня о нем и записка...» Я с радостью согласился, и мы скоро отыскиали его квартиру. Хотя не застали самого хозяина дома, но жена его, добрая старушка, приняла нас ласково и отвела нам для успокоения на чердаке уединенную особую светёлку. Мы, расположившись, немного отдохнули. Пришел хозяин и пригласил нас к себе ужинать.

^a На полях карандашом под знаком вставки: Могут ли даже естествослы и ботаники изъяснить как, почему и для чего находятся растения единополовые, не имеющие полов, когда вся растительная природа оплодотворяется сочетанием двух полов? А это глубокая тайна!..

^b Зачеркнуто карандашом, и над строкой карандашом написано: Сии.

^c Буква о в конце слова исправлена карандашом на а.

^d Буква о в конце слова исправлена карандашом на и.

^e Слово зачеркнуто карандашом и над строкой карандашом написано: живое.

Во время стола мы разговорились: кто, откуда, и как-то дошло слово до того, почему он прозывается Евреиновым.

— Я расскажу вам замечательный о сем случай, — ответил он и начал свое повествование. — Вот, видите, отец мой был еврей, уроженец города Шклова, и был ненавистник христиан. С самых молодых лет он готовился быть раввином и прилежно изучал все еврейские сплетни для опровержения христианства. Однажды случилось проходить ему чрез христианское кладбище. Там он увидел человеческий череп с обеими челюстями, в коих находились обезображенные зубы, должно быть извлеченный из недавно ископанной могилы. Он, по ожесточению своему, начал насмехаться над сим черепом, плевал на него, ругал и попирал ногами. Не удовлетворившись этим, взял его и вонзил на кол, подобно как надевают кости животных для прогоняния хищных птиц. Натешившись таким образом, он пошел в свое место. В следующую же ночь, лишь только он заснул, предстал пред него неизвестный ему человек и наступательно укорял его, говоря: «Как ты смел надругаться над бренными останками костей моих? Я христианин, а ты враг Христов!..» По несколько раз в каждую ночь повторялось сие видение и лишало его сна и покоя. Потом уже и днем начало мелькать пред ним оное видение и слышаться эхо укорительного голоса. Чем время шло далее, тем видение повторялось чаще. Наконец, он, начавши чувствовать уныние, страх и изнеможение сил, прибег к своим раввинам, которые и читали над ним молитвы и заклинания, но видение не только его не оставляло, но сделалось и еще чаще, и наступательнее. И как таковое его положение стало уже гласным, то, узнав о сем, один знакомый ему по торговым делам христианин начал ему советовать, чтоб он принял христианскую веру, и убеждал его тем, что, кроме сего, он ничем иным избавиться не может от беспокоящего его привидения. Еврею хотя и очень сего не хотелось, однако он сделал такой отзыв: «Я бы рад что хочешь сделать, только бы избавиться от сего мучительного и невыносимого видения»... Христианин обрадовался сим словам, уговорил его подать прошение к местному епископу об окрещении его и присоединении к христианской Церкви. Написали прошение, и еврей, хотя неохотно, но подписал оное. И вот с той минуты, как было подписано прошение, видение прекратилось и никогда уже его не беспокоило. Он, чрезвычайно сему обрадовавшись и совершенно успокоившись, ощутил такую пламенную и твердую веру во Иисуса Христа, что немедленно отправясь к епископу, рассказал ему происшествие и объявил сердечное желание окреститься. С усердием и быстрым успехом изучив догматы христианской веры и окрестясь, он выехал на жительство в сие место, женился здесь на моей матери, доброй христианке, и проводил благочестивую жизнь в довольстве. Был весьма щедроподателен бедным, чему поучал и меня, и пред кончиною оставил мне о сем заповедь и благословение. Вот почему я прозываюсь Евреиновым!»

С благоговением и умилением я выслушал рассказ сей да и подумал сам в себе: «Боже мой! Сколь милосерден Господь наш Иисус Христос и как велика любовь Его, какими различными путями привлекает Он к Себе грешников и как премудро обращает маловажные случаи в руководство к великим делам! Кто бы мог предвидеть, что баловство еврея над мертвою костью послужило ему к истинному познанию Иисуса Христа и было руководством к благочестивой жизни?»

По окончании ужина мы, поблагодарив Бога и хозяина, пошли в свою светёлку на покой. Спать еще не хотелось, и мы с товарищем разговаривались. Он объявил мне, что он могилевский купец, жил два года в Бессарабии послушником в одном из тамошних монастырей, но токмо по срочному пашпорту, и теперь идёт на родину затем, чтоб получить от купеческого общества вечное увольнение к монашеству. Хвалил мне тамошние монастыри, их устав и порядок, и строгую жизнь многих благочестивых старцев, тамо обитающих, и уверял, что бессарабские монастыри против русских, как небо от земли... Подбивал и меня туда же.

В это время, как мы занимались сими разговорами, привели к нам еще и третьего ночлежника. Это был унтер-офицер, уволенный из армии на время, и шел в домовый отпуск. Мы увидели, что он очень утомился от дороги, помолились вместе Богу да и легли спать. Рано поутру вставши, мы начали собираться в путь. И лишь только хотели пойти поблагодарить хозяина, вдруг услышали благовест к заутрени. Мы с купцом и стали рассуждать: «Как же мы пойдем, слышавши благовест и не побывавши в церкви Божией? Лучше отстоим заутреню, помолимся в святом храме, и тогда идти нам будет отраднее». Так и решились, да и унтерато зовем с собой... А он нам и говорит: «Какое в дороге богомоленье, да и что за прибыль Богу, что мы побываем в церкви? Вот придем домой, так там помолимся! Ступайте, коли хотите вы, а я не пойду... В это время, покуда вы у заутрени-то стоите, я уйду верст пять вперед, а мне домой поскорее хочется». На сие купец сказал ему: «Смотри, брат, не загадывай вперед, как Бог приведет!..»

И так мы пошли в церковь, а унтер — в дорогу. Отстоявши заутреню (тут же была и Ранняя), мы, возвратясь в свою светёлку, начали приправлять свои сумочки. Глядим — хозяйка принесла к нам самовар, да и говорит: «Куда это вы? Вот напейтесь чайку да пообедайте у нас. Пустим ли мы вас голодных!» Так мы и остались.

§ 44. Не прошло и получаса как мы сидели за самоваром, вдруг вбегает к нам наш унтер-офицер, весь запыхавшись.

— Я пришел к вам и с горестью, и с радостью!

— Что такое? — спросили мы его.

— А вот что: как я с вами простился да пошел, мне вздумалось зайти в шинок, разменять ассигнацию на мелкие, да и водочки выпить, чтоб легче идти. Зашедши, я разменял деньги, выпил чарку, да и полетел, как сокол, в путь. Отошедши версты три, мне захотелось посчитать деньги,

так ли сдал шинкарь. Я сел к сторонке, вынул свой бумажник, перечел — и все так... Вдруг хватился тут же лежавшего моего пашпорта, и его как не бывало, одне записки да деньги. Так я испугался, словно голову потерял. Да и смекнул делом-то: конечно, я обронил его тогда, как в шинке рассчитывался. Ну-дко бежать назад. Бегу, бегу, и опять горе возьмет: ну, как его там нет, беда мне будет! Прибежавши, спрашиваю у шинкаря, а он говорит: «Я не видал». Опять меня взяла печаль. Ну-дко я искать да шнырять по тем местам, где я стоял да толокся. И что ж? По щастью моему нашел мой пашпорт. Как он был свернут, так и валяется между соломой да сором на полу, весь затоптанной в грязи. Слава Богу, обрадовался я, словно гора с плеч свалила!.. Хотя за неопрятство и за маранье грязью по зубам-то и отвозят, да это ничего, по крайней мере и домой, и обратно приду с глазами... А к вам-то я зашел, чтобы сказать вам об этом, да еще, в страхе-то бежавши, так стёр ногу до живого мяса, что и идти никак нельзя, — и для сего попросить сала, чтобы привязать к ране.

— То-то и есть, брат! Все это тебе за то, что ты не послушался и не пошел с нами помолиться, — начал говорить купец. — Вот ты хотел далеко вперед нас уйти, а напротив, к нам же возвратился, да еще и охромел. Я тебе ведь говорил, что не загадывай вперёд, вот оно так и вышло! Да мало того, что не пошел в церковь, а еще и говоришь какие слова: «Что за корысть Богу, что мы будем молиться». Это, брат, нехорошо... Конечно, Бог не нуждается в грешной нашей молитве, однакож, по любви Своей к нам, любит, когда мы молимся. И не только священная молитва, которую Сам Дух Святый способствует приносить и возбуждает в нас, Ему приятна, ибо Он сего от нас требует, заповедуя «будите во Мне и Аз в вас»¹⁷⁶, но ценно пред Ним даже и каждое по видимости малое дело, для Него соделанное, каждое намерение, побуждение и даже мысль, направленная ко славе Его и ко спасению нашему. За все сие беспредельное милосердие Божие награждает щедро. Любовь Божия воздает благоденствия тысящекратно более, нежели чего достойно деяние человеческое. Если ты сделаешь для Бога на ничтожную лепту, то Он воздает тебе златицею. Если ты токмо вознамеришься пойти ко Отцу, то Он уже и выходит к тебе навстречу. Ты кратким и сухим словом скажешь: «Приими мя! Помилуй мя!». А Он уже объемлет выю твою и лобызает тебя... Вот какова любовь Отца Небесного к нам недостойным! И по сей-то любви Он радуется о каждом и малейшем спасительном движении нашем. Тебе представляется, что какая из того слава Господу и для тебя польза, если ты немного и помолишься, а потом опять развлечешься, или, хотя и сделаешь какое-нибудь маловажное доброе дело, например: прочтешь какую-нибудь молитву, положишь пять или десять поклонов, вздохнешь от сердца и призовешь Имя Иисуса Христа, или заметишь какую добрую мысль, или расположишься прочесть что-либо душеспасительное, или воздержишься от какой-нибудь пищи, или перенесешь малую обиду в молчании. Все это представляется

тебе недостаточным еще к совершенному твоему спасению и как бы бесплодным действием... Нет! Каждое из сих малых деяний не пропадет втуне, будет изочтено всевидящим Оком Божиим и получит сторищную награду не токмо в вечности, но даже и в сей жизни. Это утверждает и святой Иоанн Златоустый. «Никакое добро, — говорит он, — как бы оно маловажно ни было, не будет пренебрежено Судиею Праведным. Если грехи исследываются с такою подробностью, что мы дадим ответ за слова, за желания и за помышления, то кольми паче добрые дела, сколь бы они малы ни были, изочтены будут с особеннейшею подробностью и вменятся нам в заслугу пред любвеобильным нашим Судиею»^{а, 177}.

Я представлю тебе сему пример, самым мною виденный в прошлом году. В бессарабском монастыре, где я жил, был старец, монах хорошей жизни. Однажды напало на него искушение: очень захотелось ему сушеной рыбы. И как в монастыре в это время достать ее было нельзя, то он намеревался пойти на базар и купить... Долго боролся он с сею мыслию и рассуждал, что инок должен довольствоваться общею братскою пищею и всемерно удаляться от сластолюбия, да и по базару, среди толпы людей ходить также монаху неприлично и соблазнительно. Наконец вражеский навет взял верх над его рассуждением, и он, предавшись своеволию, решился и пошел за рыбой. Вышед из обители и идя по городской улице, он заметил, что у него нет в руках четок. И начал размышлять: «Как же я пойду, как воин на войну без меча? Это неприлично! Да и мирские люди, встречаясь, будут осуждать меня и соблазнятся, видя монаха без четок...» Хотел вернуться, чтобы взять их, но, осмотрев в кармане, нашел их тут. Вынул, перекрестился, надел на руку и пошел спокойно. Подходя уже к базару, увидел он у лавок стоявшую лошадь с большим возом огромных кадок. Вдруг сия лошадь, чего-то испугавшись, кинулась бежать из всей мочи и бить копытами, наскочила на него и, задевши его в плечо, повергнула на землю, хотя и не очень ушибла. Вслед за сим, шагах в двух от него, воз опрокинулся и телега разлетелась вдребезги. Скоро вставши, он, конечно, испугался, но вместе и удивился, как Бог сохранил жизнь его, ибо если бы одною малою секундою воз упал прежде, то и он был бы расшиблен вдребезги, как и телега. Не размышляя о сем далее, он купил рыбы, возвратился, покушал и, помолясь, лег уснуть... В тонком сне является пред ним какой-то неизвестный ему благолепный старец и говорит: «Слушай: я — покровитель сей обители и хочу вразумить тебя, чтобы ты понял и помнил урок, данный тебе ныне... Вот смотри: слабая твоя борьба с чувственным услаждением и леность к упражнению в самопознании и самоотвержении дали удобство приступить к тебе врагу, который и приуготовил было для тебя сей погибельный случай, разразившийся пред твоими глазами. Но ангел твой хранитель, предусмотрев сие, внушил тебе мысль сотворить молитву, вспомнить о четках. И как ты внял

^а На правом поле: Сл<ово> к Феод<ору> п<адшему>.

сему внушению, послушался и выразил его на самом деле, то сие самое и спасло тебя от смерти. Видишь ли человеколюбие Божие и щедрое Его воздаяние и за малое к Нему обращение?» Сказавши сие, явившийся старец поспешно пошел из кельи, а монах поклонился ему в ноги и с сим пробудился, ощутив себя уже не на одре, а коленопреклонно простертым у порога двери. Сие видение он тут же рассказал на пользу душевную многим, в том числе и мне.

Подлинно, беспредельна любовь Божия к нам, грешным! Не удивительно ли сие, что за какое малейшее дело, за то, что вынул из кармана четки, и надел на руку, и призвал один раз Имя Божие, за сие самое дана человеку жизнь?.. И на весах судьбы человеческой одна краткая минута призывания Иисуса Христа перевесила многие часы, истощенные в лени? Поистине, воздано здесь за малую лепту златницею! Видишь ли, брат, как сильна молитва и как могущественно Имя Иисуса Христа, призываемое нами? Святой Иоанн Карпафийский в книге Добротолюбия говорит, что когда мы в Иисусовой молитве призываем Иисусово Имя и говорим «помилуй мя, грешного», то на каждое таковое прошение ответствует тайный глас Божий: «Чадо! Отпускаются тебе греси твои»¹⁷⁸ ... И он же продолжает, что в тот час, когда мы творим молитву, ничем не разнствуем от святых, преподобных и мучеников¹⁷⁹, ибо как говорит и святой Златоуст, что «молитва, хотя бы приносилась от нас, преисполненных грехами, тотчас очищает» (Сл<ово> о м<олитве, с.> 23)¹⁸⁰. Великое милосердие Божие к нам, а мы-то, грешные и нерадивые, не хотим и малого часа отдать Ему на благодарение и меняем время молитвы, которая всего важнее, на житейские наши хлопоты и заботы, забывая Бога и свой долг! А за то нередко подвергаемся бедам и напастям, но и сие ко вразумлению нашему и к обращению нас к Богу определяет любвеобильный Промысл Божий.

§ 45. Как кончил купец свою беседу с унтером, я ему и говорю:

— Ну, почтенный, как ты усладил и мою грешную душу, так бы тебе за то и поклонился в ноги!

Он, услышав сие, начал и со мной говорить:

— А, видно ты охотник до духовных-то повестей? Постой же, я сейчас прочту тебе подобное тому, что я рассказывал. Вот со мною, грешным, есть дорожная книжка, называемая «Агапий, или Грешных спасение»¹⁸¹. В ней много чудных происшествий.

Он вынул из кармана книгу да и стал читать мне прекрасную повесть о каком-то благочестивом Агафонике, который с детства приучен был благоверными родителями каждый день непременно прочитывать пред иконою Божией Матери молитву «Богородице Дево, радуйся» и прочее. Это он и исполнял каждодневно. Потом, пришедши в совершенный возраст, стал жить сам по себе и, осуетившись заботами и хлопотами житейскими, редко уже читал сказанную молитву, а наконец и вовсе оставил. В один вечер он принял к себе переночевать странника,

который объявил ему, что он — пустынный из Фиваиды и видел видение, чтоб пойти к Агафонику и упрекнуть его за оставление молитвы к Божией Матери. Агафоник представлял причину оставления ту, что он много лет, читая сию молитву, не видал от того никакой пользы. Тогда пустынный сказал ему: «Вспомни, слепой и неблагодарный, сколько раз помогала тебе молитва сия и избавляла от бедствий? Вспомни, как в отрочестве ты чудно спасен был на реке от потопления! Помнишь ли, как повальная заразительная болезнь многих соседей твоих свела во гроб, а ты остался цел? Помнишь ли, как ты, ехавши с товарищем, упал вместе с ним с повозки: он переломил ногу, а ты ничего не потерпел? Не знаешь ли, что известный тебе бывший здоровый, молодой человек ныне лежит в расслаблении, а ты здоров и не чувствуешь страдания?» И еще многое напомнимши Агафонику, наконец сказал: «Знай, что все таковые случаи отвращены от тебя покровительством Пресвятыя Богородицы за ту краткую молитву, которою ты каждодневно возбуждал свою душу к соединению с Богом. Смотри же, продолжай впредь и не оставляй сею молитвою прославлять Царицу Небесную, доколе не оставлен Ею...»¹⁸².

По окончании сего чтения позвали нас обедать, и мы, подкрепившись и поблагодаривши хозяина, отправились в путь и разошлись каждый в свою сторону, кому куда было надобно.

§ 46. После сего шел я дён пять, утешаясь воспоминанием рассказов, которые слышал от благочестивого купца в Белой Церкви. Потом стал уже подходить к Киеву, как вдруг не с чего почувствовал какую-то тяжесть, расслабление и мрачные мысли; молитва шла с трудом, и нападало какое-то разлечение. И так, чтоб отдохнуть, я, увидевши по стороне дороги небольшой лесок и густой кустарник, пошел туда, чтоб сесть где-нибудь за уединенным кустом да почитать Добротолюбие для подкрепления ослабевшей души и успокоения моего малодушия. Найдя безмолвное местечко, я начал читать преподобного Кассиана Римлянина, в 4-й части Добротолюбия, «О осми помыслах». Почитавши с полчаса с отрадою, я неожиданно увидел сажень в 50 от меня, во глубине леса, человека, который неподвижно стоял на коленях. Я порадовался сему, подумав, что, конечно, он Богу молится, и опять начал читать. Почитавши с час или более, я опять взглянул на одного человека, и он все также неподвижно стоял на коленях. Мне это стало очень умирительно, и я подумал: «Вот есть какие благочестивые рабы Божии». И как я размышлял о сем, вдруг оный человек упал на землю и лежал смирно. Это меня удивило и, как я не видал его в лицо, ибо он стоял на коленях ко мне задом, то меня и взяло любопытство пойти и посмотреть, какой это человек. Подошедши, я нашел его в тонком сне. Это был деревенский парень лет 25-ти, чистый лицом и благообразный, но бледный, босой, в крестьянском кафтане, подпоясанный мочальною веревкою, и больше ничего при нем не было — ни котомки, ни даже посошка. Услышавши шорох моего прихода, он проснулся и встал. Я спросил

его, кто он такой. Он сказал мне, что государственный крестьянин Смоленской губернии, идущий из Киева.

— Куда ж ты теперь путешествуешь? — спросил я.

— И сам не знаю, — ответил он, — куда Бог поведёт...

— Давно ли ты из двора?

— Да уже пятый год.

— Где же ты проживал это время?

— Ходил по разным святым местам: по монастырям да по церквям; ибо мне дома-то жить не у чего. Я безродный сирота, да к тому же и нога у меня хрома, так я и скитаюсь по всему свету...

— Видно, богоугодный какой-нибудь человек научил тебя ходить-то не просто по миру, а по святым местам! — сказал я ему.

— Вот видишь ли, — отвечал он, — я с малства, по сиротству моему, ходил по пастухам в нашем селе, и лет 10 все было благополучно. Наконец, однажды пригнав стадо домой, не догадался, что нет старостиной самой лучшей овцы. А староста наш был злой и бесчеловечный человек. Как он пришел по вечеру домой да увидел, что овцы-то его нет, прибежал ко мне, стал меня ругать и грозить, чтоб я пошел и сыскал его овцу, а то сулил, что «изобью тебя до смерти, руки и ноги переломаю». Я, зная, что он такой злой, пошел за овцой по тем местам, где пас стадо днем. Искал-искал далее полуночи, но нигде и слуху нет. Ночь была такая темная, ибо время было под осень. Как я зашел в самую глубь леса, а леса по нашей губернии непроходимые, вдруг поднялась буря, словно деревья все зашатались, вдали завывали волки, и на меня напал такой страх, что волосы стали дыбом. Что дальше, то становилось ужаснее, и пришлось хоть упасть от страха и ужаса. Вот я и пал на колени, перекрестился да от всех сил и сказал: «Господи Иисусе Христе, помилуй меня!» Только что я сказал это, то вдруг так стало мне легко, как будто никакой скорби и не бывало, и робость вся прошла, а на сердце-то так почувствовал хорошо, как будто бы на небеса взлетел... Я обрадовался сему, да и ну-дко беспрестанно говорить сию молитву. И уже не помню, долго ли была буря, и как ночь прошла, а гляжу — уже настал и белый день, а я всё стою на одном месте на коленях. Вот я встал спокойно, вижу, что не найти мне овцы, так и пошел домой, а на сердце-то у меня всё хорошо и молитву-то говорить так и хочется... Как только пришел в село, то староста, увидев, что я овцы не привёл, избил меня до полусмерти, вот и ногу-то тогда мне вывихнул. Так я после сих побоев шесть недель и лежал почти недвижимый, только и знал, что творил молитву, и она меня утешала... Потом я маленько пооклемался¹⁸³, да и стал ходить по миру, а как мне между народом беспрестанно толкаться показалось скучно, да и много греха, то я и пошел странствовать по святым местам да по лесам. Вот так и хожу теперь пятый год!

Слушая сие, я радовался душою, что Господь сподобил меня увидеть такого благодатного человека, да и спросил его:

— Так и ныне ты часто занимаешься молитвою-то?

— Да нельзя без того и быть, — ответил он, — если только вспомню, как было мне хорошо в первый раз в лесу-то, так словно кто-нибудь толкнет меня на колени, я и стану молиться... Не знаю, угодна ли Богу моя грешная молитва, ибо, помолясь, иногда чувствую великую радость и, сам не знаю от чего, легкость и веселое успокоение, а иногда тягость, скуку и уныние. Но при всем том, всегда до смерти молиться всё хочется...¹⁸⁴

— Не смущайся, любезный брат. Всё благоугодно Богу и всё спасительно, что бы ни последовало во время молитвы. Говорят святые отцы: легкость ли, тягость ли — всё хорошо; никакая молитва — ни хорошая, ни худая — не пропадет пред Богом!¹⁸⁵ Легкость, теплота и сладость показывают, что Бог награждает и утешает за сей подвиг, а тягость, мрачность и сухость означает, что Бог очищает и укрепляет душу и сим полезным терпением спасает ее, приуготовляя со смирением ко вкушению будущей благодатной сладости. Вот в доказательство сего я прочту тебе из святого Иоанна Лествичника!

Я отыскал тут же сию статью и прочел ему¹⁸⁶. Он выслушал со вниманием и удовольствием и очень благодарил меня за оное. И так мы простились. Он пошел целиком в глубь леса, а я, вышедши на дорогу, продолжал путь мой, благодаря Бога, сподобившего меня, грешного, получить таковое назидание.

§ 47. На другой день, с помощью Божиею, я пришел в Киев. Первое и главное желание мое было, чтобы поговеть, исповедаться и причаститься Святых Христовых Таин в сем благодатном месте, а потому я и остановился поближе к угодникам Божиим, дабы удобнее было ходить в храм Божий. Меня принял в свою хижину добрый старый казак, и, как он жил одинокий, то мне у него было спокойно и безмолвно. В продолжении недели, в которую я готовился к исповеди, мне пришла мысль, чтобы как можно подробнее исповедаться. Я и начал от юности моей вспоминать и перебирать все мои грехи в самой подробности, а чтобы все это не забыть, я начал всё, что вспомню, записывать, до самых даже мелочей, и написал большой лист. Услышавши, что за 7 верст от Киева, в Китаевой пустыни есть духовник подвижнической жизни, и весьма мудрый и благоразумный: кто ни побывает у него на духу, приходит в чувство умиления и возвращается с спасительным наставлением и легкостью в душе. Сие очень меня возрадовало, и я немедленно пошел к нему.

Посоветовавшись и побеседовавши, я подал ему свой лист на рассмотрение. Прочитавши оный, он сказал мне:

— Ты, любезный друг, написал много пустого. Вот слушай:

1) не должно на исповеди произносить тех грехов, в коих ты прежде калялся и разрешен и не повторял их, а иначе это будет означать недоверчивость к силе таинства исповедания;

2) не должно вспоминать других лиц, соприкосновенных к грехам твоим, а только одного себя осуждать;

3) святые отцы запрещают произносить грехи со всеми околичностями, а признаваться в них вообще, дабы частным разбором оных не возбудить соблазна в себе и в духовнике;

4) ты пришел каяться, а не каешься в том, что не умеешь каяться, то есть хладно и небрежно приносишь покаяние;

5) мелочи ты все перечел, а самое-то главное и упустил из вида — не объявил самых тяжких грехов, не сознал и не записал, что а) ты не любишь Бога, б) ненавидишь ближнего, с) не веруешь слову Божию и d) преисполнен гордостью и сластолюбием... В сих четырех грехах совмещается вся бездна зла и всё наше душевное развращение. Они суть главные корни, от коих производятся все отростки наших грехопадений!

Услышавши это, я удивился да и начал говорить:

— Помилуйте, преподобный батюшка, как же можно не любить Бога, Создателя и покровителя нашего? Чему же и верить, как не слову Божию, в нем все истинно и свято? А каждому ближнему я желаю добра, и за что же мне его ненавидеть? Гордиться же мне нечем, кроме бесчисленных грехов моих я ничего похвального не имею. Да и куда уже, по моей бедности и хворости, мне сластолюбовствовать^а и похотствовать?.. Конечно, если бы я был какой-нибудь образованный или богатый, то неоспорно, что был бы и виноват против сказанного Вами...

— Жалко, любезный, что ты мало понял то, что я тебе объяснил. Дабы скорее вразумить и убедить тебя, вот я дам тебе списочек, по которому я и сам всегда исповедуюсь. Прочти его, и ты ясно увидишь точные доказательства всего того, о чем я тебе сейчас говорю.

Духовник подал мне оный список, и я стал читать его...

— Да вот, коли угодно, я Вам покажу его, он со мною, ибо духовник благословил мне его на путь. Вот, извольте прочесть!

Чтение:

ИСПОВЕДЬ ВНУТРЕННЕГО ЧЕЛОВЕКА, ВЕДУЩАЯ КО СМИРЕНИЮ

Внимательно обращая взор мой на самого себя и наблюдая ход внутреннего моего состояния, я опытно уверился, что я не люблю Бога, не имею любви к ближним, не верю ничему религиозному и пренаполнен гордостью и сластолюбием. Все это я действительно нахожу в себе посредством подробного рассматривания моих чувств и поступков, как то:

1. Я не люблю Бога. Ибо, если бы я любил Его, то непрестанно бы размышлял о Нем с сердечным удовольствием, каждая мысль о Боге доставляла бы мне отрадное наслаждение, как, напротив, я гораздо чаще и гораздо охотнее размышляю о житейском, а мышление о Боге составляет для меня труд и сухость. Если бы я любил Его, то собеседование

^а *Испр., в ркп: сластолюбовствовать.*

с Ним чрез молитву питало бы меня, наслаждало и влекло к непрерывному общению с Ним, как, напротив, я не токмо не наслаждаюсь молитвою, но еще при отправлении ее чувствую труд, борюсь с отвращением, расслабляюсь леностию и готов с охотою чем-нибудь маловажным заняться, только бы сократить или престать от молитвы. В пустых занятиях время мое летит бесприметно, а при занятии Богом, при поставлении себя в Его присутствие каждый час мне кажется годом. Кто кого любит, тот в продолжении дня беспрерывно о нем мыслит, воображает его, заботится о нем, и при всех занятиях любимый друг его не выходит из его мыслей, а я в продолжении дня едва ли отделяю и один час, чтобы глубоко погрузиться в размышление о Боге и воспламенять себя к Его любви, а двадцать три часа охотно и с удовольствием приношу ревностные жертвы страстным моим идолам!.. В беседах о предметах суетных, о предметах, низких для духа, я бодр, я чувствую удовольствие, а при рассуждении о Боге я сух, скучлив и неохотен. Если же и невольно бываю увлечен другими к беседе божественной, то стараюсь скорее переходить к беседе, льстящей страстям моим. Неумоимо любопытствую о новостях, о гражданских постановлениях, о политических происшествиях, алчно ищу любознательности в науках светских, в художествах, в приобретениях, а поучение в законе Господни, а изучение познаний о Боге, о религии не делают на меня впечатления, не питают души моей; и я сие почитаю не токмо несущественным занятием христианина, но как бы сторонним и побочным предметом, подлежащим упражнению моему разве только в свободное время или на досуге. Кратко сказать, если любовь к Богу познается по исполнению Его заповедей: «Аще любите Мя, заповеди Моя соблюдайте»¹⁸⁷, — говорит Господь Иисус Христос; а как я заповедей Его не токмо не соблюдаю, но даже и мало стараюсь о сем, то по самой чистой истине следует заключить, что я не люблю Бога... Сие утверждает и святой Василий Великий, говоря: «Доказательством, — (говорит он,) — что человек не любит Бога и Христа Его, есть то, что он не соблюдает заповедей Его» (Нравств<венные> прав<ила>, 3)¹⁸⁸.

2. Я не имею любви к ближним. Ибо не только не могу решиться для блага ближнего положить душу мою (по Евангелию), но даже и не жертвую моею честию, моим благом и чувственным спокойствием для блага ближнего. Если бы я его любил, по Евангельской заповеди, как самого себя, то нещастие его поражало бы и меня, благополучие его приводило бы и меня в восхищение. Как, напротив, я выслушиваю любопытнее нещастные повести о ближнем, не сокрушаюсь ими и бываю равнодушным или, что еще преступнее, нахожу как бы удовольствие в оном, и худые поступки брата моего не покрываю любовью, но, с осуждением его, разглашаю, как бы должное. Благосостояние, честь и щастие его не восхищают меня, как собственное, а совершенно как стороннее, не производит во мне радостного чувства, но еще тонко возбуждает во мне как бы зависть или презрение.

3. Я не верю ничему религиозному, ни бессмертию, ни Евангелию. Если бы я был твердо убежден и верил, что за гробом есть жизнь вечная с возмездием за дела земные, то я беспрестанно размышлял бы о том; самая мысль о бессмертии ужасала бы меня, и я проводил бы жизнь сию как пришелец, готовящийся вступить в свое отечество. Напротив, я и не думаю о вечности и конец настоящей жизни как бы почитаю пределом моего существования. Тайная мысль гнездится во мне: «Кто знает, что будет по смерти?» Если и говорю, что верю бессмертию, то это говорю только по разуму, а сердце мое далече отстоит от твердого убеждения в оном, что открыто свидетельствуют поступки мои и забота о благоустройстве чувственной жизни. Когда бы святое Евангелие как слово Божие было с верою принято в мое сердце, я бы беспрерывно занимался оным, изучал бы его, наслаждался бы им и с глубоким благоговением даже взирал бы на него. Премудрость, благость и любовь, в нем сокрытые, приводили бы меня в восхищение, я наслаждался бы поучением в законе Господни день и ночь¹⁸⁹, питался бы как ежедневною пищею и сердечно влекся к исполнению его правил. Ничто земное не сильно было бы отклонить меня от всего того. Как, напротив, если я изредка и читаю или слушаю слово Божие, но и то или по необходимости, или для любознательности, и при сем не входя в глубочайшее внимание, чувствую сухость, незанимательность, встречаю темноту и как бы обыкновенное чтение оставляю без всякого плода и охотно готов заменить его чтением светским, в коем нахожу более удовольствия, более новых занимательных предметов.

4. Я преисполнен гордости и чувственного себялюбия. Все поступки мои сие подтверждают: видя в себе доброе, желаю поставить его на вид, или кичусь им пред другими, или внутренне люблю собою, хотя и притворяю наружное смирение, приписываю все своим силам и почитаю себя превосходнейшим других или, по крайней мере, не худшим. Если замечу в себе порок, стараюсь извинять его и покрыть личною необходимостью или невинности. Сержусь на не уважающих меня, почитаю их не умеющими ценить людей. Дарованиями тщеславлюсь, неудачи в предприятиях почитаю для себя оскорбительными, ропщу и радуюсь нещастию врагов моих. Если и стремлюсь к чему-либо доброму, то имею целию или похвалу, или своекорыстие духовное, или светское утешение. Словом, я беспрестанно творю из себя собственного кумира, которому и совершаю непрерывное служение, ища во всем услаждений чувственных и пищи для сластолюбивых моих страстей и похотений.

Из всего перечисленного я вижу себя гордым, злободеем, неверующим, нелюбящим Бога и ненавидящим ближнего! Какое состояние может быть греховнее?... Состояние духов тьмы лучше моего положения, они хотя не любят Бога, ненавидят человеков, живут и питаются гордостью, но, по крайней мере, веруют, трепещут от веры¹⁹⁰. А я? Может ли быть участь бедственнее той, которая предстоит мне, и за что строже

и наказательнее будет определение суда как не за таковую невнимательную и безрассудную жизнь, которую я сознаю в себе?..¹⁹¹

Прочитавши сие, данное мне духовником, исповедание, я ужаснулся да и подумал сам в себе: «Боже мой! Какие страшные кроются во мне грехи, и до сих пор я их не замечал!» И так желание очистить их заставило меня просить наставления сего великого отца духовника: каким бы образом, вызнавши причины сих зол, найти способ к исправлению? Вот он и начал мне толковать:

— Видишь ли, любезный брат, причина нелюбви к Богу есть неверие, причина неверия — неубеждение, а причина неубеждения есть неискание светлых и истинных познаний, нерадение о просвещении духовном! Словом сказать, не веря, нельзя любить; не убедясь, нельзя верить; а чтобы убедиться необходимо снискать полные и обстоятельные познания предположенного предмета, необходимо следует посредством размышлений, изучения слова Божия и опытных наблюдений возбудить в душе жажду правды и вожделение, или, как иные выражаются, «удивление», которое производит неутолимое желание ближе и совершеннее познать вещи, глубже проникать в свойства предмета...

Один духовный писатель рассуждает о сем так: «Любовь, — говорит он, — обыкновенно развивается познанием, то чем больше будет глубокости и пространства в познании, тем более будет любви и тем удобнее размягчается душа и располагается к любви Божественной, прилежно рассматривая самое пресоввершеннейшее и преизящнейшее существо Божие и беспредельную Его любовь к человеку»¹⁹². Вот теперь видишь, что причина прочтенных тобою грехов есть леность к разумичному занятию, погашающая чувство потребности оного. Неведение, небрежение о снискивании подробнополных познаний, доступных для каждого по его мере. Если ты желаешь узнать и средства к победе сего зла, то всемерно старайся о просвещении духовном, достигай его прилежным занятием словом Божиим, учениями святых отцов, размышлениями и духовным советом или собеседованием с мудрыми о Христе и замечанием опытов...

Ах! Любезный брат, сколько бедствий встречаем мы от того, что ленимся просвещать душу нашу словом истины, не поучаемся в законе Господни день и ночь¹⁹³, и не молимся о том прилежно и неотступно! А от сего и внутренний человек наш и гладен, и хладен, и истощен, не имея силы к бодрственному шествию путем правды и спасения!.. И так, чтобы воспользоваться сими средствами, решимся, возлюбленный, сколь можно чаще наполняться размышлениями о предметах небесных, и любовь, излившаяся свыше в сердца наша, разовьется и воспламенится в нас! Будем вместе с сим и сколь можно чаще молиться, ибо молитва есть главнейший способ и сильнейшее средство к нашему обновлению и преспеянию! Будем молиться, взывая так, как учит Святая Церковь: «Господи, сподоби мя ныне возлюбити Тя, якоже иногда возлюбих той самый грех!»^{194, 195}.

§ 48. Со вниманием выслушав все это, я умиленно просил сего святого отца исповедовать меня и сподобить Святых Христовых Таин. И так на утро удостоившись Причащения, я хотел возвратиться в Киев с сим благодатным напутствием, но сей добрый мой отец, намереваясь идти на два дни в Лавру, оставил меня на сие время в своей пустынной келии, дабы беспрепятственнее предаться молитве в сем безмолвии. И подлинно, оба дня сии я провел как бы на небе. По молитвам старца моего я, недостойный, наслаждался совершенным успокоением. Молитва так легко и усладительно изливалась в сердце моем, что я в сие время, кажется, забыл о всём и о себе, токмо и воображался восхитительно один Иисус Христос!

Наконец духовник возвратился, и я просил его наставления и совета, куда бы теперь продолжать мне страннический путь мой. Он мне благословил так: «Поди-ка ты в Почаев и поклонись там Чудотворной Стопе Пречистой Божией Матери, и Она направит стопы твои на путь мирен...» Так я, с верою принявши совет сей, чрез три дня и пошел в Почаев.

§ 49. Не без скуки шел я верст 200, ибо дорога пролегала чрез шинки и слободы еврейские и редко встречались христианские жилища. В одном хуторе увидел я русский христианский постоялый двор и, обрадовавшись сему, зашел туда переночевать и попросить на дорогу хлеба, ибо сухари мои подходили уже к концу. Здесь увидел я хозяина — старика, как по видимому — зажиточного, и услышал, что он одной со мною Орловской губернии. Как скоро вошел я в горницу, то первый вопрос его был: «Какой ты веры?» Я ответил, что православной христианской... «Какое у вас православие! — с усмешкой сказал он, — у вас православие-то только на языке, а в делах-то у вас басурманское поверье... Знаю, брат, вашу-то веру! Меня самого один ученый поп соблазнил было и ввел во искушение, я и перешел в вашу церковь, да, побывши полгода, опять возвратился в наше согласие. В вашу и церковь-то соблазнительно прийти: службу Божию дьячки кое-как бормочат, и все с пропусками и непонятицей, а пение-то по селам не лучше как в шинке, а народ-то стоит как попало, мужчины вместе с женщинами, во время службы разговаривают, вертятся по сторонам и оглядываются, и ходят взад и вперед, так что и не дадут спокойно и в тишине помолиться. Так что это за служба Божия? Это один только грех!.. А у нас-то как благочестиво: служба-то внятно, без пропуска, пение-то умирительно, да и народ-то тихо стоит: мужчины особо, женщины особо, и все знают, где и когда какой поклон положить по уставу Святой Церкви. Именно, как придешь в нашу церковь, то чувствуешь, что на службу Божию пришел, а в вашу церковь пришедши, не образумишься куда пришел — в храм или на базар?..»

Слушая это, я понял, что сей старик — закоренелый раскольник, но как говорил он правдоподобно, то я и не мог с ним спорить и обращать его, а только сам в себе подумал, что нельзя обратить

старообрядцев к истинной Церкви до тех пор, покуда у нас не исправится церковное богослужение и не покажет сему примера в особенности духовный чин... Раскольник ничего внутреннего не знает, он опирается на наружности, а у нас-то и небрегут о ней!

§ 50. И так я хотел отсюда уйти и вышел уже в сени, как неожиданно увидел в растворенную дверь в особой каморке человека, по виду не русского, лежавшего на кровати и читавшего книгу. Он поманил меня к себе, спросил: кто я такой? Я объявил ему... Вот он и начал со мною говорить:

— Послушай, любезный, не согласишься ли мне, больному, послужить хоть неделю, покуда я при помощи Божией поправлюсь? Я грек, монах из Святой Афонской горы, живший в России для сбора на обитель, и вот, возвращаясь к своему месту, сделался болен, так что не могу и ходить от боли ног, потому и нанял здесь сию квартиру. Не откажись, рабе Божий! Я заплачу тебе...

— Не нужно мне никакой платы, я с усердием послужу Вам, чем могу, ради Имени Божия.

Так я при нем и остался. Много наслушался я от него о душеспасительных вещах! Рассказывал он о Святой Афонской горе, о великих там подвижниках и о многих отшельниках и затворниках. При нем было Добротолюбие на греческом языке и книга Исаака Сирина. Мы вместе читали и сличали славянский перевод Паисия Величковского с подлинником греческим, причем он отозвался, что нельзя точнее и вернее перевести с греческого, как переведено Паисием на славянский язык Добротолюбие¹⁹⁶. Как я заметил, что он беспрестанно молится и искусен во внутренней молитве сердца (и чисто говорит по-русски), то и расспрашивал его по сему предмету. Он с охотою много рассуждал о сем, и я слушал со вниманием, даже и записал многие слова его. Вот, например, он толковал мне о превосходстве и величии Иисусовой молитвы так:

— Величие Иисусовой молитвы, — говорил он, — открывает даже самая ее форма, которая, состоя из двух частей, в первой из оных, то есть «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий», вводит разум в историю жизни Иисуса Христа или, как выражаются святые отцы, «сокращает в себе всё Евангелие», а во второй части, то есть «помилуй мя, грешного!», представляет историю нашей немощи и греховности¹⁹⁷. При сем замечательно, что нельзя премудрее, существеннее и отчетливее выразить желание и прошение бедной, грешной и смиренной души, как сим словом «помилуй мя!» Всякое иное выражение не было бы так достаточно и полно, как сие... Например, если бы сказать: «Прости мя! отпусти грехи, очисти беззакония, изгладь преступления!» — все это выражало бы одно токмо прошение о избавлении от наказания вследствие страха робкой и нерадивой души. Но изречение «помилуй мя!» изображает не одно токмо желание получить прощение, возбужденное страхом, но представляет

и искренний вопль сыновней любви, надеющейся на милосердие Божие и смиренно сознающей свое бессилие к преломлению воли и духовному бодрствованию над собою, — вопль о помиловании, то есть не токмо о прощении грехов, но и о ниспослании милости, являемой в даровании духа силы от Бога, духа, укрепляющего противостать искушениям и побеждать греховную наклонность, подобно как должник-нищий просит милостивого заимодавца не токмо простить ему долг, но и подать еще милостыню, сжалившись на его крайнюю бедность... Сие глубокое изречение «помилуй мя!» выражает, как бы так сказать: «Милостивый Господи! Прости мне грехи и помози исправить жизнь мою, разверзи в душе моей неленостное стремление к последованию Твоим повелениям, сотвори милость прощением содеянных грехов и обращением рассеянного ума, воли и сердца моего к Тебе Единому!»¹⁹⁸

После сего, когда я удивлялся сим мудрым речам его и благодарил за назидание грешной души моей, он и еще протолковал мне замечательную вещь.

— Если хочешь, — сказал он, — то я и еще тебе расскажу (и как-то назвал по ученому, ибо говорил, что учился в Академии Афинской) об интонации Иисусовой молитвы. Вот, смотри. Многократно случилось мне слышать, как многие из богобоязненных христиан творят устную Иисусову молитву по заповеди слова Божия и преданию Святой Церкви, и выполняют сие не токмо в домашнем молении, но и в храме Божиим. Внимательно и с приятностию прислушиваясь к сему тихому произношению молитвы, можно ради душевной пользы заметить, что нота сего молитвенного гласа у многих бывает различна, а именно: иные, возвышая тон на самом первом слове молитвы, то есть сказав «Господи», прочие все слова доканчивают с понижением голоса и единообразно. Другие, начиная молитву низшим тоном, возвышают его на середине молитвы, то есть на слове «Иисусе», и, делая восклицание, прочие слова опять доканчивают с понижением тона, так как начали. Иные, начав и продолжая предшествовавшие слова молитвы низким однообразным тоном, на последнем слове, то есть «помилуй мя!», возвышают тон с восхищением. А некоторые, произнося всю полную молитву, то есть «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного!», делают повышение и восторжение на одном токмо слове «Сыне Божий!»...

Теперь смотри, молитва — одна и та же, православные христиане держат вероисповедание одно и то же. Общее понятие, что сия, самоважнейшая и высшая всех молитв, молитва содержит в себе два предмета, Господа Иисуса и Его умилоствление¹⁹⁹, всем одинаково известно. Почему же не все одинаково выражают ее в интонации, то есть в произношении?.. Почему не на одном и том же, но на известном каждому месте, в особенности восторгается и умиляется душа и выражается в особенном возвышенном и напряженном тоне?.. Может быть, на сие многие скажут, что это происходит вследствие навыка, или примера, взятого с других, или по понятию, соответствующему разумичному взгляду

каждого, или, наконец, кому как легче и удобнее произносить по состоянию способности его к слову... А я об этом думаю совсем иначе. Мне желательно поискать здесь чего-либо высшего, неведомого не токмо прислушивающимся, но даже и самому молящемуся: нет ли здесь тайного движения Духа Святого, «ходатайствующего воздыханиями неизглаголаннскими»²⁰⁰ в не ведущих, како и о чем помолиться? И если всяк молится во Имя Иисуса Христа Духом Святым, по извещению апостола²⁰¹, то тайнодействующий Святой Дух, «даяй молитву молящемуся»²⁰², вместе с сим, каждому противу силы его, может подавать и благодатный дар Свой. Иному благоговейный страх Божий, иному любовь, иному твердость веры, и иному умиленное смирение, и прочее. А посему, получивший дар благоговей и прославлять державу Вседержителя и в молитве своей выражает с особенным чувством и восторгом слово «Господи», в котором подразумевает он величие и власть Творца мира. Получивший таинственное излияние в сердце любви, преимущественно восторгается и проникается сладостию, восклицая «Иисусе Христе», подобно как некий старец (В<асилиск>) без особенного восторга любви и сладости не мог слышать имени «Иисусе», произносимого даже и в простом разговоре²⁰³.

Непоколебимо верующий в Божество Иисуса Христа, Единосущное Богу Отцу, воспаляется и еще более твердеет в вере, произнося слово «Сыне Божий». Получивший дар смирения и глубоко сознающий собственное бессилие, при словах «помилуй мя!» сокрушается, смиряется и с преимущественным напряжением изливается при сих последних словах Иисусовой молитвы, питает надежду на милосердие Божие и гнушается собственных падений. Вот причины, как думаю, разности интонации и акцентов при произношении молитвы во Имя Иисуса Христа!.. А из сего замечания и можно при слышании понимать (во славу Божию и собственное назидание), кто в особенности каким проникнут чувством и кто какой имеет духовный дар.

На сие мне некоторые говорили: «Почему же все сии признаки тайных духовных даров не проявляются вместе, в совокупности? Тогда бы не одно, но каждое слово молитвы проникалось бы единообразной, восторженной интонацией молящегося...» Я отвечал на сие следующим образом: «Так как благодать Божия разделяет дары премудро и различно, каждому противу силы его, как видно из Священного Писания»²⁰⁴, то кто может сие испытывать и входить ограниченным разумом в распоряжения благодати? Брение не состоит ли в полной власти скудельника, и не властен ли он делать то или другое из брения²⁰⁵?»²⁰⁶

Дней пять провел я с сим старцем, и он понемногу стал укрепляться в силах и поправляться здоровьем. Время сие так было для меня наслаждением, что я не замечал, как оно летело, ибо мы в сей каморке, как в безмолвном затворе, решительно ничем другим не занимались, как только молились, тайно призывая Имя Иисуса Христа, или беседовали об одном же токмо предмете, то есть о внутренней молитве.

§ 51. Однажды зашел к нам какой-то богомолец и очень сетовал, скорбел и бранил евреев, селениями коих он шел и терпел от них неприятности и обманы. До того он был на них ожесточен, что проклинал их и признавал недостойными даже и жить на земле, по их упорству и неверию, и наконец сказал, что он имеет непреодолимое отвращение к ним... Выслушав сие, мой старец начал его вразумлять:

— Напрасно, друг мой, — сказал он, — ты так бранишь и проклинаешь евреев. И они такое же создание Божие, как и мы, о них надо сожалеть и молиться, а не проклинать. Поверь, что омерзение твое к ним происходит от того, что ты не утвержден в любви Божией и не имеешь внутреннего молитвенного залога, а потому не имеешь и внутреннего мира... Я прочту тебе о сем в святых отцах. Послушай, что пишет Марко Подвижник: «Душа, внутренне соединившаяся с Богом, от величайшей радости бывает как незлобивое и простосердечное дитя, и уже не осуждает никого — ни еллина-язычника, ни иудея, ни грешника, но на всех зрит без различия чистым оком и одинаково радуется о всем мире, и желает, да все — и еллины, и евреи, и язычники — прославляют Господа»²⁰⁷. А египетский Великий Макарий говорит, что «внутренние созерцатели толикою любовью располагаются, если бы возможно было, то всякого бы человека в утробу свою вселили, не различая злого от доброго»²⁰⁸. Вот слышишь, любезный брат, как рассуждают святые отцы? А потому и советую тебе, отложивши ярость, смотреть на всё как находящееся под Промыслом Всеведущего Бога и при встрече со скорбями преимущественно обвинять себя в недостатке терпения и смирения.

Наконец прошла неделя, и с лишком. Старец выздоровел, и я, от души поблагодаривши его за все благие наставления, простился с ним. Он поехал в свое место, а я пошел в предположенный путь мой...

§ 52. Вот уже начал я приближаться и к Почаеву. Не доходя верст ста, нагнал меня какой-то солдат. Разговорились. Я спросил его, куда он идет. Он сказал мне, что на родину, в Каменец-Подольскую губернию. В молчании пройдя с ним верст 10, я заметил, что он тяжело вздыхает, как бы о чем-то грустит, и весьма мрачен. Я спросил его:

— Отчего ты так печален?

А он и начал приставать ко мне и говорить:

— Добрый человек! Если ты уже заметил скорбь мою, то побожись накрепко и поклянись, что никому не донесешь, и я все расскажу тебе о себе, ибо мне смерть приходит, а посоветоваться не с кем...

Я заверил его по-христиански, что мне нет никакой нужды никому ни о чем твоим доносить, и я по любви братской рад подать совет, какой могу. Он и стал мне рассказывать.

— Видишь ли ты, я был отдан в солдаты из господских крестьян. Прослуживши 5 лет, мне стало невыносимо трудно, да и часто меня колотили за неисправность да за пьянство. Я и вздумал бежать. Вот теперь уже пятнадцатый год в бегах. Лет шесть я скитался и укрывался кое-где.

Воровал по клетям да по анбарам, уводил лошадей, подламывал лавки и промышлял сим всё один, а покраденное сбывал разным знакомым плутам. Деньги пропивал, развратничал и все грехи творил, только душ не губил. И все шло благополучно. Наконец, попался я в острог за бродяжничество без пашпорта, но и оттуда, нашедши случай, бежал. Потом нечаянно встретился я с солдатом же, который с чистою отставкою шел домой в дальнюю губернию. И как он был болен и едва мог идти, то и попросил меня довести его до ближней деревни, дабы удобнее там найти квартиру. Я его и довёл. Нас десятский пустил ночевать в сарай на сено, там мы и легли. Проснувшись рано поутру, я взглянул, а уж мой солдат умер и весь окостенел. Я поскорее ну-дко шарить его вид, то есть отставку, и как нашел ее, да и денег порядочно, то поскорее, покуда еще все спали, из сарая-то вон, да задворками, да в лес... Так и ушел.

Прочитал его пашпорт и увидел, что и лета-то, и приметы-то его со мною почти сходны. Я обрадовался сему да и пошел смело в далекую Астраханскую губернию. Там я стал остепеняться и наниматься по работникам. Вот и пристал я к старику мещанину, который имел свой дом и торговал скотом. Он был одинокий, жил только с дочерью-вдовою. Я, проживши у него год, женился на оной его дочери. Потом старик умер. Мы торговли поддержать не умели: я опять стал пить, жена тоже, и в год прожили все, что осталось после старика. Наконец и жена моя захворала и умерла. А я^а продал уже и все последнее, и дом, и деньги вскоре промотал. Жить стало нечем и кормиться не на что. Вот я и принялся опять за прежнее ремесло, и ну промышлять воровством, да еще и смелее, ибо имел пашпорт... Так опять я и развращался с год. В одно время долго мне не удавалось ничего украсть, я и увёл у бобыля старую худую лошаденку, да и продал ее за полтинник на живодеёрню. Взявши деньги, пошел в кабак, выпил вина, да и задумал пойти в одну деревню, где была свадьба, чтобы как все после пира заснут, то украсть бы что попадет получше. Как солнышко не совсем еще закатилось, то я и пошел в лес, чтобы дожждаться полночи. Прилегши там, крепко я заснул.

Вот и вижу во сне, что я стою на обширном красивом лугу. Вдруг начала на небе надвигать страшная туча, и вскоре такой сильный раздался громовой удар, что земля подо мной раззинулась и меня как словно кто вколотил по самые плечи в землю, которая со всех сторон меня защемила, одна голова да руки остались наруже^б. Потом сия грозная туча как бы спускалась на землю, и из оной вышел мой дед, умерший лет двадцать. Он был человек благочестивый и находился 30 лет церковным старостою в нашем селе. С сердитым и грозным видом он подошел ко мне, и я затрясся от страха. Взглянувши около себя, я увидел вблизи несколько куч вещей, которые я в разные времена крал. Я еще больше испугался. Дед мой, подошедши ко мне и указывая на первую кучу,

^а Добавлено карандашом над строкой.

^б Так в ркп.

грозно сказал: «Это что? Давите его!» И вдруг земля со всех сторон начала так сильно сжимать и сдавливать меня, что я, не могши переносить боли, тоски и истомы, застонал и закричал: «Помилуйте!» Но мучение все продолжалось... Потом дед указал на другую кучу и также сказал: «А это что? Давите его сильнее!» И я почувствовал такую сильную боль и тоску, что никакое мучение на сей земле не может с сим сравняться. Наконец оный дед мой близко подвел ко мне ту лошаdёнку, которую я вчера украл, и крикнул: «А это что? Давите его как можно больнее!» И меня так мучительно^а сдавило со всех сторон, что я не могу и пересказать, как было жестоко, страшно и истомно, точно как будто все жилы из меня тянуло, и с ужасною болью душило так, что невозможно было терпеть. И надо бы упасть без памяти, если бы сие мучение хотя немного продолжилось, но подведенная лошаdенка брыкнула и задела меня в щёку, которую и рассекла...

В этот миг — при сем ударе, я проснулся весь в ужасе и трясуся как расслабленный. Взглянул, а уж белый день и солнце всходит. Хватил за щеку, а из неё течет кровь, а те места, которые были в земле, все как словно одервенели, и как мурашки по ним ползают. В сем испуге я едва кое-как встал и пошел домой. Щека у меня долго болела, вот видишь — и теперь шрам, которого прежде не было. И так после сего видения часто стал нападать на меня страх и ужас, и как только вспомню ту муку, которая мне грезилась, то и начнет делаться тоска и истома, и так мучительно, что не знаю, куда и деваться... Что дальше, то стало сие представляться чаще, и наконец я стал бояться людей и стыдиться, как будто все узнали бывшее мое плутовство. Потом от сей грусти я не мог ни пить, ни есть, ни спать, и как стена²⁰⁹ шатался. Думал было идти в свой полк и во всем признаться: потерпевши наказание, авось Бог избавил бы грехов. Но боялся и оробел, потому что прогонят сквозь строй. И так, выходя из терпения, хотел было удавиться. Но пришли мысли, что и так уже мне жить недолго и скоро умру, ибо вся сила пропала, то я и вздумал пойти проститься с родиной и там умереть. У меня на родине есть родной племянник, вот теперь туда и иду уже полгода, а все грусть и страх меня мучат... Как ты думаешь, добрый человек, что мне делать? Ведь уже терпения моего не хватает!..

Выслушав все это, я удивился сам в себе и прославил премудрость и благость Божию, видя как она различными способами обращает грешников, да и стал ему говорить:

— Любезный брат! Ты бы во время-то страха и тоски молился Богу. Это главное врачевство от всех наших скорбей...

— Да никак нельзя! — сказал он. — Мне думается, что как скоро я стану на молитву, то тут же меня Бог исковеркает...

— Пустое, брат! Эти мысли дьявол тебе влагает. Бог бесконечно милосерден, и соболезнует о грешниках, и прощает кающихся вскоре. Ведь

^а Две последние буквы добавлены карандашом.

ты знаешь Иисусову молитву, то есть «Господи Иисусе Христе, помилуй мя, грешного!»? Вот ее беспрестанно и говори...

— Да как не знать этой молитвы, я когда и воровать-то ходил, то иногда читал ее, чтоб было смелее.

— Так вот смотри же теперь, Бог тебя не коверкал и тогда, когда, шедши на беззаконие, ты творил молитву, а будет ли погублять тебя, когда ты на пути покаяния станешь молиться? Теперь видишь ли, что мысли твои суть вражеские?.. Поверь, любезный, если будешь беспрестанно говорить сию молитву, несмотря на то, что бы ни приносилось тебе в мысли, то скоро почувствуешь отраду, весь страх и тягота твоя пройдет, и ты напоследок совершенно успокоишься, будешь благоговейным человеком, и все греховные страсти пропадут. Заверяю тебя в этом потому, что я много видал сие на опыте.

Я при сем рассказал ему несколько случаев, при коих Иисусова молитва оказывала чудотворную свою силу над грешниками. Наконец, стал его уговаривать, чтоб он прежде родины своей зашел бы со мною к Почаевской Божией Матери, прибежищу грешных, и там исповедался бы и причастился. Все сие солдат мой слушал со вниманием и, как было приметно, с радостью. И так он на всё сие согласился. Мы и пошли в Почаев вместе, с тем условием, чтоб ничего одному с другим не говорить, а беспрестанно творить бы Иисусову молитву. С таковым безмолвием шли мы целые сутки. На другой день он сказал мне, что чувствует себя легче; и, как по-видимому, он был спокойнее прежнего. На третьи сутки мы пришли в Почаев, и я опять ему подтверждал, чтобы он ни днем ни ночью, покуда не заснет, не прекращал бы молитвы, и уверял его, что Святейшее Имя Иисусово, нестерпимое врагам, сильно спасти его. И при сем прочитал ему из Добротолюбия о том, что хотя и на всякое время должно творить Иисусову молитву, в особенности же и с преимущественною тщательностью прилежать ей тогда, когда готовишься ко причащению Святых Христовых Таин²¹⁰. Он так и поступал и немедленно исповедался и приобщился. Хотя помыслы изредка еще и нападали на него, но и удобно прогонялись Иисусовой молитвою.

На воскресный день, чтобы легче встать к заутрени, он вечером лег пораньше и творил непрестанно Иисусову молитву, а я еще сидел в углу и с ношником читал мое Добротолюбие. Прошло с час времени, и он заснул, а я стал молиться. Вдруг минут чрез двадцать он вострепнулся и, пробудясь, скоро вскочил, подбежал ко мне весь в слезах и с великою радостью сказал: «Ах, брат! Что я теперь видел! Как мне легко и радостно! Верую, что Бог не мучит, а милует грешников! Слава Тебе, Господи, слава Тебе!!!» Я, удивленный и обрадованный сим, просил его подробно рассказать мне, что с ним случилось.

— А вот что. Как только я заснул, то и увидел себя на самом том же лугу, где меня мучили. Я сначала было испугался, но вижу, что вместо тучи восходит ясное солнце, чудный свет осиял весь луг, и я видел на нем красивые цветы и травы. Вдруг близко подошел ко мне мой дед,

такой хороший из себя, что ни^а наглядисься, и так ласково и приветливо тихо сказал мне: «Ступай в Житомир, к церкви Георгия Победоносца, там тебя возьмут в церковные сторожа. Живи тут до конца жизни и молись непрестанно Богу. Бог тебя помилует!..» Сказавши сие, он перекрестил меня и в ту ж минуту исчез. Я почувствовал такую радость, что и сказать невозможно, как будто что с меня свалилось, и я взлетел на небеса... С сим я вдруг проснулся, чувствуя, что мне очень легко, а сердце-то так и не знает, что делать от радости!.. Теперь что мне следует делать? Я сейчас же немедленно пойду в Житомир, как велел мне дед мой. Мне и идти-то будет легко с молитвой!

— Помилуй, любезный брат, куда ты пойдешь в полночь? Отслушай хотя заутреню да, помолясь, и с Богом...

Так мы, не спавши, после сей беседы и пошли в церковь. Он всю утреню молился прилежно, со слезами, и говорил, что ему очень легко и радостно, и молитва Иисусова творится со сладостию. Потом за обедней он еще причастился, и, пообедавши, я выпроводил его на Житомирскую дорогу, где мы со слезами и радостию и простились.

После сего я начал размышлять о себе и думал: «Куда бы мне теперь идти?» Наконец решился на той мысли, чтобы возвратиться опять в Киев. К сему тянули меня мудрые наставления тамошнего моего духовника, да и то, что, поживши у него, не найдет ли он каких христолюбивых благодетелей, чтобы отправить меня в Иерусалим или, по крайней мере, в Афонскую гору.

§ 53. И так, проживши еще неделю в Почаеве, проводя время в воспоминании тех поучительных встреч, кои я видел на сем пути, и в записывании некоторых назидательных предметов, я собрался в дорогу, надел котомку да и пошел в церковь, чтоб в напутствие поклониться Божией Матери и помолиться за обедней, да прямо и идти.

Стоял я в заду церкви. Вот и вошел какой-то человек, хотя не очень богато одетый, но по виду как бы благородный, да и спрашивает у меня, где продаются свечи. Я указал. Обедня отошла, народ вышел, а я остался помолиться при стопе Матери Божией. Помолился и пошел себе в путь. Пройдя немного по улице, увидел в одном доме отворенное окно, под которым сидел барин и читал книгу. Мне должно было идти мимо самого сего окна, и я увидел^б, что сидит тот самый, который в церкви спрашивал меня о свечах. Я, проходя, снял шапку, а он, увидев, поманил меня к себе да и спросил:

— Ты, должно быть, странник?

— Да, — ответил я.

Он меня позвал к себе, расспросил, кто я такой и куда прохожу. Я все ему о себе рассказал без утайки. Он поднес мне чаю да и стал говорить:

^а Так в ркп.

^б В ркп: увидевши, но последние три буквы зачеркнуты и над строкой карандашом написано: лъ.

— Послушай, голубчик! Я бы советовал тебе пойти в Соловецкий монастырь, там есть преуединенный и спокойный скит, называемый Анзерским. Это такое место, как второй Афон, и всякого туда принимают, а послушание только в том и состоит, чтобы читать Псалтирь по очереди в церкви, часа по четыре в сутки, я это достоверно знаю. Вот я и сам путешествую туда же и по обещанию иду пешком. Мы бы пошли вместе, и мне было бы с тобою безопаснее. Говорят, дорога-то здесь глухая, а при мне есть и деньги, я бы и прокормил тебя во всю дорогу. И с таким бы условием пошли, чтоб идти сажени на три одному от другого, дабы друг другу не мешать, ибо я, и идучи дорогою, люблю беспрестанно заниматься чтением или размышлением. Подумай-ко, брат, да согласись, будет сие и тебе на пользу...

Услышав сие приглашение, я счел оное, при сем неожиданном случае, за указание мне пути Материю Божией, Которую просил о наставлении меня на стези благие, и, ничего не думая, тут же и согласился.

Так мы и вышли на другой день в поход. Идя трое суток, как условились, один позади другого, он беспрестанно читал книгу, которую ни днем, ни ночью не выпускал из рук, а иногда о чем-то размышлял. Наконец мы остановились в одном месте пообедать. Он сам кушает, а книга перед ним лежит раскрытая, и он часто в нее посматривает. Я увидел, что эта книга — Евангелие, да и сказал ему:

— Осмелюсь Вас, батюшка, спросить, для чего Вы беспрестанно, ни днем ни ночью не выпускаете из рук Евангелие и всегда его при себе держите и носите?

— Для того, — ответил он, — что я почти беспрестанно учусь из одного его...

— Чему же Вы учитесь? — продолжал я.

— Христианской жизни, которая заключается в молитве. Молитву я почитаю самым главным и необходимым способом ко спасению и первейшею обязанностью каждого христианина. Молитва составляет и первый ступень, и венец благочестивой жизни. Потому-то Евангелие и заповедует непрестанно, всегда молиться, — как другим делам благочестия назначается свое время, а для молитвы нет праздного времени. Без молитвы ничего доброго сделать нельзя, а без Евангелия достойной молитве научиться нельзя. Поэтому-то все достигавшие спасения путем внутренней жизни, как священные проповедники слова Божия, так пустынники и отшельники, и даже все богобоязненные из христиан непрестанным и всегдашним своим занятием имели поучение во глубине слова Божия, и чтение Евангелия составляло существенное их дело. Многие из них непрестанно Евангелие в руках своих имели и просящим их наставления во спасении таковой давали совет: «Сиди в безмолвной келии, и читай и перечитывай Евангелие²¹¹»... Вот почему и я одним токмо Евангелием и занимаюсь!

Мне очень понравилось сие его рассуждение и стремление к молитве, я и еще спросил его:

— Из которого же в особенности евангельского наставления почерпаете Вы учение молитве?

— Из всех четырех Евангелистов, — ответил он, — словом, из всего Нового Завета, читая его по порядку. Долговременно^a читая оный и вчитавшись, мне открылось, какая находится постепенность и правильная связь учения молитве по всему Евангелию, начиная с первого Евангелиста, так и идет по ряду правильным порядком (в системе)... Например, с самого начала изложен приступ или введение к учению молитве, потом — форма или наружное выражение ее в словах, далее — условие, необходимое для молитвы, средства, как научиться оной, и примеры. Наконец, таинственное учение внутренней духовной непрестанной молитве во Имя Иисуса Христа, которая представлена выше и благодворнее молитвы формальной, потом — ее необходимость, благие плоды и прочее. Словом, все подробно-полное познание молитвенного упражнения в систематическом порядке или последовательности изложено в Евангелии, с самого начала и до конца...

Услышав сие, я вознамерился попросить его, чтобы указал он мне все это подробно, почему и начал ему говорить:

— Так как я более всего люблю слушать и беседовать о молитве, то мне весьма желательно видеть сию тайную связь учения молитве во всей подробности. Укажите мне, Господа ради, все это по самому Евангелию!

Он на сие охотно согласился и сказал мне:

— Раскрой свое Евангелие, смотри в него и отмечай, что я буду говорить.

Он дал мне и крандаш. Извольте посмотреть эти мои заметки...

— Вот отыщи, — начал он говорить, — во-первых, у Евангелиста Матфея главу шестую и прочти в ней с пятого стиха и до девятого (Мат. VI, 5–9). Видишь ли, вот здесь приготовление к молитве или введение, поучающее, чтобы не ради тщеславия и не в шуме, но в уединенном месте и в спокойствии начинать молитву и молиться токмо о прощении грехов, да о соединении с Богом, а не выдумывать многих и излишних прошений о разных житейских нуждах, подобно язычникам. Потом читай далее сию же главу, от стиха девятого до четырнадцатого (Мат. VI, 9–14). Здесь представлена форма молитвы, то есть в каких словах должно её произносить. В ней премудро соединено все необходимо потребное для нашей души и жизни. За сим продолжай еще чтение следующего четырнадцатого и пятнадцатого стиха сей же главы (Мат. VI, 14 и 15) и увидишь условие, которое нужно сохранять, дабы молитва была действительна. Ибо без прощения нами оскорбляющих нас не простит Господь и наших грехов. Переступив в седьмую главу, ты найдешь от седьмого до двенадцатого стиха (Мат. VII, 7–12) средство для успеха в молитве и ободрение в надежде: «просить, искать, стучать».

^a Так в ркп.

Сие усиленное выражение изображает частость молитвы и преимущественное упражнение в оной так, чтоб молитва не токмо сопутствовала при всех занятиях, но даже и превышала бы их во времени. Это составляет главнейшую принадлежность молитвы... Сему пример увидишь в четырнадцатой главе Евангелиста Марка от тридцать второго стиха до сорокового (Марк. XIV, 32–40), где Сам Иисус Христос повторяет многократно одну и ту же речь молитвенную. Подобный пример частости молитвы представляет и Евангелист Лука (Лук, XI, 5–14) в притче неотступного прошения друга, также и в многократном докучном прошении вдовицы решения у судии (Лук, XVIII, 1–15), изображая повеление Иисуса Христа, что должно всегда, во всякое время молиться и не унывать, то есть не обленяться.

После сего обстоятельного наставления еще раскрывается в Евангелии от Иоанна существенное Учение таинственной внутренней молитвы сердца и, во-первых, предлагается, в мудрой истории, беседа Иисуса Христа с самаряныней, где открывается внутреннее поклонение Богу в духе и истине, какового желает Бог и которое есть истинная непрестанная молитва, как живая вода, текущая в живот вечный (Иоан. IV, 5–25). Далее в главе пятнадцатой от стиха четвертого до осмого (Иоан. XV, 4–8) еще яснее изображается сила, мощность и необходимость молитвы внутренней, то есть пребывание души во Христе, в непрестанной памяти Божией. Наконец, прочти в шестнадцатой главе сего же Евангелиста от стиха двадцать третьего до двадцать пятого (Иоан. XVI, 23–25). Смотри, какая из сего раскрывается тайна! Видишь ли, что молитва во Имя Иисуса Христа, то есть соединенная с Его Божественным Именем, есть главный и благоуспешный способ к совершенству и достижению освячительных плодов молитвы? Призывание Имени Иисуса Христа, или так называемая «Иисусова молитва», то есть «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя!», часто и многократно повторяемая, величайшую имеет силу и с большим удобством отверзает сердце и освящает. Это достоверно можно заметить из примера апостолов, которые хотя и не один год были учениками Господа Иисуса и уже были от Него научены молитве Господней, то есть «Отче наш», и нам от них известной, но при окончании Своей земной жизни Иисус Христос открыл им тайну, чего еще в молитве им недоставало, чтобы молитва их была решительно успешна. Он сказал им: «Доселе не просите ниче́го во Имя Мое. Елико а́ще че́со просите от Отца во Имя Мое, да́ст вам²¹²». Это так с ними и было, ибо после сего, когда апостолы научились приносить молитву во Имя Господа Иисуса Христа, тогда сколько они произвели дивных чудотворений, и как обильно просветились сами!.. Теперь видишь ли связь и полноту учения молитве, так премудро изложенную в Святом Евангелии?

Если же после сего приступить в чтение и Посланий апостольских, то и в них найдешь также последовательное Учение молитве. Для продолжения предшествовавших замечаний я укажу тебе некоторые места, изъясняющие принадлежности к молитве. Так, в Деяниях

апостольских описывается практика, то есть прилежное и постоянное упражнение в молитве, первенствующих христиан, просвещенных уверованием во Иисуса Христа (Деян. IV, 31), повествуется о плодах или последствиях сего постоянного пребывания в молитве, то есть о излинии Духа Святаго и даров Его на молящихся. Подобно сему увидишь и в шестнадцатой главе, в стихах двадцать пятом и двадцать шестом (Деян. XVI, 25 и 26). Потом следуй по порядку Посланий апостольских, и ты увидишь: 1) как необходима молитва во всех случаях жизни (Иак. V, 13 до 16); 2) как пооществует молиться Дух Святой (Иуд. I, 20 и 21 и Римл. VIII, 26); 3) как должно всегда молиться духом (Ефес. VI, 18); 4) сколь потребно спокойствие или внутренний мир при молитве (Филип. IV, 6 и 7); 5) сколь необходимо непрестанно молиться (Фессал. V, 18); и 6) наконец, заметишь, что должно молиться не токмо о себе, но и о всех (1 Тим. II, 1 до 5).

Таким образом, вчитываясь долговременно и внимательно, можно находить и еще многие открытия таинственных познаний^a, сокрытых в Слове Божиим, которые ускользают от редкого или беглого чтения оною! Из указанного теперь мною заметил ли ты, как премудро и как последовательно, то есть в тайной систематической связи, открывает Новый Завет Господа Иисуса Христа наставление свое о сем^b предмете, который мы теперь проследили? В каком дивном порядке и постепенности разложено оное по всем четырем Евангелистам? Вот, например, у святого Матфея видим приступ, или введение, к молитве, самую ее форму, условия и прочее. Поступая далее, у святого Марка находим примеры, у святого Луки — притчи, а у святого Иоанна — таинственное упражнение во внутренней молитве, хотя и у всех Евангелистов (кратче или пространнее) все сие находится... В Деяниях изображается практика и последствия молитвы, в Посланиях апостольских, как и в самом Апокалипсисе, — многие принадлежности, неразлучно связуемые с делом молитвы!.. Вот почему я и довольствуюсь одним только Евангелием в изучивании всех путей душеспасительной жизни!²¹³

Во все время, как он мне указывал и толковал, я отмечал все показуемые им места на моем Евангелии, которое при моей Библии. Всё это для меня показалось очень замечательным и насладительным, и я за сие много благодарил его...

Потом мы еще шли дён пять с безмолвием, и у сего моего спутника очень заболели ноги, должно быть от непривычки к продолжительной ходьбе. А потому он и нанял подводу, парюю, взял и меня с собою. Так мы и доехали до Ваших пределов и остановились здесь на трое суток, дабы, передохнувши, немедленно отправиться в Анзеры, куда ему нестерпимо желательно.

^a Испр., в ркп: познания.

^b В ркп написано дважды.

— Замечателен этот твой товарищ! Должно быть, при его благочестии, он весьма и образован. Желал бы я его увидеть...

— Мы стоим на одной квартире. Пожалуй, я приведу его к Вам завтра. Теперь уже поздно... Простите!^a

ШЕСТОЕ СВИДАНИЕ^b

*Брат от брата помогаемь, яко град
тверд и высок; укрепляется же яко
основанное царство*

(Сир.²¹⁴ гл. <18> ст. <19>)

— Вот по данному вчера слову и обещанию, явившись к Вам, я пригласил с собою и того почтенного спутника, который душеспасительною беседою облегчал страннический путь мой и которого Вы желали увидеть.

— Весьма приятно как мне, также, надеюсь, и сим честнейшим моим посетителям видеть обоих вас и слышать полезное опытное ваше слово... Вот у меня, это — преподобный схимник, а это — благоговейный иерей. И так, где два или три собраны во Имя Иисуса Христа, там Он и Сам быть обещается²¹⁵, а нас теперь уже и пятеро во Имя Его, то, конечно, и благодать Его тем щедрее на нас изольется!

Вчерашний рассказ спутника твоего, любезный брат, о пламенной приверженности твоей к Святому Евангелию очень замечателен и поучителен. Любопытно услышать, каким образом открылась тебе эта великая благочестия тайна²¹⁶?

§ 54. — Любвеобильный Господь, хотящий всем спастися и в разум истины прийти²¹⁷, открыл мне по великой милости Своей сие познание чудным образом, без всякого посредства человеческого. Пять лет я был профессором в Лицее, проходя путь жизни мрачными стезями разврата, увлекаясь суетною философиєю по стихиям мира, а не по Христе²¹⁸, и, может быть, совершенно бы погиб, если бы меня не поддерживало несколько то, что я жил вместе с благочестивою матерью моею и родною сестрою моею, внимательною девицею...

Однажды прогуливаясь по общественному бульвару, я встретился и познакомился с прекрасным молодым человеком, объявившем о себе, что он француз, аттестованный студент, недавно приехавший из Парижа и ищущий себе место гувернера. Превосходная его образованность мне очень понравилась, я пригласил его к себе, как заезжего человека, и мы подружились... В продолжении двух месяцев он нередко посещал меня. Мы вместе иногда прогуливались, ветреничали, вместе выезжали в общества, разумеется самые безнравственные... Наконец, он явился

^a В левом нижнем углу дата: ок. 3 февр. 63.

^b В правом верхнем углу дата: 8 ген. 63.

ко мне с приглашением в одно из вышесказанных обществ и, дабы скорее убедить меня, начал выхвалять особенную веселость и приятность того места, куда меня приглашал. Сказавши о сем несколько слов, вдруг начал просить меня выдти с ним из моего кабинета, в котором мы сидели, и усесться в гостиной. Это мне показалось странным, и я, сказавши, что уже не раз замечаю неохотность его быть в моем кабинете, спросил его, какая этому причина? И еще долее удерживал его здесь и потому, что гостиная была подле комнаты матери и сестры моей, а потому тут разговаривать о пустой материи было бы неприлично. Он, поддерживая свое желание разными увёртками, наконец откровенно сказал мне следующее: «Вот у тебя на этой полке между книгами поставлено Евангелие. Я так уважаю эту книгу, что мне тяжело в присутствии оной разговаривать о наших рассеянных предметах. Вынеси, пожалуйста, ее отсюда, и тогда мы будем говорить свободно...» Я, по ветрености моей, улыбнувшись на сии его слова, взял с полки Евангелие, да и говорю: «Давно бы ты сказал это мне!» — и, подавая ему в руки, примолвил: — «На вот, сам положи его в ту (то есть другую) комнату...» Лишь только я коснулся до него Евангелием, он в тот же миг затрясся и исчез... Это меня так сильно поразило, что я от страха упал на пол без чувств.

Услышавши стук, вбежали ко мне домашние и целые полчаса не могли привести меня в чувство. Наконец, я, очувствовавшись, ощущал сильный страх, трепет, беспокойное волнение и совершенное онемение руки и ноги так, что я не мог двигнуть оными. Призванный врач определил болезнь названием паралича вследствие какого-нибудь сильного потрясения или испуга. Целый год после этого случая, при окуратном^а лечении от многих врачей, я лежал и не получал ни малейшего облегчения от болезни, которая в последствии указала мне на необходимость выдти в отставку от ученой службы. Престарелая мать моя в сие время умерла, сестра расположилась посвятить себя монастырской жизни. И так все это еще более отягчало мою болезнь. Одну токмо имел отраду в сие болезненное время в чтении Евангелия, которое с начала моей болезни не выходило из рук моих как залог чудного случая со мною.

Однажды неожиданно зашел ко мне незнакомый пустынник, ходящий для сбора на обитель. Он убедительно говорил мне, чтоб я не надеялся на одни токмо лекарства, которые без помощи Божией не сильны сделать помощь, а просил бы Бога и прилежно о том молился, ибо молитва есть самое мощное средство к исцелению всех болезней — и телесных, и душевных. «Как же я могу в таком положении молиться, когда не в силах ни поклона положить, ни руки поднять для крестного знамения?» — возразил я ему по своей рассеянности. Он сказал мне на сие: «Хоть как-нибудь молись!» И далее не мог существенно объяснить мне, как молиться...

^а Так в ркп.

По уходе сего посетителя я как бы невольно начал размышлять о молитве и о ее силе и действиях, припоминая богословские лекции, давно слышанные мною в заведении, когда еще я был студентом. Это очень отрадно занимало меня, возобновляло в памяти светлые религиозные познания, согревало душу мою, и тут же начал чувствовать некоторое облегчение болезненных моих припадков. Так как беспрестанно находилось при мне Евангелие, то я по вере моей к нему, вследствие чуда, а также и вспомнив, что все построение трактата о молитве я слышал на лекциях основанным на текстах евангельских, то и почел за самое лучшее учиться молитве и благочестию христианскому единственно в наставлениях Евангелия. Вчитавшись в оное, я почерпнул в нем, как в обильном источнике, полную регулярную систему спасительной жизни и истинной внутренней молитвы. С благоговением отметив все места и тексты по сему предмету, я с сего времени беспрестанно стараюсь изучать сии божественные наставления и посильно, хотя и с трудом, прилагать к практике. При таковом моем занятии болезнь моя постепенно стала облегчаться и наконец, как видите, я совершенно выздоровел. Оставшись одиноким, я в благодарность Богу за Его отеческие милости, исцеление и вразумление, решился, по примеру сестры моей и по влечению души, посвятить себя отшельнической жизни, дабы беспрепятственнее изучать толь сладостные глаголы живота вечного, указанные мне в слове Божиим.

Вот в настоящее время я и пробираюсь в уединенный скит при Соловецкой обители на Белом море, называемый Анзерским, о котором я достоверно слышал как о удобнейшем месте для созерцательной жизни... Еще скажу вам: правда, хотя и много утешает меня в сем моем путешествии Святое Евангелие и обильно просвещает незрелый ум мой, согревая и хладное сердце, но, с признанием бессилия моего, выражусь откровенно, что условия к исполнению дел благочестия и приобретению спасения, требующие совершенного самоотвержения, чрезвычайных подвигов и глубочайшего смиренномудрия, кои предписывает Евангелие, ужасают меня по высоте своей и по немощи и поврежденности моего сердца! Итак, стоявши теперь среди отчаяния и надежды, не знаю, что со мной будет впредь!..

Схимник. — Вам ли при столь осязательном залоге особенной и чудной милости Божией и при научной образованности Вашей не только впадать в уныние, но непростительно даже и тени сомнения о покровительстве Божиим и помощи Его допускать в душу Вашу! Знаете ли, что говорит о сем богопросвещенный Златоуст? «Никто не должен унывать, — поучает он, — и представлять изветом, что заповеди Евангельские невозможны или неудобоисполнимы. Бог, предопределяя спасение человека, конечно не с тем намерением предписал ему заповеди, чтобы неудобоисполнительностью оных сделать его преступником... Нет! Но чтоб святостию и благопотребностию оных облаженствовать нас как в сей жизни, так и в вечности»²¹⁹.

Конечно, регулярное и неуклонное исполнение предписаний Божиих для падшей нашей природы представляется чрезвычайно трудным, следственно, и спасение — неудобопостигаемым. Но то же слово Божие, которое законоположило заповеди, представляет в себе и средства не токмо к удобному исполнению оных, но даже и к утешению при оном исполнении. Если это при первом взгляде и покрыто завесою тайны, то, конечно, для того, чтобы преимущественнее обратить упражняющегося к смирению и удобнее приблизить к соединению с Богом чрез указание непосредственного к Нему прибежища в молитве и прошение Его отеческой помощи. В этом-то и состоит тайна спасения, а не в надежде на собственное усилие...

Иерей. — Поистине беспредельна Отеческая помощь и милость Божия к возлюбленному Его созданию! Достозамечательное чудо, так назидательно рассказанное господином Профессором, еще более убеждает меня в твердой уверенности, что есть самосущная или как бы самодействующая, вне известных условий со стороны человека, сила, привитая благодатию Божиею не токмо к словам, но даже и к самым вещам, посвященным Богу. В сем рассказанном событии я вижу практическое выражение слов святого Иоанна Златоуста, который в одной из Бесед своих утвердительно провозглашает, что «даже и в храмину, где лежит Святое Евангелие, робеют входить злые духи» (Бес<еды> на Иоан., 32)²²⁰. А также я недавно читал в книге под титулом «Magnum Speculum», то есть «Великое Зерцало», подобную же апофегму, в которой также описан случай, оказавший непосредственное влияние на духов тьмы, выразившееся присутствием Евангельской книги²²¹. Все это подтверждает благодатное происшествие, испытанное Вами, господин Профессор! Сердечно радуюсь, что услышал рассказ Ваш. К душевному назиданию моему и других^a я преимущественно его заметил.

Профессор. — Дай Бог, чтобы как замечание, так и слова Ваши олицетворились в исполнении Вашей надежды...

§ 55. *Странник.* — А я так более всего заметил то, что отец Схимник начал было говорить что-то о тайне спасения, дающей удобство к исполнению Закона Божия. Как бы хотелось мне, немощному и бессильному, узнать сию тайну, дабы чрез нее, как чрез средство, сколько-нибудь исправить ленивую жизнь мою во славу Божию и свое спасение...

Схимник. — Тайна сия известна тебе, возлюбленный брат, из твоей книги Добротолюбие. Она заключается в непрестанной молитве, которую ты так твердо изучил и которою так ревностно занимаешься и утешаешься...

Странник. — Упаду к ногам твоим, преподобный отче! Бога ради, удостой меня и из уст твоих услышать полезное вещание о сей спасительной тайне и о священной молитве, о которой я более всего жажду

^a Исправлено, в ркп: дугих.

слушать и люблю читать к подкреплению и утешению многогрешной души моей.

Схимник. — Хотя я и не могу удовлетворить желания твоего собственным моим рассуждением о сем высоком занятии, потому что я еще весьма мало опытен в сем деле, но у меня есть очень вразумительная тетрадка одного духовного писателя, именно о сем предмете. Если благоугодно будет нашим собеседникам, то я сейчас же принесу ее и, если пожелаете, то и прочесть ее пред всеми вами благословите!

Все. — Сделайте милость, преподобный батюшка! Не лишите нас такового спасительного назидания.

Чтение:

ТАЙНА СПАСЕНИЯ, ОТКРЫВАЕМАЯ НЕПРЕСТАННОЮ МОЛИТВОЮ

Как спастись? Сей благочестивый христианский вопрос естественно рождается в уме каждого вследствие ощущения поврежденной и ослабленной природы человека и остатка в оной первоначального направления к истине и праведности. Каждый, хотя несколько имеющий веры в бессмертие и воздаяние в жизни вечной, невольно встречается с мыслию, как спастись, когда обращает взор свой на себя... Затрудняясь в решении этой задачи, он вопрошает о сем благоразумных^а, читает^б наставительные книги духовных писателей по сему предмету, стремится^с неуклонно последовать и слышанным, и вычитанным истинам и правилам. Во всех сих наставлениях он встречает поставленными на вид, как необходимые условия ко спасению: жизнь благочестивую, подвиги и труды над самим собою для решительного самоотвержения, руководствующего к творению добрых дел, к постоянному исполнению всех заповедей Божиих, свидетельствующему непоколебимость и твердость веры... Далее ему проповедуется, что все сии условия ко спасению необходимо должны быть выполняемы с глубочайшим смирением и в совокупности, ибо как все добродетели зависят одна от другой, то и должны одна другую поддерживать, одна другую совершенствовать и воодушевлять, подобно как лучи солнца тогда токмо являют силу свою и производят пламень, когда сосредоточиваются чрез стекло в одну точку... А иначе — «неправедный в мале и во мнозе неправеден есть»²²².

В добавок к сему, для уполномочения убеждений в необходимости сей многосложной и совокупной деятельности, он слышит высокую похвалу изяществу добродетелей и оуждение низости и бедственности пороков. Все сие запечатлевается неложным обещанием или величественной награды и блаженства, или мучительного наказания и бедствия

^а Над строкой добавлено карандашом: и сведущих, потом.

^б Над строкой добавлено карандашом: по указанию их.

^с Окончание -ится исправлено над строкой карандашом на -ясь.

в жизни вечной... Таков в особенности характер^a проповедания^b новейшего времени!

Направленный таким образом пламенный желатель спасения со всею ревностью приступает к исполнению наставлений и приложению к опытам всего слышанного и вычитанного. Но увы! На первом даже шаге своего стремления он не находит возможности достигнуть своей цели, предусматривая и даже испытывая, что поврежденная и расслабленная его натура возьмет верх над^c убеждениями разума, что свободное произволение его связано, наклонности повреждены, сила духа в изнеможении^d. При таковом опытном самосознании своего бессилия он естественно переходит к той мысли, что^e не находится ли каких-либо средств, способствующих к выполнению^f того, что предписывает Закон Божий, чего требует христианское благочестие и что исполняли все удостоившиеся получить спасение и святыню^g. Вследствие сего^h и дабы примирить в себе требование разума и совести с немощию исполнительных сил, он ещеⁱ обращается к проповедателям^j спасения с^k вопросом: как спастись, как^l оправдать недоступные для него условия спасения, и в силах ли неуклонно выполнить сам проповедающий всё то, чему он поучает?... На сие дается совопроснику решительный и всеобщий ответ: «Проси Бога, молись Богу, чтобы Он помог тебе!» Так не плодотворнее ли было бы, если бы прежде или всегда и при всем учить молитве как^m виновнице исполнения всего, чего требует христианское благочестие и чем приобретается спасение? — заключает вопрошавший, и вместе с сим приступает к изучиванию молитвы: читает, размышляетⁿ, соображает наставительных писателей по сему предмету. Правда, много находит он в них светлых мыслей, глубоких познаний и сильных выражений. Иной прекрасно рассуждает о необходимости молитвы, другой — о ее силе, благотворности, об обязанности молиться, о том, что для молитвы нужно усердие, внимание, теплота духа,

^a Над строкой добавлено карандашом: публичного.

^b Над строкой добавлено карандашом: и периодических наставлений жителям мира.

^c Над строкой карандашом добавлено: решимостию и.

^d На полях под знаком вставки карандашом добавлено: Словом сказать, он осязаемо видит, что «раб есть греха продан под грех».

^e На полях добавлено карандашом под знаком вставки: непременно должна быть какая либо точка отправления или сильнейший способ и пособие. Этот фрагмент предназначался для замены фрагмента: не находится ли каких-либо средств, способствующих.

^f Над строкой карандашом добавлено: всего.

^g Над строкой карандашом добавлено: подобостр. нам люди.

^h Над строкой карандашом исправлено: сей мысли.

ⁱ Над строкой карандашом исправлено: опять.

^j Над строкой карандашом добавлено: христианского.

^k Над строкой карандашом добавлено: тем же.

^l Над строкой карандашом исправлено: каким способом.

^m Над строкой карандашом добавлено: предшественнице и.

ⁿ Над строкой карандашом добавлено: беседует.

чистота мысли, примирение с врагами, смирение, сокрушение и прочее, долженствующее быть при молитве... А что такое молитва в самой себе и как существенно молиться? — на сии, хотя и первейшие и самонужнейшие, вопросы, так как весьма редко можно находить обстоятельные и общепонятные объяснения, то ревностный желатель молитвы опять останется^а под покрывалом тайны. Ему из общего чтения^б вкоренится в памяти хотя и благочестивая, но одна токмо наружная сторона молитвы, и он придет к таковому заключению или выводу^в: чтобы молиться, надо ходить в церковь, креститься, кланяться, становиться на колени, читать Псалтырь, каноны, акафисты... Это всеобщее^д понятие о молитве тех, кои не знакомы с внутренними писателями и созерцательными творениями святых отцов!

Наконец, встречается искатель с книгою, называемою Добротолюбие, в коей двадцатью пятью святыми отцами единственно и понятно изображена полная наука истинной и существенной сердечной молитвы. Здесь^е тайна спасения и молитвы начинает для него приподнимать свою завесу, и он видит, что истинно молиться значит направлять разум и память к неупустительному воспоминанию Бога, ходить в Его Божественном присутствии, возбуждать себя к Его любви посредством богомыслия и соединять Имя Божие с дыханием и движениями сердца, руководствуясь ко всему этому призыванием устами Святейшего Имени Иисуса Христа, или творением Иисусовой молитвы, во всяком времени, и месте, и при всяком занятии непрерывно...

Сии светлые истины, озарив познание искателя и открыв ему путь к изучению и достижению молитвы, хотя и убедят его немедленно приступить к практикованию сих мудрых наставлений, однакож при опытах своих, действуя в периодических приемах^ф, он не останется и еще без затруднений, покуда опытный наставник (по той же книге Добротолюбие) не раскроет ему во всей полноте тайны, в чем состоит главнейшая пружина всех душеспасительных^г действий,^h доколе не объяснит тайны, что токмо частость или непрестанность молитвы (как бы она ни производилась вначале) есть единственное мощное средство достигнуть как совершенства внутренней молитвы, так и^и спасения души. Частость молитвы есть основание или фундамент, держащий на себе весь круг спасительной деятельности, как подтверждает сие

^а После оста- на поле карандашом добавлено: -ется, а окончание слова -нется взято в скобки.

^б Над строкой карандашом добавлено: и обыкновенных бесед.

^в Над строкой карандашом добавлено: о сущности молитвы.

^д Над строкой карандашом добавлено: наружное.

^е Над строкой карандашом добавлено: вместе с углубл<ением> в чтение.

^ф На боковом поле карандашом добавлено: токмо.

^г Над строкой карандашом добавлено: молитвенных.

^h На боковом поле карандашом добавлено: то есть.

^и Над строкой карандашом добавлено: исполнения заповедей Божиих и.

и святой Симеон Новый Богослов: «Тот, — говорит он, — кто непрестанно молится, в сем одном все (доброе)^a совокупил...^{b, 223, 224}»

И так, дабы представить истину сего открытия во всей полноте, наставник^c развивает ее в нижеследующем обзоре:

Для спасения души, во-первых, необходима истинная вера. Священное Писание говорит: «Без веры невозможно угодити Богу»^d; «Иже не имеет веры, осужден будет»²²⁵.

Но из того же Священного Писания видно, что человек не может сам собою возродить в себе веры даже ни на горчичное зерно²²⁶; что вера не от нас, Божий бо есть дар²²⁷, что вера, яко дар духовный, дается Духом Святым²²⁸.

Что ж в таком случае делать? Как примирить потребность человека с невозможностию со стороны человека?

В оном же Священном Писании открыто для сего средство и показаны примеры: «Просите и дастся вам»²²⁹. Вот средство! Ибо, чтоб получить и иметь какой-либо дар, надобно его просить, должно о ниспослании его молиться: «Всяк бо просай приемлет»²³⁰. Апостолы, не могли сами собою возбудить в себе совершенства веры, молили Иисуса Христа: «Господи, приложи нам веру»²³¹. Вот пример снискания веры!.. Итак, вера приобретается молитвою...

Для спасения души при истинной вере потребны и благие дела — добродетели, ибо «вера без дел мертва есть»²³², «яко от дел оправдится человек, а не от веры единыя»²³³ и «аще хочещи внити в живот, соблюди заповеди: еже не убиеш, не прелюбы сотвориши, не украдеш, не лжесвидетельствуеш, чти отца и мать и возлюбиши искренняго твоего, яко сам себе»²³⁴. И все сии заповеди потребно исполнять в совокупности: «Иже бо весь закон соблюдет, согрешит же в едином, бысть всем повинен»²³⁵, — так учит святой апостол Иаков...

А святой апостол Павел, представляя слабосилие человеческое, говорит, что «от дел закона не оправдится всяка плоть»²³⁶. «Вемы бо, яко закон духовен есть, аз же плотян есмь, продан под грех. Еже бо хотети прилежит ми, а еже содеяти доброе, не обретаю, но еже не хочу злое, сие содеваю. Умом моим работаю закону Божию, плотию же закону греховному»²³⁷.

Каким же образом исполнить потребные дела Закона Божия, когда человек бессилен, не имеет возможности оправдать в себе заповеди?..

Не имеет возможности до тех пор, покуда не просит о том, покуда о том не молится... «Не имате, зане не просите»²³⁸, — представляет причину святой Апостол. Да и Сам Иисус Христос говорит: «Без Мене не можете творити ничесоже»²³⁹, а как творить с Ним, сему учит так:

^a Над строкой карандашом добавлено: все добродетели.

^b На боковом поле под знаком сноски: Гл. 118.

^c Над строкой карандашом исправлено: со<о>бщатель наставлений Добротолубия.

^d На нижнем поле добавлено: Евр. гл. XI, 6.

«Будите во Мне, и Аз в вас. Аще кто пребудет во Мне, плод мног сотворит»²⁴⁰. А быть в Нем — значит непрестанно ощущать Его присутствие, непрестанно просить во Имя Его: «Аще что просите во Имя Мое, Аз сотворю»²⁴¹. Итак, возможность исполнения добрых дел приобретается молитвою же! Пример сему виден в самом апостоле Павле, трижды молившемся о побеждении искушения²⁴², преклонявшем колена пред Богом Отцом, да даст Он утверждение во внутреннем человеке²⁴³, и, наконец, заповедавшем прежде всего «творити молитвы»²⁴⁴ и о всем даже «непрестанно молиться»²⁴⁵.

Из всего вышесказанного следует, что все душевное спасение человеческое заключено в молитву, а потому она, во-первых, прежде всего и нужна, ибо ею оживляется вера, чрез нее исполняются все добродетели. Словом, при молитве все споспешествуется успехом, а без оной никакое дело христианского благочестия не может совершиться. По сему-то непрестанность, всегдашность исключительно и предоставляется одной токмо молитве. Как прочие добродетели имеют каждая свое время, а в молитве заповедуется упражняться непрерывно: «Непрестанно молитесь»²⁴⁶; подобает всегда молиться²⁴⁷, и молиться на всяко время²⁴⁸, на всяком месте²⁴⁹.

Истинная молитва требует своих условий. Она должна быть приносима с чистотою мыслей и сердца, с пламенным усердием, с твердым вниманием, с трепетным благоговением и с глубочайшим смирением. Но кто в добросовестном сознании не согласится, что он далек от вышепредставленных условий для истинной молитвы, что он отправляет молитву свою более по необходимости, более с принуждением себя, нежели по влечению, по наслаждению молитвою, по любви к молитве?.. Об этом и Священное Писание свидетельствует, что человек не в силах упостоянить и совершенно очистить ум от неподобных помыслов: «Належит бо человеку помышление на злое от юности его»²⁵⁰, что «един Бог даст нам сердце ино и дух новый даст нам»²⁵¹, что «и еже хотети, и еже деяти Божие есть»²⁵². И сам святой апостол Павел некогда сказал: «Дух мой (то есть глас мой) молится, а ум мой без плода есть»²⁵³. И «не вемы, како или о чесом помолимся»²⁵⁴, — подтверждает он же. Из сего следует, что мы не можем истинно молиться, не можем в молитве нашей обнаружить существенных ее свойств!

Что ж, при таковом бессилии падшего человека, осталось возможным со стороны его воли и силы для спасения души его? Веры он стяжать не может без молитвы, добрых дел — также; наконец, и истинно молиться не в силах. Что ж осталось на его долю, что предоставлено его свободе и силам, дабы не погибнуть, а спастись?..

Так как главным во всяком деле есть качество, то оное Господь и предоставил Своей воле и дарованию. А чтобы ясней показать зависимость человеческую от воли Божией и глубже погрузить его в смиренномудрие, Бог оставил воле и силам человеческим одно количество молитвы, заповедав непрестанно молиться²⁵⁵, всегда молиться²⁵⁶, на всякое время²⁵⁷,

во всяком месте²⁵⁸. А сим-то и открывается таинственный способ к достижению истинной молитвы, а вместе с нею и веры, и исполнения заповедей, и спасения!

Итак, на долю человека дано количество. Частость молитвы предоставлена в собственность его воле... О сем точно так учат и отцы Церкви. Святый Макарий Великий говорит: «Молиться как-нибудь (но часто) состоит в нашей воле, а молиться истинно есть дар благодати»²⁵⁹. Преподобный Исихий говорит, что «частость молитвы приемлет навыкновение и обращается в натуру»²⁶⁰ и что «без частого призывания Имени Иисуса Христа невозможно очистить сердце»²⁶¹. Преподобные Каллист и Игнатий советуют прежде всех подвигов и добродетелей начинать молитву во Имя Иисуса Христа — часто, непрерывно²⁶², ибо частость и нечистую молитву возводит к чистоте. Блаженный Диадокх утверждает, что если бы человек как можно чаще призывал Имя Божие (молился), то не впадал бы в согрешения²⁶³.

Как опытные, мудрые и близки к сердцу сии практические наставления отцов! Они в опытной простоте проливают свет на способы и средства к совершенствованию души. Какая у них высокая противоположность с нравственными наставлениями теоретического разума! Разум убеждает: делай то и то доброе, вооружись мужеством, употреби силу воли, убедись благими последствиями добродетели. Например, очисти ум и сердце от суетных мечтаний, наполни место их поучительными размышлениями, делай добро и будешь уважаем и спокоен, живи так, как требует разум и совесть... Но увь! Все это при всем усилии не достигает своей цели без частой молитвы, без привлечения ею помощи Божией!

После сего еще раскроем поучения отцов и посмотрим, как говорят они, например, об очищении души. Святой Лествичник пишет: «При омрачении души нечистыми помыслами Иисусовым Именем побеждай супостатов, часто повторяя оное. Крепче и успешнее сего оружия не найдешь ни на небеси, ни на земли»²⁶⁴. И святой Григорий Синаит поучает: «Знай, что никто не может удержать ума своего сам, а потому, при нечистоте мысли чаще и многократно призывай Имя Иисуса Христа, и помыслы сами собою утихнут»²⁶⁵. Какой простой и удобный, но и опытный способ, и противоположный совету теоретического разума, самомнительно стремящегося достигнуть чистоты собственным самодействием!

Сообразив сии опытные наставления святых отцов, приходим к такому истинному заключению, что главный, единственный и удобнейший способ к обретению как дел спасения, так и самого спасения и духовного совершенства есть частость, непрерывность молитвы, какая бы она ни была!

Христианская душа! Если ты не находишь в себе силы поклоняться Богу духом и истиною²⁶⁶, если сердце твое еще не ощущает теплоты и сладостного вкуса в умственной и внутренней молитве, то принеси в молитвенную жертву то, что можешь, что состоит в твоей воле, что

соразмерно твоим силам. Пусть низшие органы, органы уст твоих, прежде сроднятся с частым неотступным молитвенным взыванием. Пусть часто, непрерывно призывают мощное Имя Иисуса Христа. Это не составляет большого труда и каждому посильно! При том же сего требует и опытная заповедь святого Апостола: «Да приносим выну (всегда) жертву Богу, сиречь плод устен, исповедающихся Имени Его»²⁶⁷.

Частость непременно произведет навыкновение и обратится в натуру, привлечет по времени ум и сердце в достоподобное настроение. Вообрази при сем, если бы человек неупустительно выполнял одну сию заповедь Божию о непрестанной молитве, то в одной оной он исполнил бы все заповеди, ибо если бы он непрерывно, во всякое время, при всех делах и занятиях совершал молитву, тайно призывал Божественное Имя Иисуса Христа, хотя сначала и без душевной теплоты и усердия, хотя с понуждением себя токмо, то и тогда бы он не имел уже времени на суетные беседы, на осуждение ближних, на праздное истощение времени в чувственных греховных удовольствиях. Каждая преступная мысль встречала бы помешательство в ее распространении, каждое греховное дело не обдумывалось бы так плодovито, как в праздном уме, сократились бы или и вовсе уничтожились и многословие, и празднословие, и каждый проступок немедленно очищался бы благодатною силою толь часто призываемого Имени Божия.

Частое упражнение в молитве часто бы отвлекало душу от греховных дел и привлекало бы к существенному ее занятию, к соединению с Богом! Теперь видишь ли, как важно и необходимо количество в молитве? Частость молитвы есть единственный способ к обретению чистой и истинной молитвы, есть самое лучшее и самое действительнейшее приуготовление к молитве и вернейший путь к достижению молитвенной цели и спасения!

Для дальнейшего убеждения в необходимости и плодотворности частой молитвы сколь можно тверже заметь: 1) что каждое возбуждение, каждая мысль о молитве есть действие Духа Святого и глас Ангела твоего Хранителя, 2) что Имя Иисуса Христа, призываемое в молитве, содержит в себе самосушную и самодействующую благодатную силу, а потому 3) не смущайся нечистотою или сухостию твоей молитвы и с терпением ожидай плода от частого призывания Имени Божия. Не слушай неопытного, несмысленного внушения суетного мира, будто бы одно, хотя и неотступное, но холодное взывание есть бесполезное многословие... Нет! Сила Имени^а Божия и частость призывания оного явят плод свой во время свое!..

Прекрасно рассуждает о сем один из духовных писателей. «Знаю, — говорит он, — что для многих мнимодуховных лжемудрых философов, ищущих везде ложного величия и благородных будто бы упражнений

^а Написано над строкой карандашом, в основном тексте: призыв.

в очах разума и гордости, простое, и устное, и единачное^а, но частое упражнение в молитве представляется малозначащим, или низким занятием, или безделицею. Но обманываются они, несчастные! И забывают наставление Иисуса Христа, что “еще не будите яко дети, не внидите в Царствие Божие”²⁶⁸. Они составляют для себя какую-то науку из моления на зыбких основаниях естественного разума! Потребно ли многого учения, ума или знания, чтобы сказать чистосердечно: Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя! Не таковые ли частые молитвы восхвалял Сам Божественный наш Учитель? Не сими ли краткословными, но частыми молитвами испрашиваемы и производимы были чудотворения?»²⁶⁹.

Ах, христианская душа! Бодрствуй и не умолкай в непрерывных зываниях твоей молитвы! Хотя бы сей вопль твой происходил от сердца еще рассеянного и наполненного в половину миром, нужды нет! Надобно только его продолжать, не умолкать и не беспокоиться, он сам собою очистится от учащения... Не выпускай никогда из памяти, что «Иже в вас, болий есть того, иже в мире»²⁷⁰. «Болий бо есть Бог сердца нашего, и весть вся»²⁷¹, — говорит Апостол.

Итак, после всех сих убеждений, что частость молитвы, при всем слабосилии, так мощна, безусловно доступна человеку и состоит в полной его воле, — решишь, испытай, хотя один день на первый раз провести в наблюдении за собою, за частостию твоей молитвы так, чтобы на молитвенное призывание Имени Иисуса Христа употреблено было гораздо более времени в продолжение суток, нежели на другие занятия. И сие преимущество молитвы над делами житейскими во времени непременно докажет тебе, что сей день не потерян, а приобретен во спасение, что на весах правосудия Божия частая молитва перетягивает дску слабостей твоих и проступков и заглаживает грехи оною дня в памятной книге совести, поставляет тебя на степень праведности и дарует надежду получить освящение и в вечной жизни.²⁷²

Странник. — От всей души моей благодарю Вас, отче святыи! Вы уладили чтением сим мою душу грешную. Господа ради, благословите мне переписать для себя этот списочек, я в несколько часов спишу его... Всё прочтенное Вами так прекрасно, и отрадно, и глупому уму моему понятно, и точнёхонько, как и в Добротолюбии о сем рассуждают святые отцы. Вот, например, Иоанн Карпафийский в 4-й части Добротолюбия тоже говорит, что если ты не имеешь силы к воздержанию и подвигам деятельным, то знай, что Господь молитвою хочет спасти тебя²⁷³. А в Вашей тетрадке как прекрасно и понятно все сие распространено... Благодарю, во-первых, Бога, а потом и Вас, что сподобился я сие услышать!..

§ 56. *Профессор.* — И я с большим вниманием и удовольствием прослушал лекцию Вашу, достопочтеннейший батюшка! Все доводы, по самой строгой логике верные, для меня замечательны. Но при сем кажется

^а Так в ркп.

мне, что возможность непрестанной молитвы преимущественно обуславливают благоприятные к сему обстоятельства и совершенно спокойное уединение. Ибо²⁷⁴ согласен, что частая или непрестанная молитва есть мощный и единственный способ к приобретению благодатной помощи во всех делах благочестия и освящения души и доступный силе человека, но сей способ может быть употребляем токмо тогда, когда человек пользуется возможностью уединения и спокойствия. В устранении от занятий, хлопот и развлечений он может часто или и непрестанно молиться, ему тогда предстоит одна токмо борьба с леностию или со скукою от помыслов. Но если обязанный должностию, озабоченный непрерывными делами, необходимо находящийся в шумном обществе людей, если бы и усердно желал часто молиться, то не может сего выполнить по причине неизбежной рассеянности. Следственно, единственный способ частого моления при условии токмо благоприятствующих обстоятельств может быть употребляем и принадлежит не для всех...

Схимник. — Напрасно Вы так заключаете! Не говоря даже и о том, как сердце, обученное внутренней молитве, может всегда, при всех занятиях (и машинальных, и умственных) во всякой шумности беспрепятственно молиться и призывать Имя Божие (ведущий сие сам опытно знает, а неведущему потребно постепенное сему обучение), можно утвердительно сказать, что никакое стороннее развлечение не может пресечь молитву в желающем молиться, ибо тайная мысль человеческая не подлечит никакому внешнему связанию и совершенно свободна сама в себе. Она во всякое время может быть ощущаема и обращена в молитву, даже и самый язык может тайно, без внешнего звука выражать молитву в присутствии многих и при занятиях внешних. Да при том же, занятия наши не столь важны и разговоры наши не столь занимательны, чтобы не можно было найти удобства при оных повремянно и часто призывать Имя Иисуса Христа, если даже и ум не приобучен еще к непрестанной молитве. Хотя, конечно, уединение от людей и рассеивающих предметов и составляет главное условие для внимательной и непрестанной молитвы, однакож в случае невозможности воспользоваться оным, не должно извинять себя в редкости молитвы, поелику количество, частость доступна возможности каждого, и здорового, и больного, и состоит в его воле. Доказательные сему примеры представляют те, кои, бывши обременены обязанностями, развлекающими должностями, заботами, хлопотами и работою, не токмо всегда призывали Божественное Имя Иисуса Христа, но даже посредством сего обучились и достигли непрестанной внутренней молитвы сердца.

Так патриарх Фотий, из сенаторов возведенный в сан патриарший, при управлении обширную константинопольскую паствою непрестанно пребывал в призывании Имени Божия и даже достиг чрез сие самодейственной, сердечной молитвы²⁷⁵. Так Каллист во святой Афонской горе, проходя хлопотливое поварское послушание, научился непрестанной молитве²⁷⁶. Так простосердечный Лазарь, обременяемый

беспрестанными работами на братию, непрерывно, при всех шумных занятиях, произносил Иисусову молитву и успокоивался²⁷⁷, и многие другие, подобно упражнявшиеся в непрестанном призывании Имени Божия. Если бы невозможно было молиться при отвлекающих занятиях или в обществе людей, то, конечно, не предписывал бы невозможное святой Иоанн Златоустый. Он, в поучении своем о молитве, говорит следующее: «Никто не должен представлять извета, что невозможно всегда молиться занятому жизненными попечениями или не могущему быть в храме. Везде, где ты ни находишься, можешь поставить жертвенник Богу в уме твоём посредством молитвы. И так молиться удобно и на торжище, и в путешествии, и стоящему при продаже, и сидящему за ремеслом. Везде и во всяком месте молиться можно»^{а, 278}. Да и подлинно, если человек обратит прилежное внимание на себя, то везде найдет удобство для молитвы, только бы убедился в том, что молитва должна составлять главное занятие пред всеми его обязанностями. В таком случае он бы, конечно, распоряжался в делах своих решительнее, при необходимом разговоре с людьми соблюдал бы кроткость, молчаливость и уклончивость от бесполезного многословия, не суетился бы излишне в хлопотах, дабы посредством всего этого более приобретать времени на тихую молитву. При таковом настроении все действия его силою призывания Имени Божия ознаменовывались бы успехом, и, наконец, он приучил бы себя к непрерывному молитвенному призыванию Иисуса Христа и опытно познал бы, что частость молитвы, сие единственное ко спасению средство, предоставлено возможности и воле человека и что во всяком времени, положении и месте молиться можно, и удобно восходить от частой молитвы устной к умной, а от сей к молитве сердечной, отвергающей Царствие Божие внутрь нас.²⁷⁹

§ 57. *Профессор.* — Согласен, что при всех механических занятиях можно и даже удобно совершать частую или даже и непрерывную молитву, ибо²⁸⁰ машинальное рукоделье не требует напряженного углубления ума и многого соображения, а потому ум мой и может при оном погружаться в непрестанную молитву и уста следовать тому же. Но когда должен я заняться чем-либо исключительно умственным, как то: внимательным чтением, или обдумыванием глубокого предмета, или сочинением, то как могу при сем молиться умом и устами? И как молитва есть преимущественно дело ума, то каким образом в одно и то же время одному уму я могу дать два разнородные занятия?

Схимник. — Разрешение этого вопроса Вашего очень будет не трудно, если^б возьмем в соображение то, что непрестанно молящиеся разделяются на три разряда: а) на начинающих, б) успевающих и с) изучившихся молитве. А посему начинающие могут иметь и при умственных

^а На поле чернилами добавлено: (Злат. Сл. о м.).

^б Исправлено, в ркп: еси.

упражнениях повременное частое возвождение ума и сердца к Богу и произношение краткой молитвы устной, а успевающие, или пришедшие в постоянное настроение ума, могут заниматься размышлением или сочинением в непрерывном присутствии Божиим как основании молитвы. Это может выразить следующий пример. Представь, что строгий и взыскательный царь повелел тебе сочинить рассуждение на данную им глубокую материя при его присутствии, у подножия его трона. Как бы ты ни был совершенно занят твоим предметом, однакож присутствие царя, в руке которого жизнь твоя, овладевши тобою, не попустит тебе ни на малое время забыть, что ты рассуждаешь, соображаешь и сочиняешь не наедине, а на месте, требующем особенного благоговения, почтения и приличия... Это-то ощущение и живое чувство близости царя как ясно выражает возможность заниматься непрестанною внутреннею молитвою и при умственных упражнениях!²⁸¹ Что же относится до тех, кои долгим навыком или милостию Божиею от молитвы умственной приобрели молитву сердечную, то таковые не токмо при глубоком занятии ума, но даже и в самом сне не прекращают непрестанной молитвы, что свидетельствует Премудрый: «Аз сплю, а сердце мое бдит»²⁸²... В преуспевших сердечный механизм получает таковую способность к призыванию Имени Божия, что, сам собою возбуждаясь к молитве, вовлекает ум и всю душу в непрестанное молитвенное излияние, в каковом бы состоянии молитвенник ни находился и чем бы отвлеченным и умственным ни занимался.

§ 58. *Иерей.* — Позвольте, преподобнейший батюшка, и мне, в свою очередь, высказать мои мысли. В прочтенной Вами статье замечательно выражено, что «единственный способ ко спасению и совершенству есть частость молитвы, какова бы она ни была»... Для меня это неудобопонятно, а потому мне представляется²⁸³: какая будет от того польза, если я и беспрестанно буду молиться и призывать, токмо языком, Имя Божие, но не имею внимания, усердия и не понимаю, что говорю? Это будет только одно празднословие! Последствием сего будет токмо то, что переболтается язык, а ум, препятствуемый сим в своих размышлениях, так же понесет ущерб своей деятельной способности. Бог требует не слов, а внимательного ума и очищенного сердца. Не лучше ли, хотя и изредка или в уставленное токмо время, совершить хотя и краткую молитву, но со вниманием, с усердием, с теплотою души и с достодолжным понятием? А иначе, хотя беспрерывно день и ночь произноси молитву, но не имей чистоты душевной и дел благочестия, то и тогда не приобретешь ничего спасительного, но, оставшись при одной токмо наружной болтовне и, наконец, утомившись и соскучившись, придешь к такому последствию, что, совсем охладивши веру к молитве, вовсе бросишь сие бесплодное твое упражнение. Далее, бесполезность одного устного моления можно видеть и в обличениях, представленных Священным Писанием. Так, например: «Сии люди устами чтут Мя, сердце же их

далече отстоит от Мене»²⁸⁴, «Не всяк глаголай Ми: Господи, Господи, внидет в Царствие Небесное»²⁸⁵, «Хощу пять словес умом моим глаголати, нежели тьму словес языком»²⁸⁶, и прочее. Все это выражает бесплодность наружной невнимательной молитвы уст...

Схимник. — Представленное Вами заключение могло бы иметь некоторое основание, если бы не соединена была с советом устной молитвы непрерывность или всегдашность, если бы молитва во Имя Иисуса Христа не имела самодействующей силы и не приобреталось бы внимание и усердие к оной вследствие постепенности при упражнении молитвенном... Но так как дело идет здесь о частости, долговременности и непрерывности молитвы (хотя бы она и сопровождалась вначале невнимательностью или сухостью), то сим и разрушаются выведенные Вами неправильные заключения.

Разберем это подробнее: один духовный писатель, убеждая в величайшей пользе и плодотворности частой молитвы, выражаемой единообразными словами, напоследок говорит: «Хотя многие ложно-просвещенные и почитают бесполезным и даже мелочным сие устное и частое творение одной и той же молитвы, называя оное машинальным и бессмысленным занятием простых людей, но, к несчастью, они не знают той тайны, которая в последствии открывается сим машинальным упражнением, не знают того, как устный, но частый вопль сей нечувствительно соделяется истинным воплем сердца, углубляется во внутренность, становится приятнейшим, делается как бы естественным для души, просвещает ее, питает и ведет к соединению с Богом!»²⁸⁷

Мне кажется, эти порицатели подобны тем маленьким гренландцам, коих миссионеры вздумали научить азбуке и читать. Соскучив сим учением, они закричали однажды: «Не во сто ли раз лучше идти нам в кайке ловить тюленей, как это делают наши отцы, чем проводить день в беспрестанном повторении А, Б, В, или царапать бумагу птичьим пером?» Польза и просвещение чтением, которая должна была произойти для них от скучного сего затверживания букв, была для них тайна.

Подобно составляет сокровенную тайну и простое, но частое призывание Имени Божия для тех, кои не имеют познания и убеждения в последовательной величайшей пользе одного. Они, измеряя дело веры силами своего неопытного и недальновидного разума, забывают при сем, что человек имеет две природы, сосредоточенные в непосредственном влиянии одной на другую, что человек состоит из тела и души... Для чего, например, ты, желая очистить душу, прежде очищаешь тело: налагаешь на себя пост, лишаешь тело свое питательной и раздражающей пищи? Конечно, для того, чтобы оно не препятствовало или, лучше сказать, способствовало чистоте души и просвещению разума, чтобы беспрестанное ощущение алчбы телесной напоминало тебе о решимости твоей искать усовершенствования внутреннего и занятия благоугодного, так удобно тобою забываемого... И ты опытно ощущаешь, что чрез внешний пост твоего материального тела приобретаешь внутреннее

утончение разума, спокойствие сердца, орудие к укрощению страстей и напоминание о духовном упражнении. И так ты посредством наружной материи получаешь внутреннюю духовную пользу и пособие.

То же понимай и о устной непрестанной или частой молитве, которая долговременностью своею развивает внутреннюю молитву сердца, располагает и способствует к умственному соединению с Богом! Напрасно воображают, что, частостию перебивши язык и соскучив сухою непонятливостью, должно будет вовсе оставить сие бесполезное наружное молитвенное упражнение. Нет! Опыт показывает здесь совсем противоположное. Практические делатели непрестанной молитвы уверяют, что бывает так: решившийся непрестанно призывать Имя Иисуса Христа или, что то же, беспрерывно изрекать Иисусову молитву, конечно, вначале испытывает труд и борется с леностию, но чем дольше и более в сем упражняется, тем нечувствительнее роднится с сим занятием так, что впоследствии уста и язык его получают такое направление и самодвижность, что уже без помощи усилия, сами собою неудержимо движутся и без гласа изрекают молитву. А вместе с сим так настраивается механизм гортанных мускулов, что молящийся начинает чувствовать, что творение молитвы составляет всегдашнюю существенную его принадлежность, и даже при каждом оставлении ее он ощущает, как чего-то в нем недостает. А сие-то и бывает основанием тому, что и ум сам собою начнет склоняться и прислушиваться к сему произвольному действию уст, будучи возбуждаем сим ко вниманию, которое и бывает, наконец, источником сладости сердечной и истинной молитвы. Вот истинное и благодетельное последствие непрестанной или частой устной молитвы, совсем противоположное заключению неопытных и не понимающих сего дела!

Что относится до мест Священного Писания, приводимых Вами во свидетельство Вашего возражения, то сие объясняется надлежащим рассмотрением оных. Лицемерное почитание устами Бога, тщеславие сим и лукавое величание взыванием «Господи, Господи!» обличал Иисус Христос по той причине, что гордые фарисеи имели веру в Бога токмо на языке и нисколько не оправдывали в сознании сего своего верования и не признавали оного сердцем. Это к ним и сказано именно по сему случаю, а не относится к учению молитве, о которой прямо и положительно или определенно заповедывал Иисус Христос так: «Подобает всегда молиться и не стужати»²⁸⁸ (то есть не унывать). Подобно сему и святой апостол Павел отдает преимущество пяти словам, сказанным понятно, нежели множеству слов, произнесенному или без смысла, или на незнакомом языке в церкви²⁸⁹, разумея сие о общественном поучении, а не о молитве собственно, о которой утвердительно говорит так: «Хощу да творят (христиане) молитву на всяком месте»²⁹⁰, и всем вообще советует «непрестанно молиться»^{291 292}.

Теперь видите ли, как частая молитва, при всей даже простоте, плодотворна? И какого строгого соображения требует правильное понимание Священного Писания?..

Странник. — Истинно так, честнейший батюшка! Я многих видал, которые просто, без всякого просветительного наставления и не зная, что есть внимание, сами собою устно творя Иисусову молитву, достигли того, что уста и язык их не могли удерживаться от изреkania молитвы, которая впоследствии так их улаждала и просветила, что совсем сделала другими людьми, и ум их просветила, и из слабых и нерадивых сделала подвижниками и поборниками добродетели...

Схимник. — Да! Молитва как бы перерождает человека. Сила ее толь могущественна, что ничто, никакая сила страсти против нее устоять не может. Если благоугодно будет, то на прощанье я прочту вам, братие, коротенькую, но любопытную о сем статейку, которую я захватил с собою.

Все. — С благоговейным удовольствием послушаем!..

§ 59. Чтение:

О СИЛЕ МОЛИТВЫ

Молитва столь сильна и могущественна, что молись и делай, что хочешь, и молитва возведет тебя к правильному и праведному деланию.

Для богоугождения ничего более не нужно, как любить. «Люби и делай всё, что хочешь», — говорит блаженный Августин²⁹³. Ибо кто истинно любит, тот не может и хотеть сделать что-либо неугодное своему возлюбленному... Так как молитва есть излияние и действие любви, то поистине и о ней можно так же сказать подобное: «Для спасения ничего более не нужно, как всегдашняя молитва. “Молись и делай, что хочешь”, — и ты достигнешь цели молитвы, приобретешь ею освящение!»

Чтобы обстоятельнее развить понятие о сем предмете, поясним оное примерами:

I. Молись и мысли все, что хочешь, и мысль твоя очистится молитвою. Молитва подаст тебе просветление ума, утишит и отгонит все неуместные помыслы. Сие утверждает святой Григорий Синаит. «Если хочешь, — советует он, — прогнать помыслы и очистить ум, — молитвою прогоняй их! Ибо, кроме молитвы, ничем не можно удержать мысли»^{294,a}. О сем также говорит и святой Иоанн Лествичник: «Иисусовым Именем побеждай мысленных врагов, кроме сего оружия не найдешь иного»^{295,b}.

II. Молись и делай, что хочешь, и дела твои будут богоугодны, и для тебя полезны и спасительны. Частая молитва, какова бы ни была, о чем бы ни была, не останется без плода^{c,296}, поелику в ней самой есть сила благодатная — «Свято Имя Его»²⁹⁷, и «всяк, иже призовет Имя

^a На поле чернилами добавлено: гл., однако номер главы отсутствует.

^b На поле чернилами добавлено: (Степ. 12).

^c На поле чернилами добавлено: (Марк Подв. гл.), однако номер главы отсутствует.

Господне, спасется»²⁹⁸. Например, молившийся об успехе в нечестии, в сей молитве получил образумление и зов к раскаянию²⁹⁹, сластолюбивая девица молилась при развращении и молитва указала ей путь к девственной жизни и к слышанию наставлений Иисуса Христа³⁰⁰.

III. Молись и не трудись много своею силою побеждать страсти — молитва разрушит их в тебе. «Иже в вас болий есть того, иже в мире»³⁰¹, — говорит Священное Писание, а святой Иоанн Карпафийский учит, что «если ты не имеешь дара воздержания, не печалься, но знай, что Бог требует от тебя прилежания к молитве и молитва спасет тебя»³⁰². Описанный в Отечнике³⁰³ старец, «падши победы», то есть, преткнувшись грехом, не уныл, но обратился к молитве, ею остепенился³⁰⁴, — служит доказательным сему примером!

IV. Молись и не опасайся ничего, не бойся бед, не страшись напастей — молитва защитит, отвратит их. Вспомни утопавшего маловерного Петра³⁰⁵; Павла, молившегося в темнице³⁰⁶, инока, избавленного молитвою от постигшего искушения во граде³⁰⁷, девицу, спасенную от злонамеренного воина вследствие молитвы³⁰⁸, и подобные случаи. Все это подтверждает силу, мощность и всеобъемлемость молитвы во Имя Иисуса Христа!

V. Молись хоть как-нибудь, токмо всегда, и не смущайся ничем, будь духовно весел и покоен — молитва устроит все и вразумит тебя. Помни, что о силе молитвы говорят святые Иоанн Златоустый и Марко Подвижник. Первый утверждает, что «молитва, хотя бы приносилась от нас, наполненных грехами, тотчас очищает»³⁰⁹. А второй так о сем говорит: «Молиться как-нибудь состоит в нашей силе; а молиться чисто есть дар благодати»³¹⁰. Итак, что в твоей силе, тем пожертвуй Богу; хотя количество (для тебя возможное) принеси вначале Ему в жертву, и Божия сила изльется в твою немощную силу, и молитва сухая и рассеянная, но частая — всегдашняя, обретши навык и обратясь в натуру, соделается молитвою чистою, светлою, пламенною и достодожною.

VI. Заметь, наконец, что если бы все время твоего бодрствования сопровождалось молитвою, то естественно, что не оставалось бы времени не только на греховные дела, но даже и на помышления об оных.

Теперь видишь ли, сколько глубоких мыслей сосредотачивается в сем мудром изречении: «Люби и делай, что хочешь», «Молись и делай, что хочешь!»... Как отрадно и утешительно всё сказанное для грешника, отягченного слабостями, для стнящего под бременем воюющих страстей! Молитва — вот все, что дано как всеобъемлющее средство ко спасению и совершенствованию души... Так! Но с именем молитвы тесно соединено здесь и сие условие: «Непрестанно молитесь»³¹¹, — заповедует Слово Божие. Следственно, молитва тогда явит свою вседействующую силу и плод, когда будет производима часто, непрестанно, ибо частость молитвы безусловно принадлежит нашей воле, как и чистота, усердие и совершенство молитвы есть дар Благодати...

Итак, будем молиться как можно чаще, посвятим всю жизнь нашу молитве, хотя вначале и развлеченной! Частое упражнение в оной научит вниманию, количество непременно приведет к качеству: «Чтобы научиться делать что-либо хорошо, надобно делать оное как можно чаще», — сказал один опытный духовный писатель.³¹²

§ 60. *Профессор.* — Поистине великое дело молитва! А ревность к частоте оной есть ключ для отвержения благотворных сокровищ ее... Но как часто встречаю я в себе борьбу между ревностью и леностью! Как бы желательно было найти средство и помощь к одержанию победы и к убеждению и возбуждению непрестанно прилежать молитве!..

Схимник. — Многие из духовных писателей различные представляют средства, основанные на здравом рассуждении, для возбуждения прилежности к молитве, как-то:

1. Советуют углубляться в размышление о необходимости, превосходстве и плодотворности молитвы для спасения души.

2. Твердо увериться, что Бог безусловно требует от нас молитвы, и слово Его везде о сем заповедует.

3. Постоянно помнить, что по лености и небрежению о молитве не можно успевать в делах благочестия и приобрести покой и спасение, а потому и неминуемо должно будет подвергнуться за сие как наказанию на земле, так и мучению в вечной жизни.

4. Воодушевлять решимость свою примерами угодников Божиих, кои все путем непрестанной молитвы достигли освящения и спасения, и прочее...

Хотя все сии средства имеют свое достоинство и вытекают из истинного разумения, но болящая нерадением сластолюбивая душа, приемля и употребляя оные, редко видит их плодотворность по той причине, что сии врачевства горьки для избалованного ее вкуса и слабы для глубоко поврежденной ее натуры. Ибо кто из христиан не знает, что молиться должно часто и прилежно, что сие приказывает и сего требует Бог, что за леность к молитве понесет наказание, что все святые усердно и непрестанно молились, однакож все сие познание как редко оказывает благотворное последствие! Каждый наблюдатель видит в себе, что он или мало, или нисколько не оправдывает деятельности сих внушений разума и совести, и не при редком воспоминании о сем живет все так же худо и лениво...

По сему-то опытные и богомудрые святые отцы, зная слабость произволения и дебелость сластолюбивого сердца человеческого, действуют на оное в особенности, и с сей стороны, подобно врачам, приправляющим горькое лекарство сладкими сиропами и умащивающим края лекарственного сосуда медом, то есть отцы открывают действительнейшее и легчайшее средство, истребляющее леность и нерадение к молитве, состоящее в надежде при помощи Божией достигнуть совершенства и сладостного упоения молитвою — любви к Богу.

Они советуют сколь можно чаще размышлять о таковом состоянии души и внимательно читать о сем повествования отцов, кои ободрительно уверяют, как доступно и легко можно достигнуть сих сладостных внутренних ощущений в молитве и сколь они вожделенны, как то: сладость, источающаяся из сердца; усладительная теплота и свет, изливающиеся внутри; неизреченный восторг, радость, легкость, глубокий покой и существенное блаженство и самодовольство жизни, вкушаемое при действии молитвы в сердце.

Углублением в сие размышление слабая и хладная душа согревается, укрепляется, ободряется усердием к молитве и как бы приманивается к опытам молитвенного упражнения — как говорит о сем и святой Исаак Сирин: «Приманка для души есть радость, производимая надеждою, процветающею в сердце, и преспеяние сердца есть размышление о своем уповании» (Сл. 41)³¹³. «Ибо во всяком человеческом деле, — он же продолжает, — в начале его делания и до конца предполагается какой-либо способ и надежда совершения. А сие и побуждает ум положить основание дела и продолжать его. И эта цель укрепляет ум к понесению трудности дела, и в воззрении на сию цель заимствует ум для себя утешение в деле»³¹⁴. Также преподобный Исихий, описывая преткновение леностию к молитве и образумление к поновлению усердия к оной, в заключение прямо говорит следующее: «Тогда бо не за иное что в сердечном безмолвии ходити готовы бываем, точию за сладкое онаго в душе чувство и веселие» (Гл. 120)³¹⁵.

А из сего и следует, что поощрением к рачению о молитве поставляет сей отец сладостное ее чувство и веселие... Подобно сему и Великий Макарий учит, что «духовные труды наши (молитву) с целию и надеждою плодов, то есть с наслаждением в сердцах наших, мы исполнять должны» (Слово 3, гл. 5)³¹⁶. Ясный пример сего способа как мощного средства виден на множайших местах Добротолюбия в подробных описаниях молитвенных наслаждений. Их-то как можно чаще потребно прочитывать борющемуся с недугом лености или сухости при молитве!³¹⁷

§ 61. *Иерей*. — Поведет ли неопытного таковое размышление к духовному любосластия, как называют богословы то стремление души, которое алчет чрезмерных утешений и любезности благодати, не довольствуясь тем, что она должна выполнять дела благочестия по обязанности и долгу, не мечтая о награде?

Профессор. — Я думаю, что богословы в сем случае предостерегают от неумеренности или алчности духовных наслаждений, а не вовсе отвергают сладость и утешение при добродетелях. Ибо если желание награды и не есть совершенство, Бог, однакож, не возбраняет человеку помышлять о награде и утешении и даже Сам употребляет мысль о награде для поощрения человека к исполнению заповедей и к достижению совершенства. «Чти отца твоего и мать твою»³¹⁸, — вот заповедь. И вот, вслед за нею, награда, поощряющая к исполнению ее: «Да благо

ти будет»³¹⁹. «Аще хочещи совершен быти, иди, продаждь имение твое и даждь нищим»³²⁰, — вот требование совершенства. И вот непосредственно за сим награда, поощряющая к достижению сего совершенства: «Имети имаши сокровище на небеси» (Мат. XIX, 21). «Возрадуйтесь в той день, егда возненавидят вас человецы и егда разлучат вы, и поносят, и пронесут имя ваше яко зло, Сына Человеческого ради»³²¹, — вот великое требование подвига, для которого нужна необыкновенная сила духа и непоколебимое терпение. Для сего вот и великая награда и утешение, способная возбудить и поддержать необыкновенную силу духа: «Се бо мзда ваша многа на небесех»³²². Посему я думаю, что и стремление к сладости в сердечной молитве весьма потребно и составляет главный способ к достижению как прилежности, так и успеха в оной³²³.

Итак, все это неоспоримо подтверждает практическое рассуждение отца Схимника о сем предмете, сейчас нам высказанное...

Схимник. — Самым ясным словом говорит о сем предмете один из великих богословов, именно святой Макарий Египетский, так: «Как при насаждении винограда прилагается прилежание и труд с целию собирания плодов, и если их не будет, то все дело будет тщетно, так и при молитве, если плодов духовных, то есть любви, мира, радости и прочее, в себе не усмотрим, бесполезен будет труд наш. А потому духовные труды наши (молитву), с целию или надеждою плодов, то есть наслаждений сладостию в сердцах наших, мы исполнять должны» (Слово 3, гл. 5)³²⁴. Видите ли, как ясно разрешил сей святой отец вопрос о потребности наслаждения при молитве?..

Да вот и еще, к статье, мне пришел на память недавно прочитанный мною взгляд одного духовного писателя на то, что естественность молитвы для человека составляет главную причину влечения его к молитвенному излиянию. А посему рассматривание сей естественности, по моему мнению, может также служить сильным средством к возбуждению прилежности в молитве, каковых средств так желательно изыскивает господин Профессор. Что припомнится, я сейчас вкратце перескажу вам замеченное мною из сего трактатца. Например, пишет оный духовный автор, что³²⁵ разум и природа доводят человека до Богопознания. Первый — исследывая, что не может быть действия без причины, и, по лестнице осязаемых вещей восходя от низших к высшим, наконец достигает до главной причины творений — Бога. Вторая — на каждом шагу раскрывая удивительную премудрость, стройность, порядок, постепенность, — дает основательный материал для лестницы, ведущей от конечных причин к бесконечной. Таким образом, естественный человек естественно приходит к познанию Бога! Потому-то ни одной нации, ни одного племени дикого не бывало и нет без какого-либо понятия о Боге. Вследствие сего понятия самый дикий островитянин, без всяких сторонних побуждений, как бы невольно, увлекает взор свой к небу, падает на колени, изводит непонятный для него, но необходимый вздох, чувствует непосредственно что-то особенное, что-то влекущее

его в высоту, что-то нудящее к чему-то неведомому... Из сего основания происходят все естественные религии. Причем весьма замечательно то, что повсеместно сущность или душу каждой религии составляет тайная молитва, ознаменовывающая себя каким-либо видом движений и явного жертвоприношения, более или менее искаженного тьмою грубого и дикого понятия людей языческих!.. Сколь дивно сие явление в глазах разума, столь более требует от него же раскрытия тайной причины сего дивного явления, выражающегося в естественном стремлении к молитве!

Психологический ответ на сие нетруден: корень, глава и сила всех страстей и действий в человеке есть врожденное себялюбие. Сие ясно подтверждает коренная и всеобщая идея самосохранения. Каждое желание, каждое предприятие, каждое действие человеческое имеет целию своею удовлетворение себялюбия, искание собственного блага. Удовлетворение сей потребности сопровождает всю жизнь естественного человека. Но как дух человеческий не удовлетворяется ничем чувственным и врожденное себялюбие никогда не умолкает в своем стремлении, посему желания развиваются более и более, стремление ко благу возрастает, наполняет воображение и настраивает к сему чувства. Излияние сего внутреннего ощущения и желания, само собою разверзающееся, есть естественное возбуждение к молитве, есть воскурение себялюбия, с трудом достигающего своих целей. Чем менее естественный человек успевает и чем более имеет в виду собственное благо, тем более желает, тем сильнее изливает желание свое в молитве, обращается с прошением желаемого к неведомой причине существ, каковое обращение воплощает в воображении его желания, дает отраду в надежде... Итак, врожденное себялюбие, главная стихия жизни, есть коренная причина, возбуждающая естественного человека к молитве!..

Премудрый Творец природы влиял³²⁶ в природу человека способность себялюбия именно как приманку, по выражению Отцов, которая бы влекла и возводила падшее человеческое существо к горнему общению. О, если бы человек не портил сей способности, не употреблял бы ее беспорядочно и держал бы в превосходстве в отношении к духовной своей натуре! Тогда бы он имел сильное ободрение и средство на пути к нравственному совершенству... Но увы! Как часто из сей благородной способности делает он подлую страсть самолюбия, когда обращает ее в орудие животной своей натуры!..

— Сердечно благодарю вас, дражайшие мои посетители! Душеспасительная ваша беседа весьма и меня усладила и много поучительно сообщила мне, малоопытному. Да воздаст вам Господь благодатию Своею за назидательную любовь вашу!

(Все распростились)^a

^a В левом нижнем углу карандашом: ок. 28 ф. 63. утро.

СЕДЬМОЕ СВИДАНИЕ

Молитесь друг за друга, яко да исцелее

(Иак. 5, 16)

Странник. — Мы с благочестивым спутником-профессором не могли преодолеть общего желания, чтобы, отправляясь в путь, не зайти к Вам окончательно проститься и попросить молитв Ваших о нас...

Профессор. — Да! Памятна для нас Ваша искренность и те душеполезные беседы, коими мы наслаждались у Вас среди друзей Ваших. Это воспоминание сохранится в душе нашей как залог общения и христианской любви и в отдаленной отсюда стране, куда мы стремимся.

— Благодарю за память. Как, между тем, приход ваш к стате! У меня остановились два путешественника: молдавский монах да пустынник, живший двадцать лет безмолвно в лесу. Им хочется вас увидеть, я сейчас позову их... Вот они!

§ 62. *Странник.* — Ах, какая блаженная жизнь в пустыне! И удобная для беспрепятственного приведения души к соединению с Богом! Безмолвный лес — как Эдемский рай, в коем сладостное древо жизни произрастает в молитвенном сердце пустынножителя... Если бы я сколько-нибудь имел средств к пропитанию, то, кажется, не расстался бы с отшельнической жизнью!

Профессор. — Все нам кажется особенно хорошим издали, а при опыте каждый уверяется, что всякое место, имея свои удобства, имеет и свои невыгоды. Конечно, для имеющего меланхолический темперамент и влечение к безмолвию отрадна жизнь отшельническая. Но сколько же предстоит и опасностей на сем пути? Аскетическая история представляет много примеров, в коих видно, как многие отшельники и затворники, вовсе лишившие себя общения с людьми, впали в самообольщение и глубокую прелесть.

Пустынник. — Удивляюсь, как часто слышу в России, не токмо в иноческих обителях, но даже и от некоторых богобоязненных мирян, что многих желающих пустынной жизни или упражнения во внутреннем молитвенном делании удерживает от последования сему влечению боязнь, чтобы не погибнуть от прелести. Настаивая на этом, они представляют сему и примеры в подкрепление своих умозаключений, почему, как сами чуждаются внутренней жизни, так и других от нее отдаляют... Думаю, это проистекает из двух начал — или от непонимания дела и от непросвещения духовного, или от собственной лености к подвигу созерцания и зависти, чтобы не превзошли в сих высших познаниях другие, стоящие на низшей степени в сравнении с ними... Очень жаль, что держащиеся сего убеждения не вникают в рассуждения святых отцов по сему предмету, которые прямо и решительно поучают, что «не должно бояться или сомневаться, призывая Бога»³²⁷. Если некоторые

и впали в самопрельщение или исступление ума, то сие случилось с ними от гордости, от неимения наставника и от принимания явлений и мечтаний за истину. «Если же и случилось бы таковое искушение, — продолжают они же, — то привело бы к опытности и венцу, ибо скорая помощь Божия покровительствует при сем попущении... “Дерзайте! Аз есмь с вами, не бойтесь!”³²⁸ — говорит Иисус Христос» (Гр. Син. л. 96)³²⁹. Из сего и следует, что напрасна боязнь и устранение от внутренней жизни под предлогом самопрельщения. Ибо смиренное сознание своих грехов, откровенность души наставнику и «безвидие» при молитве есть твердый и безопасный оплот от прелести, которой многие так сильно боятся и потому не касаются умного делания. Как, между тем, они-то сами и находятся в прельщении, по опытным словам святого Филофея Синайского, который говорит следующее: «Многие из иноков не понимают прелести ума своего, которую претерпевают от бесов, то есть они прилежно упражняются токмо в одной деятельности (в наружных добродетелях), о уме же (то есть о внутреннем созерцании) не пекутся, будучи непросвещены и неведущи» (Гл. 37)³³⁰. «Если даже и услышат о других, что внутренне воздействовала в них благодать, то и сие почитают прелестью от зависти», — подтверждает святой Григорий Синаит (Гл. 1)³³¹.

Профессор. — Позвольте спросить Вас! Конечно, сознание своих грехов удобно для каждого внимающего себе. Но как поступить в таком случае, когда не находится таковой наставник, который бы опытно мог руководствовать на внутреннем пути и, приемля откровение души, мог бы правильное и благонадежное сообщать ведение относительно духовной жизни? В таком случае, конечно, лучше не касаться созерцания, нежели самочинно и без руководителя посягать на оное?.. Далее, для меня неудобопонятно, каким образом, поставляя себя в присутствие Божие, можно сохранять совершенное «безвидие»? Это неестественно, ибо душа наша или ум ничего не может представить в воображении бесформально, в совершенном безвидии. И почему ж бы при погружении ума в Бога не представлять в воображении Иисуса Христа или Пресвятую Троицу, и прочее?..

Пустынник. — Хотя руководство опытного и сведущего в духовном деле наставника или старца, коему бы беспрепятственно с доверенностью и пользою можно было ежедневно открывать душу, помыслы и встречи на пути внутреннего обучения, и составляет главное условие при упражнении в сердечной молитве подвизающегося в безмолвии, но в случае невозможности найти такового те же святые отцы, кои сие заповедают, представляют при сем и исключение. Преподобный Никифор монашествующий ясно учит о сем так: «При упражнении во внутреннем сердечном делании потребен истинный и сведущий наставник. Если такового нет, то следует прилежно искать, если же не находишь, то, с сокрушением призвав Бога в помощь, почерпать наставление и руководство в учении святых отцов и поверять себя словом Божиим,

изображенным в Священном Писании»³³². При сем надо также принять в соображение и то, что по истинному и усердному желанию искателя можно услышать полезное и наставительное слово и от простых, ибо также святые отцы уверяют, что если с верою и правым намерением выступишь и срачина, то и сей может сообщить тебе слово полезное; если же без веры и справедливой цели потребуешь наставления и у пророка, то и он не удовлетворит тебя... Пример сему видим в великом Египетском Макарии, которому однажды сделал вразумление и сим пресек страсть простой поселянин³³³.

§ 63. Что же касается до «безвидия», то есть чтоб не воображать и не принимать никаких явлений во время созерцания — ни света, ни ангела, ни Христа и какого-либо святого — и отвращаться от всякого мечтания, то сие заповедуют опытные святые отцы конечно по той причине, что способность воображения удобно может воплощать или как бы оживлять умопредставление. А потому неопытный легко может увлечься сими мечтами, почесть их за явления благодатные и подпасть самопрельщению, а при том же, как изображает Священное Писание, что «и сатана весть преображаться в Ангела света»³³⁴. А что ум естественно и удобно может находиться в «безвидии» и сохранять оное и при воображении присутствия Божия, то это усматривается из того, что сила воображения может ощутительно что-либо представлять в «безвидии» и держаться на оном представлении при внимании предметам, не подлежащим чувству зрения, не имеющим внешнего вида или формы. Так, например, представление и самоощущение души нашей воздуха, тепла, холода. Находясь в холоде, можно живо представить в уме теплоту, хотя она и не имеет формы, не подлежит зрению, не измеряется осязанием находящегося в холоде. Подобно сему и присутствие духовного и непостижимого Существа Божия можно представить в уме и сознать в сердце в совершенном безвидии.

Странник. — Случалось и мне в странствии моем слышать от людей набожных и ищущих спасения, что они боятся, под изветом прелести, коснуться внутреннего делания. Некоторым я с пользою прочитывал из Добротолюбия наставление святого Григория Синаита, который говорит, что «сердечное действие не может быть прелестным (не так, как умственное), ибо если бы враг и захотел превратить теплоту сердечную в свое нестройное жжение или веселие сердца заменить чувственную мокротную сладостию, но время, опыт и чувство само собою обличит сии его коварства даже и для не очень ведущих сии его ухищрения»³³⁵.

§ 64. Также встречал и других, кои, к большому сожалению, и познавши стезю безмолвия и сердечной молитвы, в случае какого-либо преткновения или греховной слабости впадают в уныние и оставляют внутреннее делание сердца, познанное ими!

Профессор. — Да это и очень естественно! Я и сам иногда на себе испытываю, когда случится из внутреннего настроения уклоняться в развлечение или сделать какой-либо проступок... Ибо как внутренняя молитва сердца есть дело святое и единение Божие, то прилично ли и не дерзновенно ли вводить дело святое в сердце греховное, не очистивши его прежде безмолвным сокрушенным покаянием и достойным приготовлением к общению Божию? Лучше онеметь пред Богом, нежели износить «безумные глаголы» из сердца омраченного и развлеченного!

Монах. — Очень жаль, что Вы так рассуждаете! Эта мысль «уныния», которое преступнее всякого греха и составляет главное оружие темного мира в отношении к нам... Опытные и святые отцы наши в сем случае совсем иное дают наставление. Преподобный Никита Стифат говорит, что «если бы ты пал и нисшел даже во глубину адской злобы, то и тогда не унывай и не отчаявайся, но обращай скорее к Богу, и Он скоро восставит унылое твое сердце и даст тебе силу более прежней» (Гл. 54)³³⁶. Итак, после всякого падения и греховного уязвления сердца немедленно следует поставлять его в присутствие Божие для исцеления и очищения, подобно как зараженные вещи, пролежав несколько времени под влиянием лучей солнечных, теряют свою заразительную остроту и силу. О сем множество духовных учителей утвердительно говорят, что, «работорствуя со врагами спасения — страстями нашими, если бы ты и по тысяче язв на всякий день получал, однакож никак не должен отступать от живоносного делания, то есть призывания Иисуса Христа, сущего в сердцах наших!»³³⁷. Проступки^а наши не только не должны отвращать нас от хождения в присутствии Божию и от внутренней молитвы, возбуждая беспокойство, уныние и печали, но еще и способствовать к скорому обращению нашему к Богу. Младенец, водимый матерью, когда начнет ходить, скорее к ней обращается и крепко за нее придерживается, когда спотыкается.

Пустынник. — Я так о сем думаю, что дух уныния и обуревающие сомнительные помыслы возбуждаются удобнее всего рассеянностью ума и нехранением безмолвного обращения в самого себя. Древние богومудрые отцы одерживали над унынием победу и получали внутреннее озарение и укрепление в уповании на Бога в спокойном безмолвии и уединении, да и нам преподали в сем случае полезный и мудрый совет: «Сиди безмолвно в келии твоей, и она всему тебя научит»³³⁸.

§ 65. *Профессор.* — Вследствие доверенности моей к Вам, мне очень желательно услышать ваш критический разбор моих мыслей относительно похвального Вами безмолвия и благотворной пользы затворничества, коего так любят держаться пустынники. Вот как о сем я рассуждаю.

^а Исправлено из: поступки.

Так как все люди, по закону природы, предписанному Творцом, состоят в необходимой зависимости один от другого, а потому и обязаны один другому помогать в жизни, один для другого трудиться и быть полезными один другому. Сею общительностию зиждется благосостояние человеческого рода и оличается³³⁹ любовь к ближним... А безмолвный затворник, удаливший себя от общения с людьми, чем может в бездействии своем служить ближнему и какую пользу приносить для благосостояния человеческого общества? Он совершенно разрушает в себе закон Творческий относительно союза любви с себе подобными и благотворного влияния на собратий!..

Пустынный. — Поелику таковой взгляд Ваш на безмолвие неверен, то и заключение неправильно. Разберем это подробно:

1. Уединенный безмолвник не только не находится в бездейственном и праздном состоянии, но преимущественно действует, и даже более, нежели участвующий в общественной жизни. Он неутомимо действует высшею разумичною своею натурою: наблюдает, соображает, следит за состоянием и ходом нравственного своего бытия. Это истинная цель безмолвия! А сие сколько полезно для собственного его усовершенствования, столько же и для ближних, лишенных возможности нерассеянно погружаться в самих себя для развития нравственной жизни, ибо наблюдательный безмолвник, сообщая свои внутренние опыты или словесно (при исключительных случаях), или передавая оные в писмени, благотворно содействует душевной пользе и спасению своих собратий. И содействует более и выше, нежели общественный, частный благотворитель, потому что частная, чувственная благотворительность жителей мира ограничивается всегда небольшим числом благотворимых, а благотворящий нравственно, изобретением убеждений и опытных способов к совершенствованию духовной жизни, делается достоянием целых народов. Его опыты и назидания переходят от поколения к поколению, что мы видим и чем пользуемся с древности до сего времени. И это не токмо ничем не разнится от щедрой милостыни — Христа ради, осуществляемой христианскою любовью, но даже и превосходит оную по своим последствиям!

2. Благотворное и полезнейшее влияние безмолвника на ближних открывается не только в сообщении его наставительных наблюдений над внутреннею жизнью, но даже и самый пример его отрешенной жизни пользует внимательного жителя мира, приводя его в самосознание и обращая к чувству благоговения^а... Житель мира, слыша о благоговейном отшельнике или проходя мимо его затвора, ощущает возбуждение к благочестивой жизни, воспоминает, чем может быть человек на земли и как доступно человеку возвращать первобытное свое созерцательное состояние, в каковом он вышел из рук Творческих. Безмолвный

^а *Испр., в ркп: благоговения.*

отшельник самым молчанием своим учит, самую жизнь использует, назидает и убеждает к исканию Бога!..

3. Показанные пользы проистекают от безмолвия истинного, просвещенного и осененного светом благодатным. Но если бы безмолвник и не имел сих благодатных даров, чтоб быть светильником мира, если бы вступил на путь безмолвия с тою токмо целью, чтоб сокрыть себя от общества себе подобных по причине своей лености, нерадивости и худого и соблазнительного примера, то и тогда он сделал бы великую пользу и благотворное влияние на общество, среди которого он находился, подобно как садовник отсекает сухие и бесплодные ветви и извергает вредные растения для беспрепятственного возрастания лучших и полезных. И это уже много, и это уже общественная польза, что безмолвник отшельством своим отъежает соблазн, неминуемо происходивший бы от его худой и бласнительной жизни среди людей и повреждавший бы нравственность ближних.

О важности безмолвия святой Исаак Сирин отзывается так: «Когда на одну сторону положим все дела жития сего, а на другую — молчание, тогда найдем, что оно перевешивает на весах» (Сл. 41)³⁴⁰. «Творящих знамения, чудеса и силы в мире не сравнивай с безмолвствующими с ведением. Бездейственность безмолвия возлюби паче, нежели насыщение алчущих в мире и обращение многих народов к поклонению Богу. Лучше тебе самого себя разрешить от уз греха, нежели рабов освобождать от рабства» (Сл. 56)^{341 342}.

Даже самые стихийные мудрецы дознавали пользу безмолвия. Философская школа неоплатоников, имевшая многих знаменитых последователей, под руководством философа Плотина глубоко развивала созерцательную, внутреннюю жизнь, достигаемую преимущественно в безмолвии... Один духовный писатель сказал, что если бы государство было развито до последней степени образованности и нравственности, то и тогда все еще останется забота и потребность иметь людей для иных, созерцательных целей, кроме общественной гражданской деятельности, дабы поддерживать дух истины и, приемля оный от всех веков минувших, сохранять для веков будущих и передавать потомству. Таковые люди в Церкви суть пустыnnики, отшельники и затворники³⁴³.

Странник. — Кажется, никто так верно не оценил превосходства безмолвия, как святой Иоанн Лествичник. «Безмолвие, — говорит он, — есть мать молитвы, возвращение из греховного плена, нечувствительный успех в добродетелях и неприметное восхождение на небо»³⁴⁴. Да и Сам Иисус Христос, дабы показать нам пользу и необходимость безмолвного уединения, почасту оставляя общенародную проповедь, уходил в безмолвные места для молитвы и успокоения.

Созерцательные безмолвники суть как столпы, поддерживающие благочестие Церкви своими тайными непрестанными молитвами. Даже в самой древности видно, что многие из благочестивых жителей мира, даже самые цари и сановники их, отправлялись на посещение

пустынников и безмолвников, дабы просить молитв их в подкрепление и спасение. Следственно, и безмолвный отшельник может служить ближним и действовать к пользе и благу общества уединенною молитвою...

§ 66. *Профессор.* — Вот еще и эта мысль для меня неудоборешима: у всех нас, христиан, есть общий обычай просить молитв друг у друга; желать, чтобы молился о мне другой и, в особенности, доверенный мне член Церкви. Это не просто ли потребность себялюбия, не перенятое ли токмо обыкновение говорить так, как слышали от других, как мечтается уму, без всяких дальнейших соображений? Ужели Бог требует ходатайства человеческого, провидя всё и делая по Своему всеблагому Промыслу, а не по нашему хотению, зная и определяя все прежде прошения нашего, как говорит Святое Евангелие? Ужели сильнее может побеждать определение Его молитва многих, нежели одного? В таком случае Бог был бы лицеприемлен! Ужели молитва другого может спасти меня, когда «кийждо от своих дел или прославится, или постыдится»³⁴⁵? А посему требование молитвы другого и есть (как думаю) токмо благочестивый плод духовного учтивства, поставляющий на вид смирение и желание угодить предпочтением одного другому, и более ничего!

Монах. — По внешнему рассуждению и стихийной философии может представляться это и так, но духовный разум, осененный светом религии и образованный опытами внутренней жизни, проникает глубже, созерцает светлее и таинственно открывает совсем противоположное представленным Вами умозаключениям. Чтобы скорее и яснее понять это, объясним примером и поверим истину сию Словом Божиим!

Например, к одному учителю ходил ученик брать уроки просвещения. Слабые способности, а не менее и леность и рассеянность, свойственные летам, препятствовали ученику в успехе учения и поставляли его в разряд ленивых и безуспешных. Опечаленный сим, не знал, что делать, как бороться с недостатками своими! Некогда встретясь с другим учеником, товарищем по классу, более его способным, прилежным и успешным, объявил ему свое горе. Сей, принявши в нем участие, пригласил его заниматься вместе. «Будем учиться вместе, — сказал он, — нам будет охотнее и веселее, а потому и успешнее». И так они стали учиться совокупно, передавая один другому, кто что понял — предмет учения был один и тот же. И что ж последовало чрез несколько дней? Нерадивый сделался прилежным, ощутил вкус в учении, небрежение его сменилось усердием и понятливостию, что и сделало благотворное влияние даже и на самый характер его и нравственность. А понятливый его товарищ сделался еще быстрее, еще способнее и трудолюбивее. Они в воздействии одного на другого приобрели общую пользу... Да это и весьма естественно, ибо человек рождается в обществе людей, развивает разумичные понятия чрез человеков, обычаи жизни, настроение чувств, стремление желаний; словом, всё он приемлет по образцу себе

подобного. А потому как жизнь людей состоит в теснейшем соотношении и могущественном влиянии одного на другого, то кто между какими людьми живет, таковым и навывается обычаям, действиям и нравам. Следовательно, хладный может возгреваться, тупой — остреть, ленивый — возбуждаться к деятельности живым участием подобного себе человека. Пример сему весьма ясно выражается в магнитном влиянии и рапорте³⁴⁶: здесь видимые опыты доказывают, как удобно может разверзаться, вовлекаться и, в особенности, действовать душа, возбуждаемая участием и желанием души другого!

Если это так бывает в жизни естественной, то, конечно, и еще возможно в жизни духа, который, будучи невеществен, удобнее может сообщать или усваивать сообщаемое влияние, как то: тождество, вовлечение, действие и силу — подобному себе духу, находясь в одинаковом свойстве с ним. Дух духу может передавать себя, может благотворно действовать один в другом, вовлекать его в молитву, во внимание, ободрять в унынии, отклонять от порока и возбуждать к святой деятельности, а посему, вспомоществуемый один другим, может соделываться благочестивее, подвижнее и богоугоднее... Вот тайна, содержащая пользу молитвы за других и объясняющая благочестивый обычай христиан молиться одному за другого, просить молитвы братней!.. А из сего и можно видеть, что не Бог удовлетворяется многими прошениями и ходатайствами (как это бывает у сильных земли), а самый дух и сила молитвы очищает и возбуждает душу, о которой молятся, и представляет ее как способную к соединению с Богом...

Если так плодотворна обоюдная молитва живущих на земли, то само собою разумеется, что и молитва о преставльшихся так же обоюдно благодетельна, по теснейшей связи мира горнего с дольным, так же может вовлекать в общение душ Церкви воинствующей с душами Церкви торжествующей, или, что то же, живых с отшедшими.

Хотя все сказанное мною и есть суждение психологическое, но, раскрыв Священное Писание, мы уверимся в истине оногo:

1) Так говорит Иисус Христос апостолу Петру: «Аз же молихся о тебе, да не оскудеет вера твоя»³⁴⁷. Вот, сила молитвы Христовой укрепляет дух Петра и ободряет при искушении против веры!

2) Когда апостол Петр содержался в темнице, «молитва же была прилежна в Церкви о нем»³⁴⁸. Здесь обнаруживается помощь братской молитвы в скорбных обстоятельствах жизни...

3) Но самая ясная заповедь о молитве за ближних выражается святым апостолом Иаковом так: «Исповедайте друг другу согрешения и молитесь друг за друга, да исцелете. Много бо может молитва праведнаго поспешествуема»³⁴⁹. Здесь определимо подтверждается и вышесказанное психологическое умозаключение.

А что сказать о примере святого апостола Павла, данном нам в образец молитвы друг за друга? Один писатель замечает, что этот пример святого апостола Павла должен научить нас, сколь потребна взаимная

друг о друге молитва, когда и сей, и толико святой и крепкий, подвижник духовный признает для себя нужду сей духовной молитвенной помощи... Он в Послании своем к Евреям выражает прошение свое так: «Молитесь о нас, уповаем бо, яко добру совесть имамы, во всех добре хотяще жити³⁵⁰». Внимая сему, как неразумно было бы опираться на свои токмо собственные молитвы и успехи, когда руководствуемый смирением толико облагодатствованный святой муж просит соединить молитву ближних (евреев) с его собственной? А потому, с каким смирением, простотою и союзом любви надлежит нам не отвергать, не пренебрегать молитвенной помощи даже и немощнейшего из верующих, когда прозорливый дух апостола Павла не употребил в сем случае разборчивости, но просил молитвы обще от всех, зная, что сила Божия в немощех совершается³⁵¹. Следовательно, может иногда совершиться и в немощных по-видимому молитвенниках... Убедясь сим примером, заметим еще, что молитва друг за друга поддерживает союз христианской любви, заповеданной Богом, свидетельствует смирение, и дух просящего как бы вовлекает в дух о нем молящегося, и воспламеняется сим обоюдная молитва³⁵²...

Профессор. — Прекрасен и точен разбор и доказательства Ваши, но любопытно было бы услышать от Вас самый способ и форму молитвы о ближних, ибо я думаю, что если плодотворность и вовлечение молитвы зависит от живого участия в ближнем и преимущественного, постоянного влияния духа молящегося на дух требующего моления, то не будет ли таковое настроение души отвлекать от непрерывного поставления себя в безвидное присутствие Божие и излияния собственной души пред Богом в собственной потребности? А если токмо раз или два в сутки привести на память своего ближнего с участием в нем и прося ему помощи от Бога, то достаточно ли сие будет к вовлечению и подкреплению души того, о ком помолишься? Короче сказать, хочется узнать, каким образом или как молиться о ближнем?

§ 67. *Монах.* — Молитва, о чем бы ни была, приносимая Богу, не должна, да и не может выводить из поставления себя пред Богом, поелику если она изливается к Богу, то и бывает, конечно, в Его присутствии...

Относительно же способа моления о ближнем надо заметить, что сила сей молитвы состоит в искреннем христианском участии в ближнем и, по мере оного, имеет влияние на его душу. А потому при воспоминании о нем (о ближнем) или в назначенный для сего час следует, возведя умственный взор к Богу, произнести молитву в следующей форме:

«Милосердый Господи! Да будет воля Твоя, хотящая всем спастися и в разум истины прийти³⁵³. Спаси и помилуй раба твоего (такого-то). Приими сие желание мое как вопль любви, заповеданной Тобою».

Обыкновенно повторяются слова сии по временам движения души, или случается и перебирать четки с сею молитвою. Я по опыту изведаль, как благотельно действует таковое моление на того, о ком приносится.

Профессор. — Назидательная беседа и светлые мысли, почерпнутые из Ваших взглядов и рассуждений, обязывают меня сохранять как оные в незабвенной памяти, так должное ко всем вам уважение и благодарность, засвидетельствовавши здесь, изнести отсюда в признательном моем сердце...

Странник и Профессор. — Итак, время отшествия нашего уже настало. Усерднейше просим молитв Ваших в напутствие и сопутствие наше!

— Бог мира, возведый из мертвых Пастыря овцам Великого, кровию Завета вечного, Господа нашего Иисуса Христа, да совершит вы во всяком деле блазе сотворити волю Его, творя в вас благоутное пред Ним, Иисус Христом, Ему же слава во веки веков. Аминь.^a

СОДЕРЖАНИЕ СТРАННИКОВЫХ РАССКАЗОВ

Рассказы при первом свидании

1. Объявление о себе.	59 ^b
2. Причина искания молитвы.	59
3. Неудовлетворительность проповедей слышанных.	60
4. Искание опытного наставника.	64
5. Обретение наставника и его взгляд на проповедников.	65
6. Наставление, как приобрести внутреннюю молитву.	68
7. Практическое учение молитве и последствия.	69
8. Продолжение странствования и приобретение Добротолюбия.	72
9. Достижение цели.	73

Рассказы при втором свидании

10. Желание уединения.	74
11. Путешествие в Сибирь, ощущение сердечной молитвы и наслаждение оною.	74
12. Нападение разбойников и ограбление.	75
13. Неожиданное возвращение похищенных книг.	76
14. Рассказ капитана о чудотворной силе Евангелия.	77

^a На левом поле чернилами добавлено: Евр. XIII, 20–22, а в левом нижнем углу добавлено: 19 марта и ниже карандашом: 63.

^b Здесь и далее страницы, указанные в ркп., заменены на страницы наст. выпуска «Богословских трудов».

15. Чудотворная сила Иисусовой молитвы.	79
16. Добротолюбие открывает и уясняет таинственные предметы.	80
17. Беседа с полесовщиком, ищущим спасения.	81
18. Затвор в землянке и сновидение старца, указавшего способ, как читать Добротолюбие.	83
19. Практикование прочтенных и узанных истин относительно внутренней молитвы и насладительные последствия одного.	85
20. Продолжение странствования.	86
21. Нападение волка и оборона от него старцевыми четками.	87
22. Беседа с учителем и писарем на ночлеге.	87
23. Житье в часовне и научение девицы Иисусовой молитве.	89
24. Продолжение странствования, подавание под суд и ободрительное сновидение старца.	91
25. Болезнь и облегчение, знакомство с управителем и излечение управительши.	94
26. Прибытие в Иркутск, получение письма для отправления в Иерусалим.	98

Рассказы при третьем свидании

27. Место рождения, сиротство и воспитание.	99
28. Вступление в ^а жизнь.	100
29. Обнищание и благочестивая жизнь.	100
30. Кончина супруги.	101
31. Причина странствования.	101

Рассказы при четвертом свидании

32. Неожиданный спутник.	102
33. Взгляд на воспоминание происшествий.	103
34. Примерно благочестивое семейство.	104
35. Явление душ по смерти.	111
36. Слепец, научившийся внутренней Иисусовой молитве.	115
37. Продолжение путешествия и искушение на станции.	119
38. Благочестивый священник.	122
39. Чудотворная сила и благодетельность Иисусовой молитвы, испытанные странницею.	124
40. Отрок, наученный непрестанной Иисусовой молитве.	126

Рассказы при пятом свидании

41. Возврат из Одессы.	128
42. Удивительное происшествие при обозе.	130

^а Исправлено, в ркп: с.

43. Странноприимец Евреинов.	132
44. Наставление о стократном воздаянии от Бога.	134
45. О покровительстве и милосердии Божией Матери.	137
46. Чудесно наученный Иисусовой молитве пастух.	138
47. Наставление, как исповедываться.	140
48. Последствие причащения Святых Таин.	145
49. Встреча со старообрядцем.	145
50. Беседа с афонским старцем о величии и интонации Иисусовой молитвы.	146
51. Взгляд на евреев.	149
52. Подходя к Почаеву, встреча с солдатом и его откровенность о адских мучениях.	149
53. Неожиданный спутник и толкование Евангелия.	153

Рассказы при шестом свидании

54. Чудотворное происшествие от Евангельской книги.	158
55. Тайна спасения, состоящая в частости молитвы.	161
56. Доказательства, что всем и везде можно молиться.	169
57. Каким образом при развлекающих занятиях сохранять присутствие Божие.	171
58. Возражение против устной и частой Иисусовой молитвы и опровержение оногo.	172
59. О могущественной силе молитвы.	175
60. Средства и способы, возбуждающие прилежность к молитве.	177
61. Позволительно ли желать услаждения и награды за добродетель.	178

Рассказы при седьмом свидании

62. О прелести или самообольщении.	181
63. О безвидии при молитве.	183
64. О унынии.	183
65. О пользе безмолвия.	184
66. О молитве за ближних, живых и усопших.	187
67. Форма молитвы. ^a	189

^a В левом нижнем углу карандашом: 31 мая 63.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Описание странника восходит к описанию старца Василиска, которое АТ составил в феврале 1850 г.: «Наружный его вид: росту он был среднего, сух телом, однакож мускулист; волосы имел русые, бороду небольшую, но окладистую; лице несколько кругловатое; лоб возвышенный, нос не велик и широковат; видом был приятен; жил более 80 лет; темперамента был сангвинического и весьма чувствителен» (Муз-9265. Л. 247).

² В русской церковной традиции XIX в. «Троицыным днем» (днем Святой Троицы) назывался праздник Пятидесятницы.

³ 1 Фес. 5, 14–23. Согласно принятому в Русской Православной Церкви распорядку богослужебного чтения Священного Писания в 24-ю неделю (воскресенье) читается 221-е «зачало» (Еф. 2, 14–20), а 273-е «зачало» читается в субботу 32-й седмицы (недели) после Пятидесятницы. Однако тексты из Первого послания к Фессалоникийцам читаются на богослужении в седмичные дни 22-й и 23-й недель после Пятидесятницы, что могло быть причиной отнесения заключительной части этого послания к 24-й неделе (воскресенье).

⁴ 1 Фес. 5, 17.

⁵ Ср.: 1 Фес. 5, 17.

⁶ Ср.: Еф. 6, 18.

⁷ Ср.: 1 Тим. 2, 8.

⁸ Высказывание священника о запрете чтения Священного Писания определялось ответами на I и II вопросы («Все ли вообще христиане должны читать Священное Писание?», «Всем ли читающим христианам понятно Писание?»), входившими в состав «Послания патриархов Восточно-кафолической Церкви о православной вере» (1723 г.), где было отмечено, что «без разбору позволять неисккусным чтение Священного Писания то же значит, что и младенцам предложить употребление крепкой пищи» и что «невозможно всем постигнуть то, что Дух Святой открывает только совершенным в мудрости и святости» (Царская и патриаршая грамоты о учреждении Святейшего Синода, с изложением Православного исповедания Восточно-кафолической Церкви. СПб., 1838. С. 59, 60).

⁹ Лк. 18, 11. Текст 89-го «зачала» (раздела) из Евангелия от Луки (Лк. 18, 10–14) представляет собой евангельское чтение в Неделю о мытаре и фарисее (в первый воскресный день из трехнедельного подготовительного периода перед Великим Постом), которое читалось на Литургии и определяло содержание проповеди.

¹⁰ Ср.: Еф. 2, 8.

¹¹ Мф. 7, 7.

¹² Лк. 17, 5.

¹³ Быт. 8, 21.

¹⁴ Ср.: Еккл. 1, 13.

¹⁵ Ср.: Иез. 11, 19.

¹⁶ Пс. 50, 12.

¹⁷ 2 Кор. 12, 8.

¹⁸ Рим. 7, 25.

¹⁹ Упоминание о Манассиной молитве находится в Ветхом завете (2 Пар. 33, 13, 18–19) и в молитве «Боже, спасителю Наш, иже пророком твоим Нафаном», входящей в чинопоследование покаяния (исповеди) в Требнике. Текст покаянной «Молитвы Манассии, царя Иудейского» находится в конце 2 Пар. в изданиях Библии, а также в Часослове во второй части Великого повечерия.

²⁰ Третье воскресенье Великого поста.

²¹ Еф. 6, 18.

²² Мф. 6, 7.

²³ Еф. 6, 18.

²⁴ Ср. сходное упоминание («сие то и называется воздыханиями сердечными, или краткою, но пламенною молитвою»: Муз-9265. Л. 462) в разделе «О сердечных воздыханиях», входящем в «Советы, нужные для возвышения души к Богу посредством

внутренней молитвы», составленные АТ в июне 1840 г. на основе источников западного происхождения (Муз-9265. Л. 451–462 об.).

²⁵ Совпадающий набор «цитат» находится в начале текста «Повсеместность молитвы», составленного АТ 11 сентября 1859 г.: «Помни Господа твоего выну...» (заповедал св. Пророк Моисей), Втор. VIII, 18; «Во всех путях твоих памятуй Господа...» (поучает Премудрый), Прит. III, 6; «Приближайся к Богу твоему выну...» (вопиет св. Пророк Осия). Осии, XII, 6» (Муз-10948. Л. 62), однако тексты в указанных местах Священного Писания несколько отличаются.

²⁶ Пс. 25, 2.

²⁷ Мф. 6, 7.

²⁸ Ср.: Лк. 18, 1.

²⁹ Мф. 7, 7.

³⁰ Ср.: Мф. 21, 12–13.

³¹ Ср.: Тов. 12:8–9, Сир. 3, 14.

³² Ср.: Лк. 18, 7.

³³ Ср.: Исх. 10, 17. Упоминание о «гордом фараоне» находится в XXI письме (1846 г.), входящем в составленные АТ «Письма, содержащие убеждение к занятию внутреннею молитвою» («Молится *над строкой добавлено карандашом*: гордый) фараон, “да отымет Бог от мене смерть сию”, и услышан бысть», Муз-9561. Л. 65 об.; опубл. по Опт-411: *Троепольский*, 2006: 501), где рассматриваемый фрагмент был заимствован из LXIX главы «Утешительных глав» Иоанна Карпафийского (*Добротолюбие*. 1822. Ч. IV. Л. 9). О молитве «гордого фараона» упоминается также в заметке «О силе слова» (Муз-9265. Л. 311–312 об.), составленной АТ в 1848 г.: «Произносит молитвенные слова — молится гордый фараон, и услышан от Господа (Исх. гл. <10> ст. <17>)» (Л. 311 об.).

³⁴ Ср.: Мф. 14, 30–31. Упоминание о «маловернем Петре» и его молитве неоднократно встречается в различных сочинениях АТ, посвященных особой силе, которой обладало, по мнению составителя, имя Иисуса Христа, в том числе в составленном в 1841 г. «Трактате о влиянии призывания Имени Божия на жизнь» (Муз-9265. Л. 348 об. — 349), в заметке «О силе слова», составленной в 1848 г. (Муз-9265. Л. 311 об.), в V письме (1851 г.), входящем в «Письма, содержащие убеждение к занятию внутреннею молитвою» (Муз-9561. Л. 11 об.; опубл. по Опт-411: *Троепольский*. 2006: 472).

³⁵ Пс. 102, 22.

³⁶ Деян. 7, 48.

³⁷ Ис. 55, 6–7.

³⁸ 1 Фес. 5, 17.

³⁹ В заметке АТ «Повсеместность молитвы», составленной 11 сентября 1859 г., содержатся рассуждения о стремлении творения к Творцу, которое соотносилось с непрестанной молитвой: «если <...> все вещи стремятся к своему центру, <...> то это стремление может быть названо непрестанною молитвою тварей» (Муз-10948. Л. 62 об., 63). Они восходили к известному сочинению Ж. — М. Гюйон «Краткий и легчайший способ молиться, коим каждый легко может приобрести внутреннюю, сердечную молитву и достигнуть чрез то высокого совершенства» (СПб., 1821), где рассматривалось центростремительное влечение творения к Творцу: «Бог есть центр наш. Центр всегда имеет великую притягательную силу. Чем она превосходнее и духовнее, тем влечение его бывает сильнее и стремительнее <...>. Кроме собственного притягательного свойства сего центра, все твари имеют также сильное стремление к соединению со своим центром» (С. 48).

⁴⁰ Сочинение свт. Димитрия Ростовского «Внутренний человек, в клети сердца своего уединен, поучающийся и молящийся в тайне» в 1824 г. было напечатано в виде отдельной брошюры в Московской синодальной типографии в 1824 г. (Внутренний человек: Из сочинений святого Димитрия, митрополита Ростовского. М., 1824) и переиздано в 1845 г. Из составленного в 1851 г. автобиографического «Перечня жизни одного пустытника» следует, что АТ неоднократно читал этот текст в юношеском возрасте: «В 1819 и <18>20 годах (15 л<ет>), читая сочинения св<я>тителя Димитрия, его «Молитву

исповедания» и «Внутреннего человека», углублялся во внимание и чувствовал особенную приятность при чтении наставлений о сердце и внутреннем состоянии (Пр<?>)» (Муз-9265. Л. 313 об.). В «Четырех книгах о молитве», составленных в 1840 г., АТ упоминает указанное сочинение в разделе «Молитва внутренняя с X-го века христианской Церкви»: «Святитель Димитрий, митрополит Ростовский, в книге своей под названием «Духовное обучение внутреннего человека» очень ясно отличив (*так в ркн!* — А.П.) практические свои познания по внутренней жизни в этом же веке» (Воскр-147. Л. 248 об. — 249).

⁴¹ Евр. 9, 6.

⁴² Ср.: Внутренний человек: Из сочинений святого Димитрия, митрополита Ростовского. М., 1824. С. 21–23.

⁴³ Там же. С. 24–25.

⁴⁴ Текст от слов «много есть о ней поучений различных писателей» до слов «можно находить обстоятельные объяснения» восходит к соответствующему тексту из «Заметки» АТ, составленной 29 сентября 1859 г. (Муз-10953. Л. 202 <= с. 819>).

⁴⁵ Текст этого абзаца восходит к соответствующему тексту из заметки АТ о «генеалогии спасительной жизни», составленной 22 сентября 1859 г.: «Удивительно, что многие рассуждают о сем совсем наоборот, думая, что подвиги производят молитву, а не молитва рождает подвиги и все добродетели, а посему и не касаются молитвы, полагая прежде приуготовить себя к оной подвигами и побеждением страстей. В сем случае они плоды, или последствия молитвы неправильно принимают за средства и способы к оной, и сим уничижают силу молитвы...» (Муз-10953. Л. 201 об.).

⁴⁶ 1 Тим. 2, 1.

⁴⁷ Текст этого абзаца от слов «ибо святой апостол Павел» до слов «частой молитвы» находится в начальной части «Мыслей о том, что прежде всего и более всего должно заниматься молитвою», составленных АТ 24 сентября 1859 г. (Муз-10948. Л. 65–70 об.; указанный текст находится на Л. 65–65 об.).

⁴⁸ Ср.: Рим. 8, 26.

⁴⁹ Указанная цитата восходит к цитате, которая находится в заключительной части русского перевода слова Исаака Сирина «О хранении сердца и тонком созерцании»: «Ибо каждая добродетель есть мать другой добродетели. Поэтому, если оставишь мать, рождающую добродетели, и пойдешь искать дочерей прежде, нежели отыщешь мать их, то оныя добродетели оказываются для души сходными (*ошибка набора, должно быть*: «ехиднами» — А.П.)» (Исаак Сирин. 1854: 448). Непосредственным источником рассматриваемой цитаты является, вероятно, упомянутая выше (примеч. 45) заметка о «генеалогии спасительной жизни», тексту которой предшествует схематический рисунок (Муз-10953. Л. 201 <= с. 853>), в верхней части которого изображен треугольник в надписью «Бог», под ним — шестиконечная звезда с надписью «Разум», под которой изображены на одном уровне два прямоугольника с надписями над ними («Причина», «Действие») и текстами внутри: «убеждение в силе, благотворности и необходимости молитвы» и «частость молитвы, преимущественность ее пред всеми занятиями» (соответственно). Каждый из этих прямоугольников соединен линиями с находящимся под ними кругом, внутри которого написано «Молитва, мать добродетелей, рождающая чад». Под кругом изображены 12 прямоугольников, вытянутых по высоте листа, с надписями: «Подвиги», «Благоговение», «Чистота», «Воздержание», «Самоотвержение», «Прощение обид», «Братолюбие», «Неосуждение», «Безмолвие», «Внимание», «Богомыслие», «Смирение». Эти прямоугольники соединены линиями с кругом и над ними находится надпись: «Произведение молитвы». Под схематическим изображением находится текст: «Вот последовательная генеалогия спасительной жизни! «Стяжи мать, — говорит Исаак Сирин, — и она тебе произведет чад». Следственно, прежде всякого приуготовительного подвига следует обучиться молитве...» (Муз-10953. Л. 201–201 об. <= с. 853–854>). Далее следует текст, приведенный выше (прим. 45).

⁵⁰ Ср.: «35. И молитва добродетелию глаголется, аще и мать оных есть: рождает бо оныя от соединения со Христом» (Тогожде (Марка подвижника) о мнящихся от дел

оправдаться, 226 глав // *Добротолюбие*. 1822. Ч. I. Л. 23 об.). Русифицированный вариант этой цитаты имеется в начале составленного АТ в феврале 1850 г. текста «Об истинной молитвенной сладости, потребности искания ее, и пользе размышления об оной» (Муз-9265. Л. 188–194 об.): «Как в Слове Божиим, так и в наставлениях Святых Отцов видно, что источник и мать добродетельной жизни и спасения есть молитва <...>. Святой Марко Подвижник, опытно познавший сию истину, так выражается: “Хотя молитва и называется добродетелию, но она есть мать оных: ибо рождает их посредством соединения своего со Христом”» (Л. 188).

⁵¹ Ср.: «Стоит только раскрыть книгу, называемую Добротолюбие, которая собрана из сочинений 25 святых отцов, учивших внутренней молитве, разными способами и средствами, ведущими к оной, то найдешь там множество рассуждений, наставлений и руководств к созерцательной жизни...» («Наставление как внутренне молиться Богу, предложенное в простосердечном разговоре». Муз-10948. Л. 317 об. — 318). Отсылки АТ к Добротолюбию, содержащиеся в составленном им в 1852 г. сборнике русских переводов отдельных фрагментов из Добротолюбия («Места, содержащие учение внутренней молитве по художественным или искусственным способам, открытым святыми отцами в книге Добротолюбие, изложенные в переводе, по порядку оной книги», Муз-9265. Л. 116–131), показывает, что он пользовался вторым изданием славянского Добротолюбия, которое было напечатано в Москве в 1822 г. (*Добротолюбие*. 1822). В автобиографическом «Искателе внутренней молитвы», составленном АТ в октябре 1834 г., отмечено: «В 1822 году, мельком увидевши в Д.Т. книгу, называемую Филокалия, или Добротолюбие, получил краткое объяснение о содержании ее от некоего старца Р. Когда он говорил, что Филокалия содержит наставления о Иисусовой молитве, тогда Предопределенный спрашивал: “Какая же Иисусова молитва, ‘Отче наш?’”. “Нет, — отвечал он, — а ‘Господи Иисусе Христе помилуй мя!’”. Сие заняло Предопределенного, и он, стяжавши Добротолюбие и молдавские предисловия, сделался Искателем. Читая оные, распалился ревностию ко внутренней молитве, которая представлялась приятнейшею всего в жизни» (Муз-9265. Л. 467 об.).

⁵² Ср.: «Приидите и повем вам вечнаго, паче же небеснаго жития науку или паче художество, без труда и поту в пристанище безстрастия делателя своего *вводящее*» (Никифора монашескую Слово о трезвении и хранении сердца, исполненное немалых пользы // *Добротолюбие*. 1822. Ч. II. Л. 28). Этот фрагмент был использован АТ в кратком наставлении «О духовной простоте, как удобном средстве ко внутренней молитве», составленном 12 декабря 1835 г., без замены «пристанище бесстрастия» на «спасение» (Муз-9265. Л. 445 об.), а русский перевод этого же текста находится в составленном, вероятно, в 1850 г. «Парафразическом изложении учения препод. Никифора монашескую, положенного во 2-й части Добротолюбия на листе 28-м»: «Приидите, возведу вас вечного небесного жития науку, или лучше сказать искусство, без труда и потов *вводящее* в пристанище бесстрастия упражняющихся в оном» (Муз-9265. Л. 79 об.).

⁵³ Такая цитата в Добротолюбии отсутствует (ср.: Преподобного Симеона Нового Богослова Слово о трех образах молитвы // *Добротолюбие*. 1822. Ч. I. Л. 64.), однако этот текст восходит к наставлению АТ, входящему в составленное им 17 января 1849 г. «Извлечение художественных способов ко внутренней молитве из описаний отцов Церкви» (Муз-9265. Л. 144 об. — 153 об.): «Итак, желающая обрести внутреннюю молитву душа!, жаждущая непрерывного соединения и сладчайшего общения со Иисусом Христом, прииди, решишь и испытай наставления святых отцов таковым образом: 1) Сядь в не-светлом и безмолвном углу на низенький стул. 2) Поникни и наклони голову несколько к левой половине груди. 3) Сожми уста и чрез ноздри дыши тихо и пореже. 4) Отыщи воображением место сердца — под левым сосцом и внимательно смотри в него. 5) Своди ум из головы в сердце и при дышании говори: “Господи Иисусе Христе, помилуй мя!”, — тихо устами, или одним умом, или обоими вместе, как тебе будет удобно. Говори так, чтоб сия Иисусова молитва вводилась в сердце и изводилась вместе с дыханием, т. е. втягивая в себя воздух произноси: “Господи Иисусе Христе”, а испущая воздух: “помилуй

мя!» 6) Старайся в это время сколько возможно иметь внимание, и не принимай в ум, кроме молитвы, никаких мыслей — ни худых, ни добрых. 7) Имей спокойное терпение» (Л. 151 об. — 152).

⁵⁴ Если принять во внимание содержание предшествующего фрагмента, то речь идет о текстах из славянского Добротолюбия, содержащих сведения о технике совершения сердечной молитвы, причем в «Кратком и простом изложении, как научиться внутренней Иисусовой молитве, в вопросах и ответах предложенном», которое АТ составил 30 марта 1846 г., специально отмечено, что указанные сведения содержатся «в книге, называемой Добротолюбие у святого Григория Синаита в “Слове о безмолвии и двух образах молитвы”, у Никифора монашествующего, и у Каллиста и Игнатия от 19-й до 26-й главы» (Муз-10948. Л. 338 об.). Изложение сведений о сердечной молитве, содержащихся в указанных местах из Добротолюбия, находится в «Извлечении художественных способов ко внутренней молитве», составленном 17 января 1849 г. (Муз-9265. Л. 145, 146 об. — 147). Следовательно, в рассматриваемом случае подразумеваются следующие тексты из славянского Добротолюбия: «О безмолвии и о двух образах молитвы, в 15 главах» Григория Синаита (*Добротолюбие*. 1822. Ч. I. Л. 86–91 об.), а также следующие главы, входящие в «Иже во иноцех Каллиста и Игнатия Ксанфопулов, Художество и правило, с Божиею помощию совершенное и от святых свидетельства имущее, о изволяющих безмолвно и иночески пожити, о пребывании и жительстве и пищи их, и еликих и коликих благ безмолвие виновно бывает разумно проходящим е» (*Добротолюбие*, 1822. Ч. II. Л. 43–100 об.): «Глава 19. Художество естественное о внутрь сердца чрез вдыхание ноздренное вхождением, и о действующей со оным от нас молитве, яже есть сия: Господи Иисусе Христе Сыне Божий помилуй нас», «Глава 20. О естественном чрез вдыхание ноздренное художестве, и с сим Господа Иисуса Христа призывании», «Глава 21. Яко и божественный Златоуст, якоже и инии от древних святых отец, во Христе Иисусе Господе нашем молиться определяет внутрь сердца, и сию глаголати молитву: Господи Иисусе Христе Сыне Божии, помилуй нас», «Глава 22. Еще о памяти Иисусовой чрез вдыхание ноздренное со вниманием внутрь сердца», «Глава 23. Яко хотящему умне трезвиться, и паче же новонаначальному, подобает сидети во время молитвы в безмолвной и несветлой храмине, за еже сие уму и мысли естественне некако от части собираться», «Глава 24. Яко прежде все непарение даруется уму Господем нашим Иисусом Христом, и святого Его Имени с верою в сердце призыванием, помоществуе же некако и естественное художество в сердце чрез вдыхание ноздренное, и сидение в безмолвие и несветле месте, и подобная», «Глава 25. Како подобает преходити расстояние от вечера до утрени безмолствующему, и начало пространнейшего учения», «Глава 26. Како подобает время от утрени даже до утрия преходити» (*Добротолюбие*. 1822. Ч. II. Л. 56 об. — 59 об.).

⁵⁵ Цитата восходит к русскому переводу соответствующего фрагмента из славянского Добротолюбия, который входит в составленные АТ в 1852 г. «Места, содержащие учение внутренней молитвы по художественным или искусственным способам, открытым святыми отцами в книге Добротолюбие, изложенные в переводе, по порядку оной книги» (Муз-9265. Л. 116–131): «Если же, много потрудившись, брат!, ты не можешь войти в страну сердечную так, как тебе повелено, то сделай, что я скажу тебе, и при помощи Божией найдешь искомое. Знаешь, что словесность (словопроизношение) у всякого человека есть в персях (в гортани), ибо внутри их говорим, советуем, творим молитвы, и псалмопения, и пр. И так, этой словесности, отгнав всякий помысл (можешь, если захочешь) дай говорить сие: Г.И.Х.С.Б.П.М., и понудься вместо всякой мысли всегда внутри вдыхать оное. И если некоторое время в сем пребудешь, то отверзется тебе чрез сие и сердечный вход, без всякого сомнения, так, как мы тебе написали. Сие мы дознали на опыте» (Л. 123). Ср.: «Никифора монашествующего Слово о трезвении и хранении сердца, исполненное немалых пользы» (*Добротолюбие*. 1822. Ч. II. Л. 33).

⁵⁶ Это описание восходит к описанию собственных ощущений АТ при совершении Иисусовой молитвы, которое находится в составленном им в октябре 1859 г. «Откровенном послании пустынного отшельника к своему старцу и наставнику во внутренней

молитве»: «Сперва ощущалось в оном как бы онемение языка и связанность челюстей, но при этом и удобнее, или как бы естественнее было изрекать молитву, нежели что-либо другое... Потом отражались легкая и тонкая боль в небе рта, некоторой как бы лом в большом и указательном пальце левой руки, что простиралось иногда и до локтя; иногда же воспалялись оконечности, или кисти обеих рук. Это, конечно, было вследствие частого (долгого) и напряженного перебирания четок. Все сие как бы возбуждало и понуждало к творению молитвы, которая чувствовалась уже всегдашнюю необходимую принадлежностью» (Муз-10947. С. 19–20). Следует отметить, что 12 тысяч молитв в сутки АТ совершил 11 февраля 1849 г., что было специально отмечено в «Откровенном послании» (С. 32–33, 661).

⁵⁷ Ср.: Прем. 1, 1.

⁵⁸ Ср. описание состояния АТ, испытанного им в Оптиной пустыни, входящее в составленный в 1851 г. «Перечень жизни одного Пустынника, относительно искания сердца для внутренней жизни и молитвы»: «В 1834 году (29 л<ет>) однажды вошел он в общую столовую и, ожидая обеда, просто сидел: вдруг ощутилось сердце, восторг, умиление до того, что все сидевшие с ним так *представились ему любезны, как бы родные*» (Муз-9265. Л. 315).

⁵⁹ Серебряная монета достоинством один рубль.

⁶⁰ В действительности: 1 Фес. 5, 17.

⁶¹ Ср.: Пс. 65, 16.

⁶² Обретенные в 1805 г. мощи святителя Иннокентия Иркутского находились в соборном храме иркутского Вознесенского монастыря.

⁶³ *Диалектное*, сосуд из бересты цилиндрической или круглой формы для хранения или переноски чего-либо, в том числе и жидкостей (Словарь русских народных говоров. Вып. 3. Блазнишка–Бяшутка. Л., 1968. С. 280).

⁶⁴ 1 Тим. 2, 4.

⁶⁵ 1 Кор. 10, 13.

⁶⁶ Курить — пьянствовать без памяти, пить запоем (*Даль В. И.* Толковый словарь русского великорусского языка. Т. II. И — О. М., 1956. С. 222).

⁶⁷ Вероятным источником является входящее в Патерики изречение аввы Пимена о закланателях, использующих особые слова, которым повинуются змеи, и о демонах, слышащих слова и отступающих. Это изречение АТ использовал в октябре 1860 г. в примечании к заметке «Тайна в Имени Иисуса Христа (чудотворная самодействующая сила)»: «Есть особенные слова и в натуре. Св. Пимен говорит: “Волшебники не понимают тех слов, кои произносят, но змеи и животные вдаются рукам их”. Тоже бывает и с нами: если мы и не понимаем внутренней силы, но часто произносим Слово Божие» (Муз-10948. Л. 74 об.), а также в августе 1861 г. в начале заметки «О силе слова, безусловно действующего»: «Что может обязательно открываться в словах безусловно действующая сила, сему святой Пимен поставляет в пример слова волшебников, кои хотя и не понимают тех слов, которые произносят, однакож им повинуются силы природы» (Муз-10948. Л. 75).

⁶⁸ Ср.: «Если диавол не дерзает проникнуть в тот дом, где есть Евангелие, тем более души, усвоившей себе мысли Писания, не коснется и не нападет ни бес, ни грех» (*Свт. Иоанн Златоуст.* Беседы на Евангелие святого апостола и евангелиста Иоанна, переведенные с греческого. СПб, 1854. Ч. I. С. 392). Однако наличие церковнославянизма «храмина» в цитате из II рассказа указывает на ее зависимость от церковнославянского перевода XXXII беседы свт. Иоанна Златоуста на Евангелие от Иоанна. См., напр.: «Аще бо в храмине, идеже Евангелие будет лежаще, не дерзнет приступить диавол, много паче души разумения такова обносящей не коснется когда, ниже наступит демон, ни естество греха» (*Свт. Иоанн Златоуст.* Беседы на евангелие св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова. М., 1665. Л. 242 об.). Следует отметить, что в составленных АТ в 1843–1852 гг. «Записках при чтении Слова Божия» (Муз-10953. Л. 5–11, 14–15, 22–29, 37–37 об.) содержится не только рассматриваемая цитата с указанием источника, но и ее интерпретация: «Чтобы еще далее следить самосущную, непосредственную силу Слова Божия, следует

раскрыть влияние Его на мир греховный. В Деяниях Апостолов повествуется, что Имя Божие, произносимое устами неверующих, устрашало и изгоняло злых духов (*на нижнем поле под знаком сноски: Деян.*). Святой Иоанн Златоустый утвердительно говорит, что даже и в храмину, где лежит Святое Евангелие, робеют входить злые духи (*на нижнем поле под знаком сноски: Бесед. на Ев. Иоан. Нрав. 32*). Все сказанное как живо выражает самодействующую, непосредственную, магическую силу Слова Божия, сокрытого в Евангелии!...» (Л. 9 об. — 10).

⁶⁹ Составленное АТ в 1835 г. «Расположение подробного трактата о молитве, разделенного на четыре части» (Муз-9265. Л. 330–343), на основании которого в 1840 г. были составлены «Четыре книги о молитве», содержит мнение о том, что первая часть полной Иисусовой молитвы («Господи Иисусе Христе Сыне Божий») сопоставима с евангельским повествованием о жизни Спасителя: «Восточное обыкновение выражает внутреннюю молитву таковыми словами: “Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя грешного!”» <...> Дух сего выражения дает вниманию в первом члене историю жизни Иисуса Христа, а во втором — историю собственного смирения» (Л. 333). В «Наставлении как внутренне молиться Богу, предложенном в чистосердечном разговоре» (январь 1846 г.) АТ тоже указывал, что «первая часть (*Иисусовой молитвы* — А. П.) дает уму всю историю жизни Иисуса Христа, вторая же — историю нашего смирения и греховности» (Муз-10948. Л. 283).

⁷⁰ Ср.: «Любезная моя книга! Даже одно токмо воззрение на тебя делает отраду духу моему и приятное воспоминание... 21. Апр. 55. Утро. В Ник. монастыре» (Муз-9265. Л. 23^а об. Запись АТ на отдельном листке бумаги).

⁷¹ Феопипта митрополита Филадельфийского Слово, сокровенное во Христе делание изъясняющее и показующее вкратце труд монашеского чина // *Добротолюбие*. 1822. Ч. II. Л. 38–40.

⁷² Ср.: «На трапезу шед <...> предлагающая пред тобою зря, и (тех) прикасаяся, телу давай пищу, слуху же — слышание чтения, души же — молитву, да телом и духом питаешься, все совершенно восхвалиши Исполняющего во благих желание твое» (Там же. Л. 38).

⁷³ Рим. 12, 20.

⁷⁴ Мф. 5, 44, 40.

⁷⁵ Ср. комментарий в составе «Чудес, производимых внутреннею молитвою», составленных АТ в 1839 г.: «Святые отцы утверждают, что внутренняя молитва есть ключ к разумению Св. Писания (Предисловие на <книгу> Исихия)» (Муз-9265. Л. 302). Ср.: «А понеже глаголют отцы, яко ключ есть разумения Писания умная и священная молитва» (Предисловие на книгу Исихия, Муз-9265. Л. 60; опубликовано: *Паисий Величковский*. 1847: 142).

⁷⁶ 1 Пет. 3, 4.

⁷⁷ Ср.: Ин. 4, 23–24.

⁷⁸ Ср.: Лк. 17, 21.

⁷⁹ Ср.: Рим. 8, 26.

⁸⁰ Быт. 17, 1.

⁸¹ Ин. 15, 4.

⁸² Притч. 23, 26.

⁸³ Гал. 3, 27.

⁸⁴ Ср.: 2 Кор. 1, 22.

⁸⁵ Гал. 4, 6.

⁸⁶ Ср.: «43. <...> И свойственно убо есть тем разум сущих, видение словес твари и причастие Святого Духа» (Третья сотница главизн о любви и совершенстве жития тогожде (смирненнаго Никиты монаха и пресвитера святейших обители Стифата Студийскаго — А. П.) // *Добротолюбие*. 1822. Ч. IV. Л. 72).

⁸⁷ Речь идет о церковнославянском переводе второй редакции Жития прп. Василия Нового, составленного его учеником Григорием, которое содержит описание посмертных мытарств души старицы Феодоры, поведенных Григорием по молитве прп. Василия,

а также пространное описание видения Страшного суда, явленного Григорию по молитве его наставника.

⁸⁸ Пораздольнее (в свое удовольствие). Ср.: проклад — увеселения, забавы; прокладный — доставляющий удовольствие (*Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. III. М., 1956. С. 490; *Словарь русских народных говоров*. Вып. 32. Присуха–Протишь. СПб., 1998. С. 156, 157).

⁸⁹ Ср.: «Якоже не возможно настоящее житие продолжить без пищи и пития, сице не возможно без хранения ума и чистоты сердца. <...> Богоугодное достигнути душе и свободитися мысленного греха, аще и нудит кто себя страха ради мук не согрешати» (Исихия Иерусалимского к Феодулу слово душеполезное и спасительное о трезвении и добродетели // *Добротолюбие*. 1822. Ч. II. Л. 10).

⁹⁰ 1 Кор. 12, 31; 1 Фес. 5, 19.

⁹¹ Никифора монашествующего Слово о трезвении и хранении сердца, исполненное немалыя пользы // *Добротолюбие*. 1822. Ч. II. Л. 28–33.

⁹² Во первой части славянского Добротолюбия находится группа текстов, надписанных именем прп. Григория Синаита, в начале которой находятся «Главы краегранием (в греческом писании) расположенныя, зело полезныя» (*Добротолюбие*. 1822. Ч. I. Л. 66–83 об.), за которыми следуют тексты, непосредственно связанные с молитвенным деланием: Тогожде ведение о безмолвии и молитве, еще же и о знамениях благодати и прелести, и кое есть различие теплоты и действия, и яко без наставника прелестию удобно побеждаем, глав 10 (Там же. Л. 84–86); Тогожде о безмолвии и о двух образех молитвы, в 15 главах (Там же. Л. 86–91 об.); Тогожде преподобного отца нашего Григория Синаита о безмолвии. О еже како подобает безмолствующему седети и творити молитву (Там же. Л. 91 об. — 96 об.).

⁹³ Преподобного отца нашего Симеона Нового Богослова Слово о трех образех молитвы // *Добротолюбие*. 1822. Ч. I. Л. 61–65; Преподобного отца нашего Симеона Нового Богослова Слово о вере и учении к тем, иже глаголют, яко не возможно пребывающим в мире и имеющим попечения житейския достигнути до совершенства добродетели // Там же. Л. 57–61.

⁹⁴ Иже во иноцех Каллиста и Игнатия Ксанфопулов, Художество и правило, с Божиюю помощию совершенное и от святых свидетельства имущее, о изволяющих безмолвно и иночески пожити, о пребывании и жительстве и пищи их, и еликих и коликих благ безмолвие виновно бывает разумно проходящим е // *Добротолюбие*. 1822. Ч. II. Л. 43–100 об.

⁹⁵ Текст с указанным названием в славянском Добротолюбии отсутствует. Судя по всему, АТ имел в виду «Святейшего Каллиста патриарха Константинопольского Образ внимания молитвы» и «Тогожде о молитве вкратце» (*Добротолюбие*. 1822. Ч. IV. Л. 117 об. — 118, 118 — 118 об.).

⁹⁶ Способы «отыскания места сердечного» подробно рассмотрены АТ в относящемся к апрелю 1850 г. сочинении «Об отыскании “сердечного места”, по выражению святых отцов, для сведения ума в оное, сопутствующего внутренней Иисусовой молитве» (Муз-9265. Л. 167–174), в котором также содержатся русские переводы соответствующих фрагментов из Добротолюбия (Л. 171 об. — 172 об.).

⁹⁷ Лк. 17, 21.

⁹⁸ Фрагмент текста от слов «познавал, что значит сказанное Им» до слов «и любви Его к нам» восходит опосредованно к не имеющей названия классификации молитвенных ощущений, составленной АТ в марте 1855 г. (Муз-9265. Л. 185–186 об.), положенной в основу соответствующего раздела в пространной редакции «Памяти о молитвенной жизни старца Василиска, монаха и пустынника сибирских лесов» (*Троепольский*. 1994: 325; *Пентковский А. М.* От «Искателя непрестанной молитвы» до «Откровенных рассказов странника» (к вопросу об истории текста) // *Символ*. 1992. № 27. С. 153), который, в свою очередь, был использован при составлении Второго рассказа. В декабре 1861 г. АТ составил пространный текст «О насладительных последствиях внутренней сердечной молитвы с призыванием Имени Иисуса Христа, отвергающей

Царствие Божие внутри сердца» (Муз-10948. Л. 172–177) на основании предшествующего текста 1855 г.

⁹⁹ Пс. 103, 24.

¹⁰⁰ Источник не установлен. Возможно, подразумевалась «Краткая священная история Ветхого и Нового завета, изданная для народных училищ Российской империи» (Киев, 1841).

¹⁰¹ Ср.: Рим. 8, 20, 22.

¹⁰² Ср. сходные рассуждения о молитве творения, находящиеся в заметке «Повсеместность молитвы», которую АТ составил 11 сентября 1859 г.: «если <...> вся тварь созводыхает — стремится к своему первоначальному центру, подвергшись суете не волею; <...> то это стремление может быть названо непрестанною молитвою тварей, проповедающих величие и славу Творца своего» (Муз-10948. Л. 62 об., 63).

¹⁰³ У не имеющих священства старообрядцев поморского согласия «бессвященнословный брак» (благословение на брачное житие) совершали наставники общин, которые читали канон Всемилоостивому Спасу.

¹⁰⁴ Вид — документ, удостоверяющий личность.

¹⁰⁵ Мф. 16, 26.

¹⁰⁶ В житии свмч. Климента, папы Римского, упоминается, что брат его отца, который был «зол нравом и бесстудный любодей», «уязвился» на его мать, Матфидию, вследствие чего она решила, для избавления от посягательств и «не хотяше обличити брата», оставить своего мужа, объяснив, что видела сон, в котором ей было указано покинуть Рим на 10 лет, чтобы не погибнуть ужасной смертью (Четьи-Минеи, 25 ноября).

¹⁰⁷ Житие преподобныя матери нашея Марии, в мужеском образе преименованныя Марином, и отца ее, Евгения преподобнаго (Четьи-Минеи, 12 февраля).

¹⁰⁸ Место совершения суда (расправы) в сельской местности, суд низшей степени (сельский).

¹⁰⁹ Земский исправник, председательствующий в земском суде.

¹¹⁰ Выборный — в данном случае сельский староста, старший на селе.

¹¹¹ Должностное лицо сельской полиции, избиравшееся сельским сходом.

¹¹² Десятский — должностное лицо сельской полиции, подчинявшееся сотскому.

¹¹³ Иже во святых отца нашего Антония Великого увещания о нравах человеческих и благом житии, во 180 главах состоящая // *Добротолюбие*. 1822. Ч. I. Л. 1–14.

¹¹⁴ Ср.: «Овогда учитель в безчестие предается за духовне пользовавшихся искушение терпя» (преподобнаго отца нашего Иоанна, епископа Карпайского, ко иноком иже во Индии, писавшим ему, утешительные главы // *Добротолюбие*. 1822. Ч. IV. Л. 4 об.).

¹¹⁵ Там же. Л. 5.

¹¹⁶ Ср.: 1 Ин. 4, 4.

¹¹⁷ 1 Кор. 10, 13.

¹¹⁸ Ср.: «И не тоию молитися нам всегда, но (и) учити и прочих, всех вообще, и монахов, и людян, и премудрых и невежд, и мужей и жен и детей, и побуждати их молитися непрестанно» («О непрестанной молитве. Из жития Святого Григория Паламы, архиепископа Фессалонитского, яко подобает всем вообще христианам молитися непрестанно», Муз-9265. Л. 43 об.; текст был переписан АТ в 1837 г.; опубликовано: Иже во святых отца нашего Григория Паламы, архиепископа Фессалонитского, о Молитве (Из жития его греческия книги) // *Паисий Величковский*. 1849: 30). Однако в славянском тексте отсутствует упоминание о заповеди непрестанно молиться, имеющееся в свободном переводе АТ «О непрестанной молитве, то есть, что всем вообще христианам должно непрестанно молиться (Извлечено Симеоном Фессалонитским из Жития Святого Архиепископа Григория Паламы). Парафраз» (Муз-10948. Л. 261–267), который был выполнен, вероятно, в 1861 г.: «не токмо должно, *исполняя заповедь Апостола*, нам самим *молитися непрестанно*, но следует учить и других — вообще всех, как монахов, так и мирян; и мудрых, и необразованных, и мужей, и жен, и детей, и убеждать всех молиться непрестанно» (Л. 261 об. — 262).

¹¹⁹ Ср.: «Гл. 110. Аще подобает не быти сокровену сокровищу, ниже убо премудрости, общия ради пользы за любовь, то явственно есть воистинну, яко ниже по Богу умно дело, и видение, и горе простертие подобает удерживати во уме неписано: но писанию предавати и назнаменованию общия ради пользы за любовь» («Преподобнейшего отца нашего Каллиста Антилюди, святейшего и приснопамятного патриарха, главы (116)», 1810 г., РГБ. Ф. 317 (Собрание рукописных книг Филарета, митрополита Московского (В. М. Дроздова). № 7. Л. 86 об. Ср.: РГБ. Ф. 173. II (Собрание МДА, дополнительное). № 211. Л. 86). Русифицированный вариант этой цитаты находится во вступительной части к «Четырем книгам о молитве», составленным АТ в 1840 г.: «Истинно, что ни умственное дело для Бога, ни ведение, ни расположение духа к горным не должно удерживать только в своей памяти неписанным, но предавать писанию и рассуждению для общей пользы, по любви (Каллист. Ант. гл. 110)» (Кол-177/3. Л. 19; Воскр-147. Л. 20–20 об.).

¹²⁰ Притч. 18, 19.

¹²¹ Процесс термического разложения органических и неорганических соединений при длительном нагревании исходного материала с улавливанием выделяющихся летучих веществ, то есть сухая перегонка (пиролиз), был хорошо известен в средневековой традиции. Однако получение некоей целебной маслянистой жидкости и одновременное восстановление костных тканей при пиролизе сгнивших костей не представляется возможным. Поэтому описание процесса приготовления лечебного снадобья, исходным материалом для которого являются гнилые кости, а также описание последующего излечения с использованием этого лекарственного средства не имеют отношения к народной медицине и отражают особые натурфилософские представления АТ, определившиеся «химической философией» и восходившие к изложенным в книге Иоганна фон Лена (1694–1776) «סוד רוקבון ושרפה» или Рассуждение об истлении и сожжении всех вещей, по чудесам оного в царстве природы и благодати, относительно к большому и малому миру (Маско- et Microcosmice), яко ключь, которым отверзается путь к усовершенствованию, обнажается сокровенное в тварях и основательно познается просветление смертного тела» (М., 1816), в которой, в частности, рассматривается присутствующая в телах «соленая клейкость (viscositas salina)», представляющая собой некую «всеобщую влагу, не разрушимую ни тлением, ни сожжением» (С. 54–59). Указанную книгу АТ использовал при составлении «Рассуждения о бессмертии души» в разделе «Доказательство бессмертия души из неуничтожения тел», о чем свидетельствует характерная цитата из сочинения фон Лена (С. 59): «Самое смертное тело носит в себе семя вечности, покоющееся в его соли, которая не может ни разлагаться, ни уничтожаться» (*Троепольский*. 1846: 34).

¹²² Ср.: Иер. 29, 13.

¹²³ Ин. 15, 4.

¹²⁴ Ср.: 1 Фес. 5, 17.

¹²⁵ Деян. 2, 21.

¹²⁶ Пс. 33, 9.

¹²⁷ Цитата восходит либо к соответствующему фрагменту из краткого сочинения АТ «Об истине молитвенной сладости, потребности искания ее, и пользе размышления об оной» (Муз-9265. Л. 188–194 об.), датированного февралем 1850 г., либо из пространной редакции «Памяти о молитвенной жизни старца Василиска, монаха и пустытника сибирских лесов», в состав которой вошло это сочинение: «Уклоняющиеся от сего желания, от сей цели или равнодушно взирающие на плоды сердечной молитвы троекратную наносят себе пагубу, как говорит святой Великий Макарий: “1) что Богодухновенным Писаниям являются противоречущими; 2) что не предполагают высшего и совершеннейшего для христианина предмета и не тщатся о достижении оного, а потому алкания и жажды правды иметь не могут, но внешними и обыкновенными формами и некоторыми наружных добродетелей исполнениями будучи довольны, блаженны надежды, и очищения страстей и совершенства лишаются; и 3) мечтая о себе по внешним добродетелям, думают, что они достигли совершенства, не имеют смирения, и не стараются ни о растении, ни о плодах” (Сл. 3. Гл. 13)» (Муз-9265. Л. 192 об. — 193; *Троепольский*.

1994: 323), где она была заимствована из русского перевода слов Макария Египетского (*Макарий Египетский*. 1817: 47–48).

¹²⁸ Преподобного отца нашего Симеона Нового Богослова, Слово о вере и учении к тем, иже глаголют, яко не возможно пребывающим в мире и имеющим попечения житийская достигнути до совершенства добродетели // *Добротолюбие*. 1822. Ч. I. Л. 57–61.

¹²⁹ Пс. 50.

¹³⁰ Ср.: «Одна боголюбивая душа рассуждает о сем следующим образом: “Чудо, которое не должно быть громко сказано, состоит в том, что человек всегда молится, когда и сам того не ведает, и молитвы, творимые им по ведению, суть произведения тех, о коих он не знает”» («Повсеместность молитвы» (11 сентября, 1859 г.). Муз-10948. Л. 64–64 об.). Указанная цитата восходит к выпискам «О внутренней молитве», которые были сделаны АТ 11 апреля 1840 г. из некоего «трактата о молитве Сен-Мартеня, вельм. при N.» (Муз-9265. Л. 373–376, цитата находится на л. 373 и отмечена карандашным крестом на правом поле). Источником этой выписки, в свою очередь, было сочинение «О молитве», входившее в состав второго тома «Сочинений, изданных по смерти г-на Сен-Мартеня» (ОР РГБ. Ф. 14 (собрание В. С. Арсеньева). № 1355. Л. 124–136), в котором находится и рассматриваемая цитата: «Но чудо, которое не должно громко сказывать, есть то, что человек всегда молится, даже сам не зная того; и молитвы, которые производит он в ведении, суть токмо произведения тех, кои ему неведомы» (Л. 136).

¹³¹ Ср.: Еф. 4, 13. В текстах Добротолюбия данное понятие обозначало состояние «мужа совершенна». См., напр.: «41. <...> Трех бо сими по чину восходя тщливый, растет иже ко Христу возрастом и приходит в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова» (Тогожде смиренного Никиты (*Стифата* — А. П.) третья сотница главизн о любви и совершенстве жития // *Добротолюбие*. 1822. Ч. IV. Л. 72).

¹³² Ср.: Пс. 72, 28.

¹³³ Флп. 2, 13.

¹³⁴ Флп. 3, 13–14.

¹³⁵ Пс. 103, 1.

¹³⁶ Понятие «вовращение» систематически использовалось АТ для обозначения аскетической практики, связанной с внутренней молитвой, — «вовращение внутрь, то есть молитвенное свожение ума в сердце» («Откровенное послание пустынного отшельника к своему старцу и наставнику во внутренней молитве» (октябрь 1859 г.). Муз-10947. Л. 35). В краткой заметке «О погружении в себя», составленной в июле 1844 г., АТ отмечает западное происхождение этого понятия и его принадлежность к западной аскетической традиции, а также описывает практику совершения: «Сводить ум в сердце, ощутить сердце, входить в сердце, внимать сердцу — это выражения восточных созерцательных отцов. *Вовracцаться*, входить внутрь себя, собираться в себе, сосредотачиваться внутри, самоуглубляться — это выражения западных мистиков. Если ты знаешь, что это такое, то конечно спросишь: как до сего достигнуть, как это сделать? Из многих способов и стезей, ведущих к сему упражнению, рассмотрим, поставя на вид ближайшие к делу... Слушай! Ты чувствуешь, что (ты) дышишь? Ощущаешь, как воздух входит внутрь твоей груди и как исходит обратно? Ты это можешь слышать даже и наружным твоим ухом! Ты осязаешь, как бьется твое сердце, и можешь живо вообразить его в своем месте? Если уединишься, отразишь помыслы, и умолкнешь, и будешь пореже дышать, положи руку на сердце и смотря в него, то в непродолжительном времени сказанные ощущения утончатся, разовьются, откроют так называемый ноздренный путь в сердце, так что при дыхании струя воздуха будет как бы ощутительно проходить в средоточие сердца. И здесь-то разовьется неуподобимая сладость, чистота мысли, и самоуглубление...» (Муз-9265. Л. 377 об.). Ко «внутреннему самововращению», которое противопоставлялось «внешнему настроению к чувственности», АТ призывал в своей книге, посвященной рассуждению о бессмертии души (*Троепольский*. 1846: 71). Появление термина «вовращение» в русской традиции следует связывать с деятельностью московских мартинистов, так как он регулярно встречается в русском переводе «Духовного

путеуказателя» Мигеля де Молиноса, выполненном в конце XVIII в. (Духовный путеуказатель, служащий к отвлечению души от чувственных вещей и к приведению ее внутренним путем к совершенному созерцанию и ко внутреннему миру. М., 1784. Ч. I. С. 90–137), где соответствовал французскому «recueillement». В перв. пол. XIX в. указанный термин активно использовался последователями московских мартинистов для обозначения используемой ими аскетической техники (Халтурин Ю. Д. Мистический опыт и мистические практики в свидетельствах российских розенкрейцеров XVIII–XIX вв. // Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета: Богословие. Философия. М., 2013. Вып. 5 (49). С. 71–72). Следует отметить, что АТ был хорошо знаком с принадлежащими к этой особой традиции сочинениями П. Д. Маркелова, о чем свидетельствует выписка «О самововращении», сделанная 28 октября 1840 г. «из рукоп<иси> П<етра> Д<митриевича> М<аркелова>» (Муз-9265. Л. 378–379), а также составленное 12 декабря 1839 г. «Исследование способов к приобретению внутренней молитвы, почерпнутое из рукописи П<етра> Д<митриевича> М<аркелова>» (Кол-177/3. Л. 463–466).

¹³⁷ В 1851 г. в Москве в типографии В. Готье был напечатан русский перевод «Лестницы», выполненный при Московской духовной академии, а в 1842 и 1849 гг. в Москве в Синодальной типографии был напечатан церковнославянским шрифтом славянорусский перевод Лестницы, выполненный Д. Р. Ульянинским в 1784 г. и впервые опубликованный в 1785 г.

¹³⁸ Максим Исповедник. 1853: 3–50.

¹³⁹ О молитве «Отче наш» упоминается в заключительной части слова «О еже како может кто стяжати истинную веру» (Книга первая преподобного и богоносного отца нашего священномученика Петра Дамаскина // *Добротолюбие*. 1822. Ч. III. Л. 45 об. — 46).

¹⁴⁰ Здесь и далее определение источника (книги, содержащей изъяснение молитвы «Отче наш», опубликованной до 1859 г.) не представляется возможным.

¹⁴¹ «Присутствие Божие» и «хождение пред Богом» входили в число основных понятий, которые использовал АТ в своих текстах. О «хождении в присутствии Божиим» АТ упоминает еще в 1840 г. в «Четырех книгах о молитве», где отмечено: «Хождение в присутствии Божиим, которое есть беспрестанное воспоминание о Боге и преданное поставление себя пред Ним в ожидании от Него помощи, во внутреннем успокоении (покое), составляет превосходный способ к молитве» (Кол-177/3. Л. 89). В марте 1855 г. им был составлен небольшой трактат «О присутствии Божии, или хождении пред Богом» (Муз-9265. Л. 163–166 об.), где содержалось «определение» этих понятий: «Поставление себя в присутствие Божие и хождение пред Богом есть глубочайшее сознание умом и живое ощущение сердцем Его близости» (Л. 163 об.). Об особом внимании АТ к рассматриваемым понятиям свидетельствуют переписанные им тексты, опубликованные при непосредственном участии московских мартинистов: «Присутствие Божие. Средства приобрести и сохранить присутствие Божие в сердце, дабы сделаться истинным христианином» (Кол-177/3. Л. 308–331), которое содержало текст, изданный в 1798 и 1817 гг., а также «Письма о присутствии Божии, и о внутреннем поставлении себя пред Ним, писанные в XVII веке» (Кол-177/3. Л. 340–353 об.), которые были напечатаны в 1812 г. (Друг юношества. 1812. Сент., С. 3–43). Следует отметить, что рассматриваемые понятия были связаны у АТ и в традиции московских мартинистов с понятием «вовращение» (см. примеч. 136), о чем свидетельствует выписка АТ из писем С. И. Гамалеи: «Присутствие Божие есть возвращение чувства нашего к Богу или воспоминание вездеприсутствующего Бога, которое тогда либо чрез воображение, либо чрез разум бывает...» («О присутствии Божиим», ОР РГБ. Ф. 743. К. 178. Ед. 1. Л. 1), а также русский перевод «Духовного путеуказателя» Мигеля де Молиноса: «Внутреннее возвращение есть вера или молчание в присутствии Божии» (Духовный путеуказатель, служащий к отвлечению души от чувственных вещей и к приведению ее внутренним путем к совершенному созерцанию и ко внутреннему миру. М., 1784. Ч. I. С. 90), что указывает на принадлежность этих понятий к одной и той же традиции.

¹⁴² Источник не установлен, однако в сочинении АТ «Об истине молитвенной сла-
дости, потребности искания ее, и пользе размышления об оной» (Муз-9265. Л. 188–194
об.), датированном февралем 1850 г., отмечено: «В наставлении как молиться Иисус
Христос ясно обнаружил цель молитвы во втором прошении — “Да придет Царст-
вие Божие” (ср.: Мф. VI, 10) в сердца наши, которое есть любовь, мир и радость...»
(Муз-9265. Л. 191 об.).

¹⁴³ Ср.: «Тако бо жителъствующе, примем в молитвах, якоже хлеб насущен и животен
в препитание душ наших и соблюдение благоимения дарованных нам благ, Слово рекшее:
“Аз есмь хлеб, спешдый с небесе и даая живот миру”» (Максим Исповедник. 1853: 34).

¹⁴⁴ Ср.: 2 Кор. 12, 9.

¹⁴⁵ Данная цитата восходит к сложной цитате из книги Петра Дамаскина, которая
находится в подборке переведенных фрагментов из Добротолюбия, составленной АТ
в 1852 г.: «Места, содержащие учение внутренней молитве по художественным или
искусственным способам, открытым святыми отцами в книге Добротолюбие, изложенные
в переводе, по порядку оной книги» (Муз-9265. Л. 116–131): «Петра Дамаскина: Должно
всегда отвращаться от всякого сновидения, и от всякого слова и дела праздного, и поу-
чатся призыванию Имени Божия более нежели дыхание, во всяком времени, и месте,
и деле. Припадать к Богу от всей души, отвлекая ум от всех мирских помыслов, ища
только того, чтоб совершалась в нем Воля Божия (на полях: Книга I. / Добр. ч. 3. л. 14.).
Апостол говорит: *непрестанно молитесь*, то есть он учит, чтобы иметь памятование
о Боге во всякое время, на каждом месте и при всякой вещи. Если ты что-нибудь дела-
ешь, должен иметь в памяти Творца вещей. Если видишь свет, помни Даровавшего тебе
оный. Если видишь небо, землю, море и все находящееся на них, удивляйся и прославляй
Создавшего оный. Если надеваешь на себя платье, вспомни, чей это дар и благодари Про-
мышляющего о твоей жизни. Кратко сказать, всякое движение да будет тебе причиною
к памятованию и прославлению Бога. И вот ты непрестанно молишься! От сего всегда
будет радоваться душа твоя (на полях: Егоже Кн. 1 л. 48)!» (Л. 128–128 об.). Ср.: Книга
первая преподобного и богоносного отца нашего священномученика Петра Дамаскина
// *Добротолюбие*. 1822. Ч. III. Л. 14–14 об., 48 об.

¹⁴⁶ Судя по всему, с иконой прп. Петра Дамаскина ошибочно соотнесена какая-либо
икона прп. Иоанна Дамаскина.

¹⁴⁷ Люди — прислуга (вероятно, крепостная) в господском доме, служители по от-
ношению к господам.

¹⁴⁸ Ср.: Плач 4, 8.

¹⁴⁹ Ср.: Лк. 17, 21.

¹⁵⁰ Ср.: «52. По внутреннему устройению души соизменяется обыче и естество самое
вещей» (Смиренного Никиты монаха и пресвитера обители Стифата Студийского, пер-
вая деятельных глав сотница // *Добротолюбие*. 1822. Ч. IV. Л. 44).

¹⁵¹ Ср.: «44. Иже сие постигий краеградие, не может под узами держатися чувства
всех. Не зрит что от красных жития сего, не разделяет от непреподобного преподоб-
ного, но якоже Бог равно дождит и возсиявает солнце на праведные и неправедные,
на злыя же и благия, тако равно и той любви возсиявает и простирает ко всем лучи»
(Тогожде вторая естественных главизн сотница, о очищении ума // *Добротолюбие*. 1822.
Ч. IV. Л. 57).

¹⁵² Ср.: «185. Подобно обоя душу помрачают, и беседы помыслов в уме, и внешняя
глаголания и празднословия» (Исихия пресвитера к Феодулу слово душеполезное и спа-
сительное о трезвении и добродетели // *Добротолюбие*. 1822. Ч. II. Л. 17 об.).

¹⁵³ Источник не определен.

¹⁵⁴ Ср.: «Молитва непрестанна есть, еже призывати имя Божие выну. Аще убо беседу-
ет кто, аще сидит, аще ходит, аще делает, аще яст, аще что ино творит. На всяко бо время,
и на всяком месте подобает призывати имя Божие, якоже пишет “непрестанно моли-
теся”» (Тогожде <святейшаго Каллиста, патриарха Константинопольского> О молитве
вкратце // *Добротолюбие*. 1822. Ч. IV. Л. 118).

¹⁵⁵ Глаукома, глазная болезнь, приводящая к полной потере зрения.

¹⁵⁶ В текстах АТ встречается русский перевод этого фрагмента: «Непрестанная молитва есть то, чтоб призывать Имя Божие всегда. Беседует ли кто, или сидит, или ходит, или чем занимается, или пищу употребляет, или иное что делает, во всякое время и на всяком месте должен (он) призывать Имя Божие, как говорит и Священное Писание: *Непрестанно молитесь* (1 Сол. V. 17), ибо сим побеждается всякое вражеское искушение» (Муз-9265. Л. 82: «Святейшего Каллиста, патриарха Константинопольского, краткое изложение о внутренней молитве (парафразис со славянского издания с нотами)», 1848 г.; Муз-9265. Л. 129 об.: «Места, содержащие учение внутренней молитве по художественным или искусственным способам», 1852 г.).

¹⁵⁷ Ср.: «Молитися же тебе есть кому сердцем» (Тогожде <святейшего Каллиста, патриарха Константинопольского> О молитве вкратце // *Добротолюбие*. 1822. Ч. IV. Л. 118).

¹⁵⁸ Ср.: 1 Кор. 12, 3.

¹⁵⁹ Вероятным источником рассуждений об особых способностях души к сверхчувственному восприятию и, в частности, к получению зрительной информации об объектах, недоступных зрительному восприятию, являются представления П. Д. Маркелова, изложенные им, например, в «Письме о видениях» от 23 ноября 1840 г.: «Когда же дух наш отвлекает душу от пяти наружных чувств <...>, тогда начинает он видеть душою во свете первозданном, наполняющем вселенную. <...> Так сперва он еще из головы видит осияющий свет и сим светом видит предметы с закрытыми наружными глазами. Он не воображает их, но видит. <...> Во время молитвы молчания <...> видятся существа, нас окружающие. <...> Еще при глубоком отвлечении души <...> видит наш дух не только все внутреннее строение плотской своей храмины и болезненные повреждения в ней, но и видит внутреннее всякого человека, соприкасающегося к плоти его, видит и мысли, и фантазии, и желания, и действия его, и видит это душою чрез свет первозданный» (ОПИ ГИМ. Ф. 342 (Барятинские). Ед. хр. 164. Л. 49–50 об.).

¹⁶⁰ В основе рассказа слепого нищего лежит пример крестьянина–портного, входящий в состав «Чудес, производимых внутреннею молитвою» (Муз-9265. Л. 283 об. — 284). Эти же сведения находятся в составе наставления «О духовной простоте, как удобном средстве ко внутренней молитве», составленного АТ 12 декабря 1835 г. (Муз-9265. Л. 449–449 об.), и восходят, в свою очередь, к краткой записи, находящейся на полях составленной в 1831 г. «Беседы о внутренней молитве» (Муз-10951. Л. 12). Сопоставление текстов: с. 380.

¹⁶¹ См. примеч. 159.

¹⁶² Ср.: «35. Овогда учитель в безчестие предается, за духовне пользовавшихся искушения терпя» (преподобного отца нашего Иоанна, епископа Карпафийского, ко иноком иже во Индии, писавшим ему, утешительные главы // *Добротолюбие*. 1822. Ч. IV. Л. 4 об.).

¹⁶³ *Диалектное*, падающая болезнь, эпилепсия (Словарь русских народных говоров. Вып. 32. Присуха–Протишь. СПб., 1998. С. 17).

¹⁶⁴ *Диалектное*, то же что и *прикоснуться*, т. е. случиться, произойти (Словарь русских народных говоров. Вып. 31. Почестно–Присуть. СПб., 1997. С. 260).

¹⁶⁵ Ср.: «Глава 12. <...> И негли и от немощи побеждается кто невольне, но абие прощается и похваляется от Ведящего намерения и сердца» (Тогожде (Григория Синаита о безмолвии, и о двух образех молитвы, в 15 главах // *Добротолюбие*. 1822. Ч. I. Л. 90 об.); «Аще же и случится искушение, ко искусу и венцу бывает, скорейшу имея попускающего Бога помощь, имиже весть образы» (Тогожде (Григория Синаита) о безмолвии, о еже како подобает безмолвствующему седети и творити молитву // Там же. Л. 96).

¹⁶⁶ В основе рассказа странника о чудесном избавлении от плотского искушения на почтовой станции лежит назидательный пример об ученике некоего старца, совершившем молитву при плотском искушении и избавленном от этого искушения, который входит в подборку «Чудес, производимых внутреннею молитвою», составленную АТ в ноябре 1839 г. (Муз-9265. Л. 297 об. — 298). Подробнее см. с. 381.

¹⁶⁷ Тростить — *диалектное*, говорить, говорить скороговоркой (Словарь русских народных говоров. Вып. 45. Транбовать–Тыча. СПб., 2013. с. 137).

¹⁶⁸ Обругать — осквернить, обесчестить; в данном случае — изнасиловать.

¹⁶⁹ Бумажный денежный знак (купюра) номиналом 5 рублей.

¹⁷⁰ Рассказ старухи-странницы о чудесном избавлении на дороге в лесу восходит к назидательному примеру о чудесном избавлении благочестивой девицы от насилия конного воина благодаря совершенной ею молитве, который входит в составленную АТ в ноябре 1839 г. подборку «Чудес, производимых внутреннею молитвою» (Муз-9265. Л. 298–298 об.). Подробнее см. с. 378–380.

¹⁷¹ Содержание опубликованных в 1785 г. бесед свт. Григория Паламы (Святого отца нашего Григория Палама, архиепископа Фессалонитского, Десять бесед, с присовокуплением двух бесед, одной Иоанна Златоустого, а другой Амфилохия Иконийского, и с учением Иоанна Дамаскина о Пречистом Теле Господне. М., 1785) не имеет отношения к Иисусовой молитве. Однако в составленной АТ в ноябре 1839 г. подборке «Чудес, производимых внутреннею молитвою» (Муз-9265. Л. 298–298 об.) находится повествование о чудесном лове рыбы при совершении молитвы, источником которого была некая «Книга Св. Григория Паламы о непрест<анной> Иисусовой молитве» (Л. 307 об. — 308). В «Четырех книгах о молитве», составленных АТ в 1840 г., также содержится повествование о чудесном лове рыбы при совершении молитвы, заимствованное из «книги Григория Паламы о непрестанной молитве» (Кол-177/3. Л. 186 об. — 189). Источником указанного повествования является небольшой церковнославянский текст под названием «О непрестанной молитве. Из жития Святого Григория Паламы, архиепископа Фессалонитского, яко подобает всем вообще христианам молиться непрестанно», который был переведен прп. Паисием Величковским и впервые опубликован вместе с другими его переводами в 1849 г. (Иже во святых отца нашего Григория Паламы, архиепископа Фессалонитского, о молитве // *Паисий Величковский*. 1849: 30–36). АТ переписал этот текст еще в октябре 1837 г. («О непрестанной молитве. Из жития святого Григория Паламы, архиепископа Фессалонитского, яко подобает всем вообще христианам молиться непрестанно»; Муз-9265. Л. 43–48 об.), а затем использовал его при составлении «Чудес, производимых внутреннею молитвою» (1839 г.) и «Четырех книг о молитве» (1840 г.). Следовательно, именно этот текст является «прекрасной книгой Григория Паламы о Иисусовой молитве», упоминаемой в заключительной части IV рассказа.

¹⁷² В основе рассказа помещика о научении своего малолетнего слуги Иисусовой молитве, после чего молившийся мальчик стал предметом насмешек других слуг и вынужден был уйти из господского дома, лежит назидательный пример про «слугу некоего вельможи», научившегося Иисусовой молитве, которого его сверстники пытались отравить, входивший в подборку «Чудес, производимых внутреннею молитвою», составленной АТ в ноябре 1839 г. (Муз-9265. Л. 301 об.). Подробнее см. с. 382.

¹⁷³ Ср.: Тов. 5, 17.

¹⁷⁴ Ср.: Евр. 11, 13; Деян. 7, 6.

¹⁷⁵ Источник не выявлен.

¹⁷⁶ Ин. 15, 4.

¹⁷⁷ Ср.: «Ибо никакое добро, как бы маловажно не было, не будет пренебрежено Судиею Праведным. Если грехи исследованы будут с такою строгостию, что мы понесем наказание и за слова, и за желания, то кольми паче добрые дела, малы ли будут, или велики, вменятся нам в то время?» (Святого отца нашего Иоанна Златоустаго Слово утешительное I к Феодору падшему // *Христианское чтение*. 1844. Ч. I. С. 362).

¹⁷⁸ Ср.: «Внегда бо глаголати тебе “согреших Господеву”, ответ дается: “отпускаются греси твои”» (Блаженного Иоанна Карпафийского, Слово постническое и зело утешительно к побуждившим и от Индии иноком // *Добротолюбие*. 1822. Ч. IV. Л. 13 об.).

¹⁷⁹ Ср.: «И ничтоже разделяет между нами же, и пророки, и прочими святыми» (Там же).

¹⁸⁰ Эта цитата была использована АТ в XXI письме (1846 г.), входившем в «Письма, содержащие убеждение к занятию внутреннею молитвою», а также выписана отдельно

(Муз-9561. Л. 65, 70; опубл. по Опт-411: *Троепольский*. 2006: 501, 503). Ср.: «Молитвы, хотя бы оне стали действовать в нас, исполненных грехами, тотчас очищают» (Святого отца нашего Иоанна Златоустаго Слово о молитве // Христианское чтение. Ч. XXXIV. 1829. С. 23).

¹⁸¹ Церковнославянский перевод книги Агапия Ланда «Спасение грешников», составленной на основе западных источников и впервые опубликованной в 1641 г. в Венеции, был выполнен в 1687 г. на Афоне. См., напр.: «Книга краснаа, глаголема Амартолон сотириа, си есть Грешных спасение, с многим прилежанием от Агапия, инока критского, в святой горе Афонской постившагося, съложена общим языком гречьским, ныня же новопреведена на язык словенский в тьижде святой Афонской горе от единого старого писца, русина родом, именем Самуила Бакачича, в скитах Святоанских в лето спасения 1687» (Белград, Народная библиотека Сербии, Рс-57). Подробное описание состава см.: *Штавланин-Ђорђевић Љ., Гроздановић-Пајић М., Цернић Л.* Опис ћирилских рукописа Народне библиотеке Србије. Књ I. Београд, 1986. с. 125–132. Книга «Грешных спасение» была использована АТ в качестве источника в его сочинении «О силе и действиях молитвы к Божией Матери» (Муз-10951. Л. 34–43).

¹⁸² В книге Агапия Ланда «Спасение грешников» повествование об Агафонике отсутствует, однако оно находится в сочинении АТ «О силе и действиях молитвы к Божией Матери» (Муз-10951. Л. 34–43) среди примеров, заимствованных «Из Великого Зерцала, собран<ного> Германом» (Л. 42). Подробнее об этом источнике см. с. 380–381 (прим. 1).

¹⁸³ Оклематься — выздороветь, стать здоровым (Словарь русских народных говоров. Вып. 23. Одале–Осеть. Л., 1987. С. 125).

¹⁸⁴ В основе рассказа лежат краткая запись о чудесном научении пастуха Иисусовой молитве, входящая в составленную АТ в ноябре 1839 г. подборку «Чудес, производимых внутреннею молитвою»: «10. Молодой пастух, некогда (*над строкой карандашом*: однажды) потерял из стада своего овцу. Напуганный жестокими угрозами управителя деревни, вынужден был в глубокую ночь идти в лес (*над строкой карандашом*: и) искать потерянное животное (*над строкой карандашом*: овцу). Долго ходя и попустому (*над строкой карандашом*: не отыскавши), он чувствовал в сердце своем сугубый страх и даже трепет, ужас и (*над строкой карандашом*: ночные) опасности дремучего леса, и возвращение без находки (*над строкой карандашом*: овцы) к жестокому управителю (*карандашом добавлено*: деревни) поражали его душу. Будучи в крайности, он не знал что делать! Как, наконец, павши на землю, от всех сил душевных произнес обыкновенное в крестьянском быту молитвенное слова: “Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя грешного!” При сих словах он почувствовал отраду. Продолжая далее он совершенно успокоился, потом вошел в такое восхитительное положение, что не чувствовал как протекла ночь. Наконец, пришедши в себя тогда, когда уже возшедшее солнце извело людей на дела их, он в совершенном покое возвратился в деревню. Сдесь (*над строкой карандашом*: Возвратясь к утру в деревню) он вытерпел благодушно строгие наказания, неразлучен будучи с молитвою. Напоследок (*над строкой и на левом поле карандашом добавлено*: м<олитва> развилась в нем до высшего степени, и как заметили) увидевши его необыкновенным и как бы изумленным, отставили от паствы стада. И так оставленный всеми, даже родственниками, он предался странствованию по святым местам. “Не чувствую как я хожу, — говорил он, — молитва заставляет не чувствовать мне всех трудностей пути и все нужды странствования мне сладки. Я нередко сбиваюсь с дороги и по целому дню иду, не зная и не примечая куда. Это случается тогда, когда пламенеющая молитва переходит в высший степень. Я тогда забываю все, и даже самого себя...” Внешний вид его смиренный и любвеобильный. Лицо его свежее и цветущее, носящее черты невинности» (Муз-9265. Л. 284–285). В свою очередь, текст 1839 г., как и в случае рассказа слепого нищего (см. примеч. 160), восходит к краткой заметке из сочинения АТ «О внутренней молитве», составленного в 1828 г.: «Молодой крестьянин, наученный Богом чудно Иисусовой молитве (*на правом поле чернилами*: 9. Самовидец>.), сделался непрестанным ее действителем, так что сделавшись

неспособным к работе, претерпевал охотно многие телесные нужды и оскорбления в странствии» (Муз-10951. Л. 10).

¹⁸⁵ Ср. рассуждения АТ в XXI письме (1846 г.) из «Писем, содержащих убеждение к занятию внутреннею молитвою»: «Я сейчас докажу Вам, что не только усердная и чистая, но и всякая, — никакая молитва за Богом не пропадет» (Муз-9561. Л. 65; опубл. по Опт-411: *Тропопольский*. 2006: 501).

¹⁸⁶ Возможно, речь идет о разделе Лествицы, посвященном молитве: «Степень двадцать осмая. О священной и блаженной матери всех добродетелей, молитве, и как о душевном, так и телесном на ней предстоянии» (*Иоанн Лествичник*. 1812: 124–129).

¹⁸⁷ Ин. 14, 15.

¹⁸⁸ «Правило 3. <...> Доказательством, что не любит человек Бога и Христа Его, есть то, что он не соблюдает заповедей Его» (Нравственные правила св. Василия Великого // Христианское чтение. Ч. X. 1823. С. 50).

¹⁸⁹ Ср.: Пс. 1, 2.

¹⁹⁰ Ср.: Иак. 2, 19.

¹⁹¹ «Исповедь внутреннего человека, ведущая ко смирению» (Муз-10948. Л. 240–246 об.). Первоначальный вариант этого текста был составлен АТ 11 апреля 1855 г. («Исповедь внутреннего человека (ведущая к смирению)», Муз-9265. Л. 380–383 об.), затем на полях были внесены дополнения. 3 сентября 1861 г. была составлена распространенная версия этого текста, в которую вошла и предшествующая правка (Муз-10948. Л. 240–249), в который позднее опять была внесена карандашная правка, присутствующая в тексте, входящем в состав «Пятого свидания».

¹⁹² Источник не установлен.

¹⁹³ Ср.: Пс. 1, 2.

¹⁹⁴ Ср. окончание VIII молитвы («Многомилостивый и всемилостивый Боже мой») из утреннего правила.

¹⁹⁵ Комментарии духовника представляют собой заключительную часть «Исповеди внутреннего человека» (Муз-10948. Л. 247–249).

¹⁹⁶ Традиционно принято считать, что переводы текстов, вошедших в славянское печатное Добротолюбие, принадлежат прп. Паисию Величковскому. В действительности же переводы соответствующих текстов существенно различаются, потому что «перевод старца Паисия отличается буквальностью и конструированием переводимых славянских фраз по образцу греческих», а «перевод печатного славянского Добротолюбия часто отстает от буквального смысла и в конструкции фраз мало чем отличается от перевода на современный русский язык», причем перевод старца Паисия «дает более точное понятие о мыслях св. отцов, изложенных в восточном Добротолюбии, исправленный же текст удобен для назидательного чтения» (*Леонид (Поляков)*, иеромон. Схиархимандрит Паисий Величковский и его литературная деятельность / Дисс. на соискание уч. ст. магистра богословия. ЛДА, 1956. Кн. II. С. 426–432, 477, 480). Различие переводческих принципов прп. Паисия Величковского и российских переводчиков хорошо видно на примере Предисловия к Добротолюбию (*Родионов О. А.* Предисловие к славянскому Добротолюбию: история текста // Каптеревские чтения. Сборник статей. Вып. 12. М., 2014. С. 154–165).

¹⁹⁷ См. примеч. 70.

¹⁹⁸ Наставление, произносимое «афонским монахом», представляет собой составленный АТ в марте 1862 г. текст под названием «Мысли об Иисусовой молитве» (Муз-10948. Л. 182–183 об.).

¹⁹⁹ В «Наставлении как внутренне молиться Богу, предложенном в чистосердечном разговоре» (январь 1846 г.) АТ указывал, что «сущность ее (Иисусовой молитвы. — А. П.) представляет два предмета — Иисуса и Его умилоствление» (Муз-9265. Л. 283) и также «все то, что мы встречаем в молитвах написанных, все это содержится в Иисусовой молитве, то есть сам Иисус и его умилоствление» (Там же. Л. 288), однако ранее, при рассмотрении различных форм внутренней молитвы в «Четырех книгах

о молитве» (1840 г.), он отмечал: «Другие еще кратче выражались и произносили токмо: Господи помилуй!, — полагая в основание своей формы Господа и его умилоствление» (Кол-177/3. Л. 114).

²⁰⁰ Ср.: Рим. 8, 26.

²⁰¹ Ср.: 1 Кор. 12, 3.

²⁰² 1 Цар. 2, 9.

²⁰³ Речь идет о прп. Василиске Туринском (канонизирован в 2004 г.). Ср.: «66. Некогда старец, беседа со мною, между прочими душеполезными разговорами сказал мне следующее: “Теперь я разумею апостолово слово: Никтоже может рещи Господа Иисуса, токмо Духом Святым”. Ибо воспоминание имени Божия никогда уже не бывает во мне без усладительного последствия, а наипаче сие “Иисусе”. При сем воспоминании, хотя бы и простым и без приуготовления к молитве, сердце мое восторгается и услаждается» («Повесть ученика о наставнике», Муз-9265. Л. 229 об.; *Троепольский*. 1994: 306–307).

²⁰⁴ Ср.: Мф. 25, 15.

²⁰⁵ Ср.: Рим. 9, 21.

²⁰⁶ Второе наставление, произносимое «афонским монахом», представляет собой составленный АТ в январе 1862 г. краткий трактат «Об акцентах в интонации Иисусовой молитвы» (Муз-10948. Л. 178–181 об.). Начало: «Многokrатно случалось мне слышать...».

²⁰⁷ Цитата восходит к соответствующему тексту в «Преложении XXVI и XXVII трезвенных глав святого Марка, о молитвенных восхищениях», выполненном АТ в апреле 1850 г. (Муз-9265. Л. 278), а ее источником, в свою очередь, является церковнославянский перевод «глав Марка Подвижника», опубликованный в 1849 г.: «27. Абие по знамении креста, благодать сице действует: умиротворяет вся уды, и душа, многия ради радости, является аки детище, незлобиво и просто, и не ктому уже осуждает человек Еллина, или Иудея, или грешника, но внутренний человек на всех зрит, аки на единого чистым оком, и такожде радуется о всем мире, и хочет да вси, Еллини же и Иудеи, поклоняются Сыну Божию якоже Отцу» (Святого Марка Главизны ко трезвению относящиеся // *Паисий Величковский*. 1849: 158).

²⁰⁸ Ср.: «Слово VI. О любви. <...> Глава VI. <...> овогда толикою любовию с неисповедимую духовно разтворенною сладостию воспаляются, яко, аще бы возможно было, всякаго человека во утробы свои вселили, не различающе злаго от добраго» (*Макарий Египетский*. 1817: 105).

²⁰⁹ *Диалектное*, о ком-либо, очень исхудавшем, изможденном, напоминающем собою призрак (Словарь русских народных говоров. Вып. 41. Ссувориться–Стригчись. СПб., 2007. С. 136–137).

²¹⁰ Источник не определен, однако в наставлениях старца Леонида Оптинского (сентябрь 1833 г.) отмечено: «Такожде и в старческих преданиях заповедуется ничтоже глаголати в церкви, разве Иисусовой молитвы, зане она есть всему благу наука, и паче аще хощши причаститься» (Муз-10951. Л. 136 об.; ср.: Муз-10947. Л. 7–7 об.), а в составленных в 1840 г. «Четырех книгах о молитве» со ссылкой на Добротолубие указано, что «частое приобщение Св. Христовых Тайн — Тела и Крови Христовой, и неупустительное хождение в храм Божий особенную дают силу и успешность в упражнении во внутренней молитве» (Кол-177/3. Л. 71 об. — 72).

²¹¹ Источник не выявлен.

²¹² Ин. 16, 23–24.

²¹³ Этот текст представляет собой первую часть «Сказания носящего всегда при себе Евангелие», составленного АТ в апреле–мае 1861 г. (Муз-10948. Л. 212–221).

²¹⁴ Так в ркп, в действительности: Притч.

²¹⁵ Ср.: Мф. 18, 20.

²¹⁶ Ср.: 1 Тим. 3, 16.

²¹⁷ Ср.: 1 Тим. 2, 4.

²¹⁸ Ср.: Кол. 2, 8.

²¹⁹ Источник не выявлен.

²²⁰ См. примеч. 69.

²²¹ Об особой редакции «Великого зеркала», которую использовал АТ, см. с. 380–381.

²²² Лк. 16, 10.

²²³ Ср.: «118. <...> Тако и непрестанно моляйся в сем вся созаклучи» (Преподобного отца нашего Симеона нового Богослова, Главы деятельныя и богословския // *Добротолюбие*. 1822. Ч. I. Л. 51).

²²⁴ Текст «Тайна спасения, открываемая непрестанною молитвою» представляет собой один из ранних вариантов текста «Тайна спасения, сокрытая в молитве», составленного АТ в апреле 1867 г. (Муз-10948. Л. 71–76 об.), в который была внесена карандашная правка, имеющаяся в соответствующем тексте из VI рассказа. В этой же рукописи находится и первоначальный вариант этого текста, имеющий позднее название «Способ ко спасению, сокрытый в частости и непрестанности молитвы», над которым АТ работал 21 сентября — 3 октября 1861 г. (Л. 350–351 об.), к которому восходит текст в VI рассказе.

²²⁵ Ср.: Мк. 16, 16.

²²⁶ Ср.: Мф. 17, 20; Лк. 17, 6.

²²⁷ Ср.: Еф. 2, 8.

²²⁸ Ср.: 1 Кор. 12, 9.

²²⁹ Мф. 7, 7.

²³⁰ Мф. 7, 8.

²³¹ Лк. 17, 5.

²³² Иак. 2, 26.

²³³ Иак. 2, 24.

²³⁴ Мф. 19, 17–19.

²³⁵ Иак. 2, 10.

²³⁶ Рим. 3, 20.

²³⁷ Рим. 7, 14, 18–19, 25.

²³⁸ Иак. 4, 2.

²³⁹ Ин. 15, 5.

²⁴⁰ Ср.: Ин. 15, 4, 5.

²⁴¹ Ср.: Ин. 16, 23.

²⁴² Ср.: 2 Кор. 12, 7–8.

²⁴³ Ср.: Еф. 3, 14, 16.

²⁴⁴ 1 Тим. 2, 1.

²⁴⁵ 1 Фес. 5, 17.

²⁴⁶ 1 Фес. 5, 17.

²⁴⁷ Ср.: Лк. 18, 1.

²⁴⁸ Ср.: Еф. 6, 18.

²⁴⁹ Ср.: 1 Тим. 2, 8.

²⁵⁰ Ср.: Быт. 8, 21.

²⁵¹ Ср.: Иез. 11, 19.

²⁵² Ср.: Флп. 2, 13.

²⁵³ Ср.: 1 Кор. 14, 14.

²⁵⁴ Ср.: Рим. 8, 26.

²⁵⁵ 1 Фес. 5, 17.

²⁵⁶ Ср.: Лк. 18, 1.

²⁵⁷ Ср.: Еф. 6, 18.

²⁵⁸ Ср.: 1 Тим. 2, 8.

²⁵⁹ Эта же цитата находится в XVI письме (1841 г.), входящем в составленные АТ «Письма, содержащие убеждение к занятию внутреннею молитвою» (Муз-9561. Л. 31 об.; опубл. по Опт-411: *Троепольский*. 2006: 484), а ее вторая часть находится в XII письме (1855 г.) из этого же собрания (Муз-9561. Л. 25; опубл. по Опт-411: *Троепольский*. 2006: 480). Ср.: «Слово VII. О свободе ума. <...> Глава XVIII. <...> Темже должно, якоже речено есть, и неволею пристигати себе к добродетели <...> Таким образом

имущих навык к молитве, дара же Духа к оной не у стяжавших, еще узрит Бог сице подвизающихся, и нуждею преломляя упорство сердца, влекущих к благому: абие дает молитву истинную, <...> и, словом рещи, исполняет всех плодов Духа Святаго» (*Макарий Египетский*. 1817: 148–149).

²⁶⁰ Ср.: «7. <...> Частота же рождает навыкновение» (Исихия пресвитера к Феодулу слово душеполезное и спасительное, о трезвении и добродетели // *Добротолюбие*. 1822. Ч. II. Л. 1 об.).

²⁶¹ Ср.: «32. <...> исцеляет вельми опасное хранение ума и частое призывание Господа нашего Иисуса Христа, без него бо не можем творити ничесоже» (Там же. Л. 4).

²⁶² Ср.: «Гл. 13. Сих ради убо и славнии наставницы нашы и учителя, и со живущим в них всесвятым Духом, зело премудре всех научают, прежде всякого иного доброго делания и поучения <...> в Господе молитися и от него милости просити без сумнения, и всесвятое и сладчайшее его имя непрестанно имети делом же и поучением» (Иже во иноцех Каллиста и Игнатия Ксанфопулов, Художество и правило, с Божиею помощию совершенное, и от святых свидетельства имущее, о изволяющих безмолвно и иночески пожити // *Добротолюбие*. 1822. Ч. II. Л. 47 об.).

²⁶³ Ср.: гл. 59 и 85 «Блаженного Диадоха, епископа Фотикийского Иллирика, главизны деятельны разума и разсуждения духовнаго, 100» (*Добротолюбие*, 1822. Ч. IV. Л. 24 об., 31 об. — 32).

²⁶⁴ Это сложная цитата, которая восходит не только к Лестнице, но и к Добротолюбию. Ср.: «Степень двадцать первая. О малодушии и боязливости. <...> Именем Иисуса Христа поражай душевных сопостатов. Нет бо ни на небеси, ни на земли крепчайшаго против их оружия, как молитва» (*Иоанн Лествичник*, 1812. Л. 76). Ср. также: «4. Никто новоначален когда отгоняет помысл, еще не Бог отженет того <...>. Ты же приходящим помыслом призывай (вместо оружия) Господа Иисуса чаще и терпеливне, и отбегнут» (Преподобнаго отца нашего Григория Синаита о безмолвии // *Добротолюбие*. 1822. Ч. I. Л. 92 об.).

²⁶⁵ «Глава 2. О еже како подобает действовати молитву. <...> Аще же увидиши не чистоты лукавых духов, <...> призывание Господа Иисуса Христа часто и пребывательне действуя, скоро сокрушиши и истребиши оныя, язвя их Божественным именем» (Тогожде (Григория Синаита) О безмолвии и о двух образех молитвы, в 15 главах // *Добротолюбие*. 1822. Ч. I. Л. 87).

²⁶⁶ Ср.: Ин. 4, 23.

²⁶⁷ Евр. 13, 15.

²⁶⁸ Мф. 18, 3.

²⁶⁹ В основе лежат две цитаты из составленного в феврале 1861 г. сборника выписок (цитат) о молитве «Нечто о восточных и западных духовных писателях о молитве» (Муз-10948. Л. 285–299): «Мне не неизвестно, что сии упражнения от некоторых почитаются малостями, и бывают естественно предметом насмешки для многих мнимодуховных бжемудрых философов, — человек горделивых, почитающих сие упражнение как бы безделицею и пустяками... Нечастливые слепцы! Они не видят всего сокровища, находящегося при конце. Несчастливые, говорю, ибо они хотят вездельного величия, благородных упражнений в очах разума и гордости его, и никогда не имели щастия узреть Иисуса Христа, вкушаемого и обретаемого в сих видимых малостях» (Л. 293 об. — 294); «Во внутренности твоего дома, среди домашних, в ежедневных твоих упражнениях, в церкви, в прогулке и повсюду сердце твое имеет свободу возноситься к Творцу своему и быть пред Ним отверзто. А ты составляешь для себя какую-то науку из моления, собираешь различные книги, показывающие правила одного и порядок, советуешься с наставником твоим, обременяешь его по сему предмету вопросами. Потребно ли тебе столько учения, ума, или знания, чтобы сказать чистосердечно: Иисусе, сыне Давидов, помилуй мя! Господи, прости мя грешника! Не таковы ли молитвы восхвалял сам Божественный наш Учитель? Не сими ли молитвами испрашиваемы и производимы были чудотворения?» (Л. 290).

²⁷⁰ 1 Ин. 4, 4.

²⁷¹ 1 Ин. 3, 20.

²⁷² Вторая часть текста «Тайна спасения, открываемая непрестанною молитвою» (со слов: «Для спасения души, во-первых, необходима истинная вера») представляет собой текст «Частость молитвы — единственное мощное средство для спасения души» (Муз-10948. Л. 77–83 об.), составленный АТ 20–26 ноября 1859 г., то есть в перерыве между составлением I и II рассказов странника. В рукописи эти листы имеют карандашную пагинацию 823–826, указанную в тексте «Способ ко спасению, сокрытый в частости и непрестанности молитвы» («см. стр. 823 и следуй до 837 стр.» // Л. 351 об.), к которому восходит текст в VI рассказе (см. примеч. 225).

²⁷³ Ср.: «68: <...> Аще убо не приял еси дарования воздержания, веждь, яко молитвою и упованием хочет тя Господь услышати молящася» (Преподобного отца нашего Иоанна, епископа Карпафийского, ко иноком, иже во Индии, писавшим ему, утешительныя главы, 100 // *Добротолюбие*. 1822. Ч. IV. Л. 9).

²⁷⁴ Далее, до конца § 56, следует текст, восходящий к «Замечаниям по прочтении наставления о частости молитвы», составленным 19 сентября 1861 г. (Муз-10948. Л. 84–86 об.).

²⁷⁵ Сведения о занятиях константинопольского патриарха Фотия (858–867, 877–886) умной Иисусовой молитвой восходят к предисловию Василия Поляномерульского к книге Григория Синаита («Предисловие или предпутие хотящим чести сию книжицу (Григория) Синаита и не погрешати разума, в ней лежащаго», Муз-9265. Л. 52; ср.: *Паисий Величковский*. 1847: 108).

²⁷⁶ Сведения о занятиях патриарха Каллиста (1350–1354, 1355–1363) умной Иисусовой молитвой восходят к предисловию Василия Поляномерульского к книге Григория Синаита (Муз-9265. Л. 52; ср.: *Паисий Величковский*. 1847: 109).

²⁷⁷ Сведения о Лазаре восходят к пространной редакции «Памяти о молитвенной жизни старца Василиска, монаха и пустынника Сибирских лесов» (*Троицкий*. 1994: 326), в которую они были включены в составе текста под названием «Сладостные ощущения при внутренней молитве монаха Лазаря, Простосердечного мирянина, и Девиды Э., живших в Западных странах», относящегося к 1850 г. (Муз-9265. Л. 265). Первичным источником сведений о Лазаре были выписки, сделанные АТ в 1835 г. из книги «Хождение пред Богом, или жизнь брата Л.» (СПб., 1821) (Кол-177/3. Л. 332–339).

²⁷⁸ Ср.: Святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, выборки из разных слов. Слово II. О молитве // Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе. Т. XII. СПб., 1906. С. 491.

²⁷⁹ Здесь заканчивается текст, восходящий к «Замечанию по прочтении наставления о частости молитвы» (начало — см. примеч. 273).

²⁸⁰ Далее до конца § 57 следует текст, совпадающий с «Примечанием» (Муз-10948. Л. 267 об. — 268 об.), прибавленным 30 января 1861 г. АТ к составленному им же тексту «О непрестанной молитве, то есть что всем вообще христианою должно непрестанно молиться (Извлечено Симеоном Фессалонитским из Жития святого архиепископа Григория Паламы) (Парафраз)» (Муз-10948. Л. 261–267).

²⁸¹ Сопоставление молитвенной практики с выполнением царского задания заимствовано АТ из комментария к выполненному им в январе 1848 г. переводу краткого текста «Образ внимания молитве», надписанного именем константинопольского патриарха Каллиста (*Добротолюбие*. 1822. Ч. IV. Л. 117 об. — 118): «Представь, что строгий Царь повелел тебе сочинить рассуждение на данную Им глубокую материю, при Его присутствии, у подножия Его трона: как бы ты ни был совершенно занят твоим предметом, однакожь присутствие Царя, в руке которого жизнь твоя, овладевши тобою, не попустит тебе ни на малое время забыть, что ты рассуждаешь и соображаешь не наедине, а на месте, требующем особенного благоговения. Это-то чувство и внутреннее ощущение близости Царя как близко выражает возможность упражнения во внутренней молитве и при умственных занятиях!» («Святейшего Каллиста, патриарха Константинопольского,

краткое изложение о внутренней молитве (парафразис с славянск<ого> издан<ия> Добротолюбия в 4. части, с нотами)», Муз-9265. Л. 84–84 об.).

²⁸² Песн. 5, 2.

²⁸³ Далее следует текст из «Возражения против частости молитвы и опровержение оно» (Муз-10948. Л. 87–90 об.), работу над которым АТ завершил 5 октября 1861 г., причем слова Профессора представляют собой начальное «возражение» из текста 1861 г., а слова Схимника — следующее за ним «решение».

²⁸⁴ Ср.: Мф. 15, 8.

²⁸⁵ Мф. 7, 21.

²⁸⁶ 1 Кор. 14, 19.

²⁸⁷ Источник не определен. Вероятно, что здесь АТ цитирует одно из своих сочинений, так как вопрос о частости совершения Иисусовой молитвы рассматривается во многих его текстах.

²⁸⁸ Лк. 18, 1.

²⁸⁹ Ср.: 1 Кор. 14, 19.

²⁹⁰ 1 Тим. 2, 8.

²⁹¹ 1 Фес. 5, 17.

²⁹² Здесь заканчивается исходный текст «Возражения против частости молитвы и опровержение оно» (начало — см. примеч. 284).

²⁹³ Augustinus Hippoensis. Tractatus in Epistolam Ioannis ad Parthos. VII, 8. Для русского перевода источник цитирования не определен.

²⁹⁴ Ср.: «4. О еже како подобает отгонять помыслы. Никто новоначальник когда отгоняет помысл аще не Бог отженет того, сильных бо есть брань сотворити и прогнати я. <...> Ты же приходящим помыслом призывай (вместо оружия) Господа Иисуса чаще и терпеливнее, и отбегнут; не терпяще бо теплоты сердечныя, от молитвы восходящая, яко от огня палими отбегают» (Преподобного отца нашего Григория Синаита, о безмолвии // *Добротолюбие*. 1822. Ч. I. Л. 92 об.).

²⁹⁵ Ср.: «Степень двадцать первая. О малодушии и боязливости. <...> Именем Иисуса Христа поражай душевных сопостатов. Нет бо ни на небеси, ни на земли крепчайшаго против их оружия, как молитва» (*Иоанн Лествичник*. 1812: 76).

²⁹⁶ Источник не установлен.

²⁹⁷ Лк. 1, 49.

²⁹⁸ Деян. 2, 21.

²⁹⁹ Источник не установлен.

³⁰⁰ Сходное упоминание («14. Слостолюбивая девица призывает Имя Божие и слостолюбуется, как вдруг устрашается явлением Иисуса Христа, приходит в покаяние и исправляется»), заимствованное, по указанию составителя, из книги Агапия Ланда «Грешных спасение», находится в перечнях, входящих в краткую заметку «О силе слова», составленную в 1848 г. (Муз-9265. Л. 312) и в сходную заметку «О силе слова, безусловно действующего», составленную в 1861 г. (Муз-10948. Л. 76 об.).

³⁰¹ 1 Ин. 4, 4.

³⁰² Эта же цитата, но в ином свободном переводе находится выше (см. примеч. 274).

³⁰³ Отечник (греч. патерикόν, слав. патерикъ) — сборник, содержащий краткие повествования о древних подвижниках и (или) их краткие назидательные поучения.

³⁰⁴ См.: «Слово от Патерика. Брат иде почерпсти воды от реки и обрете жену перущу ризы, и прилучися ему пасти с нею <...> откры же Бог единому старцу соседу его, яко онсица брат пад победи» (Пролог, 21 мая).

³⁰⁵ Ср.: Мф. 14, 30–31 (подробнее см. примеч. 34).

³⁰⁶ Деян. 16, 23–26.

³⁰⁷ Вероятным источником этого упоминания является пример, входивший в составленную в 1848 г. краткую заметку «О силе слова» («17. Юный монах, пришедши в город, впал в соблазн. Призвавши Имя Иисуса Христа, чудесно и мгновенно был перенесен в свою пустынную келию и тем огражден от греха», Муз-9265. Л. 312), где он

был заимствован из пространного назидательного примера о ученике некоего старца, который, находясь в городе, был избавлен молитвою от плотского искушения. Этот пример входил в составленную АТ в ноябре 1839 г. подборку «Чудес, производимых внутреннею молитвою» (Муз-9265. Л. 297 об. — 298) и был использован в качестве источника в IV рассказе (ср. примеч. 166).

³⁰⁸ Ср. назидательный пример о чудесном избавлении благочестивой девицы от насилия конного воина благодаря совершенной ею молитве, который входит в составленную АТ в ноябре 1839 г. подборку «Чудес, производимых внутреннею молитвою» (Муз-9265. Л. 298–298 об.). Этот же текст был использован в IV рассказе при составлении рассказа старухи–странницы о чудесном избавлении от нападения в лесу (ср. примеч. 170).

³⁰⁹ См. примеч. 180.

³¹⁰ См. примеч. 260.

³¹¹ 1 Фес. 5, 17.

³¹² Текст «О силе молитвы» представляет собой XXIV письмо (1857 г.), входящее в составленные АТ «Письма, содержащие убеждение к занятию внутреннею молитвою» (Муз-9561. Л. 77 об. — 80 об.; опубл. по Опт-411: *Троепольский*. 2006: 507–509).

³¹³ Ср.: «Преспеяние сердца — помышление о своем уповании.<...> Приманка для души — радость, производимая надеждою, процветающею в сердце» (*Исаак Сирийский*. 1854: 212).

³¹⁴ Ср.: «Ибо во всяком человеческом деле, в начале его делания и до конца, предполагаются какой-либо способ и надежда совершения; а сие и побуждает ум положить основание дела. И эта цель укрепляет ум к понесению трудности дела, и в воззрении на сию цель заимствует ум для себя некоторое утешение в деле» (*Исаак Сирийский*, 1854: 218).

³¹⁵ Исихия пресвитера к Феодулу слово душеполезное и спасительное, о трезвении и добродетели, оглавытельное // *Добротолюбие*. 1822. Ч. II. Л. 11 об.

³¹⁶ Ср.: «Слово III. О молитве. <...> Глава V. <...> Понеже оные телесные и душевные труды с надеждою духовных плодов исполнять должны есмы, якоже рекли» (*Макарий Египетский*. 1817: 42).

³¹⁷ Рассуждения Схимника представляют собой текст «Средство для возбуждения прилежности к молитве», составленный АТ 7 января 1861 г. (Муз-10948. Л. 111–113 об.) на основании своих более ранних текстов.

³¹⁸ Исх. 20, 12.

³¹⁹ Исх. 20, 12.

³²⁰ Мф. 19, 21.

³²¹ Ср.: Лк. 6, 23, 22.

³²² Мф. 5, 12.

³²³ Ср. совпадающий фрагмент текста со слов «желание награды и не есть совершенство», находящийся в «Письме об утешении добродетелию», составленном АТ в октябре 1861 г. (Муз-10950. Л. 175 об. — 176)

³²⁴ Ср.: «Слово III. О молитве. <...> Глава V. <...> Якоже бо в насаждении винограда все прилежание и труд с надеждою собирания плодов полагаются, и аще не будет их, тщетно все дело является: тако аще чрез действие Святаго Духа плодов любви, мира, радости и прочих от Апостола изчисленных в нас не усмотрим, и о сем самым искусом и чувствами духовными внутри себе совершенно уверены не будем: суетный и бесполезный весь труд о девстве, молитве и псалмопении, посте же и бдении подъятый обертается. Понеже оные телесные и душевные труды с надеждою духовных плодов исполнять должны есмы, якоже рекли» (*Макарий Египетский*. 1817: 41–42).

³²⁵ Следующий далее текст представляет собой текст АТ под названием «О причине, естественно возбуждающей молитву в человеке», составленный 29 января 1861 г. (Муз-10948. Л. 131–132 об.).

³²⁶ Влиять — *перен.*, вложить, вселить что-либо во что-либо (Словарь русского языка XVIII века. Вып. 3. Вѣк — Воздуть. Л., 1987. С. 215).

³²⁷ Совпадающая цитата находится в «Четырех книгах о молитве» (Кол-177/3. Л. 203), где указан и ее источник: «Смотр. Синаит. в Предисловии и книгу Григория Паламы». Следовательно, цитата была заимствована из составленного Василием Поляномерульским «Предисловия или предпутия хотящим чести сию книжицу (Григория) Синаита) и не погрешати разума, в ней лежащего», список которого находился в распоряжении АТ: «Не должно, рече, бояться или сомнетися Бога призывающе» (Муз-9265. Л. 52 об.). Ср. также: «И не должны есмы бояться или воздыхати Бога призывающе» (Тогожде преподобного отца нашего Григория Синаита О безмолвии // *Добротолюбие*. 1822. Ч. I. Л. 96).

³²⁸ Мф. 14, 27.

³²⁹ Ср.: «7. <...> Аще же и случится искушение, ко искусу и венцу бывает, скорейшу имея попускающего Бога, имиже весть образы» (Тогожде преподобного отца нашего Григория Синаита О безмолвии // *Добротолюбие*. 1822. Ч. I. Л. 96).

³³⁰ Ср.: «37. Мнози от иноков не ведят прелести ума, юже претерпевают от бесов, прилежат же к деланию, не пекущися о уме, прости суще» (Преподобного отца нашего Филофея Синайского, Главыны о трезвении, 40 // *Добротолюбие*. 1822. Ч. II. Л. 26 об.).

³³¹ Ср.: «1. <...> Аще же и в других действуему благодать услышим, яко прелесть оную зависти ради вмняем» (Тогожде (Григория Синаита) Ведение известное о безмолвии и молитве, еще же о знамениях прелести и благодати, <...> глав 10 // *Добротолюбие*. 1822. Ч. I. Л. 84).

³³² Ср.: «Сего ради потреба искати наставника непрелестна <...>. Аще ли наставника несть, потреба искати болезненно. Аще не обретається, Бога призвав в сокрушении духа и слезах, и с нестяжанием, сему помолився, твори еже глаголю ти» (Никифора монашествующаго, Слово о трезвении и хранении сердца, исполненное немалыя пользы // *Добротолюбие*. 1822. Ч. II. Л. 32–32 об.).

³³³ Источник не установлен.

³³⁴ Ср.: 2 Кор. 11, 14.

³³⁵ «Глава 10. О прелести. <...> Аще враг внутрь естественных чресл и преобразует духовная якоже хочет, мечтательне иная вместо других, и вместо теплоты свое нестройное наводя жжение, якоже отягчатися тогда душе в таковой прелести, вместо же веселия радость безсловесну и сладость мокротну сотворяя <...> якоже благодать действующу свою прелесть непщевати нудится. Но убо время, и искус, и чувство явлена того творити обыче, не зело не видящим того злоухищрения» (Тогожде (Григория Синаита) О безмолвии и о двух образех молитвы, в 15 главах // *Добротолюбие*. 1822. Ч. I. Л. 89 об.).

³³⁶ Ср.: «54. Пад во глубину зол, никакоже воззвания да отчаешися, аще и во глубину низведен был еси последнюю ада злобы <...>, но не забудет древних твоих трудов Бог <...> и прикоснется очию твоею невидимо печального сердца <...> и даст ти паче прежняя крепости лучшу же и совершеннейшу крепость» (Смиреннаго Никиты монаха и пресвитера святейшия обители Стифата Студийскаго, ученика Симеона Новаго Богослова, Первая деятельных глав сотница // *Добротолюбие*. 1822. Ч. IV. Л. 44 об.).

³³⁷ Ср.: «Но мы всегдашним покаянием и беспрестанною молитвою да побеждаем их, и не дадим плещи врагом нашим, аще и тысящу язв на всяк день приемлем от них. И положим в себе, никакоже отступати живоносного сего делания даже и до смерти» (Слово 3. О еже како и чим укрепляться в настоянии ратей мысленного подвига // Преподобного отца нашего Нила Сорского, Предание учеником своим о жительстве скитском. М., 1849: 57–58).

³³⁸ «Глаголет бо и некий от отец: Седи в келлии твоей, и она тя всему научит» («Тогожде преподобного отца нашего Симеона Новаго Богослова, Слово о триех образех молитвы» // *Добротолюбие*. 1822. Ч. I. Л. 64 об.). Ср.: «Седи в келлии твоей, и та всему тя научит» (Книга первая преподобного и богоносного отца нашего священномученика Петра Дамаскина // *Добротолюбие*. 1822. Ч. III. Л. 20).

³³⁹ *Оличать* — являть суть чего-либо (Словарь русского языка XVIII века. Вып. 16. Обломить–Онца. СПб., 2006. С. 267), характеризовать.

³⁴⁰ Ср.: «Когда на одну сторону положишь все дела жития сего, а на другую молчание, тогда найдешь, что оно перевешивает на весах» (*Исаак Сирин*. 1854: 211).

³⁴¹ Там же. С. 343.

³⁴² Источником рассуждения Профессора и возражения Схимника являются «возражение» и «опровержение» из заключительной части составленных АТ в мае 1861 г. «Мыслей о безмолвии и уединении, почерпнутых из духовных писателей» (Муз-10948. Л. 8 об. — 10 об.).

³⁴³ Текст от слов «Философская школа неоплатоников» до слов «отшельники и затворники» представляет собой два фрагмента, заимствованные из составленных 27–28 февраля 1862 г. «Философских мнений о безмолвии и созерцании» (Муз-10948. Л. 11, 12 об.), восходящих к публикации в журнале «Христианское чтение», как об этом свидетельствует запись «Хр. Чт. Дек. 1860» в левом нижнем углу л. 12 об.

³⁴⁴ «Степень перваядесять. О многоглаголании и молчании. <...> Благоразумное же молчание есть мать молитвы, возвращение от греховного плену, <...> нечувствительный в добродетелях успех, неприметное на небо восхождение» (*Иоанн Лествичник*. 1812: 53).

³⁴⁵ Окончание второго покаянного тропаря, читаемого после десятой кафизмы Псалтири («Егда престолы на суд поставятся, Господи»).

³⁴⁶ Под «магнитным» (точнее, «магнетическим») влиянием здесь понимается влияние, оказываемое одним лицом на другое, в том числе и на расстоянии, посредством некоего универсального всепроникающего «магнетического» флюида, осуществляемое при наличии связи между магнетизером и магнетизируемым, называемой «магнетическим рапортом». В России на учение о «животном магнетизме», созданное Францем Месмером (1734–1815) в 70-е гг. XVIII в., особое внимание обращали в кругах, близких к московским мартинистам, и, затем, среди продолжателей этих традиций, где о магнетизме подробно рассуждал П. Д. Маркелов, с которым в 1839–1841 гг. поддерживал знакомство АТ (ОР РГБ. Ф. 237. К. 68. Ед. хр. 10–11. Л. 21 об., 29, 42, 49, 51 об., 52, 62). В одном из своих высказываний он отмечал, что «действие магнетизмом есть действие воли нашей светом естественным, созданным в 1-й день творения; тогда этот свет был подчинен Адаму до падения его и ныне подчинен тем, кои веруют и действуют, ибо без веры нет действия» (Мысли Петра Дмитриевича Маркелова, собраны Александром Ивановичем Ковальковым // ОР РГБ. Ф. 13. К. 28. Ед. хр. 18. Л. 19 об.). Механизм действия «света естественного» подробно рассмотрен в «письме о видениях», составленном П. Д. Маркеловым 23 ноября 1840 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 342 (Барятинские). Ед. хр. 164. Л. 48–54). Примечательно, что в этой же самой рукописи находится выписка о магнетизме из «записок кавалера Барбереня, 1785 г.» (Л. 41–47 об.), а также статья АТ «О четках» (Л. 34–40) и его же «Трактат о влиянии призывания Имени Божия на жизнь, или о силе в имени Иисуса Христа» (Л. 59–66 об.). О «магнетическом сне» и о сказанных в это время словах и происходивших действиях, а также о связанных с ним видениях АТ упоминал в своих рассуждениях о бессмертии души (*Тропольский*. 1846: 51–52).

³⁴⁷ Лк. 22, 32.

³⁴⁸ Деян. 12, 5.

³⁴⁹ Иак. 5, 16.

³⁵⁰ Евр. 13, 18.

³⁵¹ Ср.: 2 Кор. 12, 9.

³⁵² Заключительная часть этого высказывания (от слов «о примере святого апостола Павла» до слов «воспламеняется сим обоюдная молитва») представляет собой заключительную часть «Мыслей о том, что прежде всего и более всего должно заниматься молитвою» (Муз-10948. Л. 69 об. — 70 об.), составленных АТ 19–24 сентября 1859 г. (Муз-10948. Л. 65–70 об.), в основе которой, в свою очередь, лежит начальная часть «Слова о молитве, преимущественно церковной, в день памяти преподобного Сергия» (Слова и речи синодального члена Филарета, митрополита Московского. Ч. II. М., 1844. С. 197–198).

³⁵³ Ср.: 1 Тим. 2, 4.